

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№ 3
(июль–сентябрь)

2017

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

№ 3

(JULY–SEPTEMBER)

2017

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№3(11) (июль–сентябрь)

E-journal «Perspectives and prospects»
2017
№3(11) (July–September)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411–3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая – кандидат исторических наук, главный редактор;
Н.А. Нарочницкая – доктор исторических наук;
Е.Н. Рудая – кандидат исторических наук;
В.Г. Федотова – доктор философских наук;
Л.Н. Шишелина – доктор исторических наук;
П.П. Яковлев – доктор экономических наук;
А.В. Щербина – кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2017

Содержание:

Екатерина НАРОЧНИЦКАЯ. Выборы 2017 г. во Франции: беспрецедентная президентская кампания	5
Петр ЯКОВЛЕВ. «Brexit по-испански»: причины и последствия каталонского кризиса	36
Владимир ВАСИЛЬЕВ. Анатомия трампизма: команда 45-го президента США	52
Светлана ПОГОРЕЛЬСКАЯ. Эра Меркель	63
Дарья КАРПУХИНА. Эмманюэль Макрон: биография, личность, медийный образ	76
Лев КЛОЧКОВСКИЙ. Будущее мировой экономики и Латинская Америка	93
Петр ЯКОВЛЕВ. Азиатско-Тихоокеанский регион и будущее глобальной экономики	110
Александр РЕПНИКОВ. Русский консерватизм: Константин Победоносцев (к 190-летию со дня рождения)	125
Татьяна КУТАРЕНКОВА. Азбука на чужбине	132
Authors	139
Abstracts and Keywords	140

Contents:

Ekaterina NAROCHNITSKAYA. 2017 Elections in France: An Unprecedented Presidential Campaign	5
Petr YAKOVLEV. Spanish-style Brexit: Causes and Consequences of the Catalan crisis	36
Vladimir VASILIEV. Anatomy of Trumpism: the Team of the 45th President of the United States	52
Svetlana POGORELSKAYA. The Merkel Era	63
Daria KARPUHINA. Emmanuel Macron: biography, personality, media image	76
Lev KLOCHKOVSKY. The Future of the World Economy and Latin America	93
Petr YAKOVLEV. The Asia-Pacific Region and the Future of Global Economy	110
Aleksandr REPNIKOV. Russian Conservatism: Konstantin Pobedonostsev (in commemoration of the 190th birthday anniversary)	125
Tatyana KUTARENKOVA. Schooling in Foreign Lands	132
Authors	139
Abstracts and Keywords	140

УДК 323; 324; 327; 329; 32.019.5

ЕКАТЕРИНА НАРОЧНИЦКАЯ

Выборы 2017 г. во Франции: беспрецедентная президентская кампания

Аннотация. *Статья посвящена главной кампании электорального цикла во Франции, прошедшего в 2017 г. Борьба за пост президента этой страны, завершившаяся избранием Э. Макрона, побила все рекорды по числу сенсаций, скандалов и непредсказуемости. Анализируются предвыборная ситуация, программы основных кандидатов, беспрецедентные особенности последней президентской кампании, ее непредвиденные повороты и результаты. Представленный анализ немало говорит о состоянии, проблемах и тенденциях развития французского общества и государства.*

Ключевые слова: *современная Франция, Пятая республика, президентские выборы 2017 г., президентская кампания, первичные выборы, Ф. Фийон, Э. Макрон, Марин Ле Пен, Ж.-Л. Меланшон.*

Президентские и парламентские выборы 2017 г. во Франции побили все рекорды последних десятилетий по числу сенсаций, скандалов и общей непредсказуемости. Более того, развернувшаяся предвыборная борьба оказалась по многим параметрам поистине беспрецедентной. Вот почему самого пристального внимания заслуживают не только неожиданные итоги голосования, но и предшествовавшие ему избирательные кампании. Их анализ способен немало сказать о состоянии, проблемах и тенденциях развития французского общества и государства. Без него нельзя ни понять результаты выборов, ни судить о перспективах французской политики.

Данная статья посвящена главной кампании последнего электорального цикла – президентской. Франция со времен де Голля имеет полупрезидентский режим, и выборы первого лица государства являются самым важным избирательным процессом в жизни этой страны. Начиная с 2002 г. они проходят раз в пять лет, так же как и выборы в Национальное собрание. Синхронизация была произведена не случайно. Выборы в нижнюю палату парламента, следующие за избранием президента, призваны закреплять расклад сил, который фиксируют президентские выборы, и таким образом способствовать эффективной работе ветвей власти, обеспечивая главе власти исполнительной законодательное большинство.

Сведения об авторе: *НАРОЧНИЦКАЯ Екатерина Алексеевна – ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, директор Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, кандидат исторических наук, главный редактор научного журнала «Перспективы. Электронный журнал» и экспертного портала «Перспективы»; ye_naroch@inbox.ru.*

В этом плане избирательный цикл 2017 г. не стал исключением. Особенности парламентской кампании и ее исход были производными от новой политической конфигурации, сложившейся по итогам президентской гонки. Последняя же на протяжении нескольких месяцев не переставала преподносить сюрпризы: ее и не называли иначе, как исключительной, сумасшедшей, скандальной, шокирующей, экстравагантной и т.п. Чем же столь знаменательна и уникальна эта президентская кампания?

Предвыборный контекст

В Пятой республике, несмотря на наличие нескольких десятков политических партий и относительную подвижность партийного ландшафта, в последние 50 лет существовала де-факто двухпартийная система. В парламенте и исполнительной власти было представлено не более пяти-семи партийных блоков, среди которых безраздельно доминировали две силы, сменявшие друг друга в статусе правящей партии и оппозиции: так называемые правые (правоцентристы), принявшие в 2014 г. название «Республиканцы», и левые (левоцентристы) в лице Социалистической партии (СП).

Начиная как минимум с 1970-х годов центральную интригу на выборах президента неизменно составляло соперничество двух «тяжеловесов» – правоцентристов и социалистов. Именно кандидаты от двух этих лагерей всегда ожидаемо выходили во второй тур. Исключением отчасти стал 2002 г., когда социалиста Лионеля Жоспена в первом туре неожиданно обошел лидер Национального фронта (НФ) Жан-Мари Ле Пен. Но после этого эпизода все вернулось на круги своя. А вот сценарий последней президентской кампании оказался совершенно иным.

Чтобы понять причины, необходимо обратиться к контексту – к тому, чем характеризовалась социально-экономическая, политическая, идейная ситуация во Франции в предыдущие годы. Ее анализ позволяет выделить следующие проблемные явления.

1. Прежде всего, это колоссальное и практически всеобщее недовольство президентством Франсуа Олланда. Огромное разочарование ощущалось даже среди электората самой соцпартии. Ни один президент в истории Пятой республики не был настолько непопулярен. Начиная со второго года после избрания уровень поддержки Олланда редко превышал 20–30%, во второй половине срока опустился ниже 15%, а в 2016 г. оценивался в диапазоне от 4 до 13% [см., напр.: *Le regard...*; Berdah].

2. Застарелые структурные проблемы французской экономики, проявлением которых стали низкие темпы роста и ухудшение других показателей. В 2012–2014 гг., несмотря на завершение острого кризиса, ежегодный рост ВВП составлял всего около 0,3%, в 2015 и 2016 г. – 1,2 и 1,3 %, меньше чем в зоне евро в среднем; государственный долг перевалил за 96% [Кудрявцев, с. 17; Клинова, с. 17]. Конечно, положение в экономике Франции было не столь драматичным, как в те же годы в странах Южной Европы. Но Франция сравнивает себя не с Грецией и даже не с Италией, а прежде всего с Германией и Великобританией. Отставание же от немцев давно является для французов болезненной темой.

3. На фоне экономической стагнации ухудшилась социальная ситуация. Безработица превысила 10% и охватила 3 млн французов, по сравнению с 2012 г. число безработных увеличилось на 700 тыс. человек. При этом среди молодежи уровень безработицы приблизился к 25% [Клинова, с. 17; *Emploi*, p. 94–95].

Молодым французам стало крайне трудно получить постоянную работу, повсеместное распространение получили временные контракты. Впрочем, неблагополучие в молодежной среде – гораздо более широкая проблема. В современной Франции (как и во многих других странах) молодежь нередко называют новым «потерянным поколением». Когда в 2013 г. был проведен репрезентативный опрос среди 210 тыс. молодых французов, оказалось, что 2/3 из них в целом пессимистически оценивают будущее, а 3/4 подумывают об «экспатриации» [Стрельцова, с. 39–40].

4. Новым чрезвычайно важным маркером предвыборного фона стала деградация безопасности в связи с подъемом радикального исламизма и терроризма. С 2014 г. Франция пережила серию беспрецедентно масштабных для нее террористических акций: трагедии 13 ноября 2015 г. в Париже, 14 июля 2016 г. в Ницце и др. Очередной теракт на Елисейских полях в Париже произошел 20 апреля 2017 г., всего за три дня до первого тура президентских выборов, вынудив кандидатов отменить последние мероприятия. Мишенью террористических атак не раз за эти годы становились и соседние с Францией страны.

Значимость безопасности в иерархии общественных потребностей и интересов резко возросла. Как констатировал один из руководителей Французского института общественного мнения (IFOP) Ж. Фурке, безопасность и борьба с терроризмом превратились в 2016 г. в главный приоритет французов, волнующий их почти как безработица или даже больше) [Sondage...]. Со времен алжирской войны чрезвычайное положение вводилось во Франции (не считая заморских территорий) лишь однажды – осенью 2005 г., когда вспыхнули беспорядки в иммигрантских пригородах. Теперь же французам впервые в истории пришлось вести избирательную кампанию и голосовать в условиях чрезвычайного положения, действовавшего с ноября 2015 г.

5. Следующий капитальный фактор – иммиграция. Угроза терроризма тесно связана с иммиграционным вопросом, но далеко его не исчерпывает. Порождаемые многолетним притоком мигрантов проблемы пронизывают все сферы и особенно критичны в таких областях, как социальные расходы госбюджета и идентичность, – прежде всего в связи с массовой семейной миграцией во Францию из арабо-мусульманского мира. «Кризис беженцев», разразившийся в 2015 г., показал риск полной утраты контроля над массовой иммиграцией, усилил оппозицию официальному иммиграционному курсу и те разногласия, которые существуют внутри самих европейских обществ по этому поводу [см.: Нарочницкая «Кризис беженцев»...].

6. Еще один ключевой момент – осязаемое напряжение и раскол в сфере ценностей, культуры, образования, в том, что во Франции называют «социетальными вопросами». Стоит вспомнить, что закон об однополых браках, принятый в период президентства

Олланда, вызвал мощнейшее протестное движение, охватившее более миллиона человек.

7. В общественных настроениях и дискуссиях обращает на себя внимание усилившийся мотив упадка: культурно-цивилизационного, экономического, социального, исторического. Причем этот дискурс вышел далеко за пределы узкого круга правоконсервативных интеллектуалов, для которого он типичен давно. В последние несколько лет на тему «французского суицида», «декаданса», «заката» – Франции, Европы, Запада – вышли десятки книг, проводились теледебаты, о необходимости «остановить упадок» страны заговорили политики [см., напр.: Zemmour; Onfray].

8. Одним из главных трендов является растущее разочарование в европейском проекте. Никогда еще за всю историю Евросоюза настроения евроскептицизма не были столь сильны. По некоторым социологическим исследованиям, Франция по этому параметру среди стран-членов ЕС располагается на втором месте, после Греции [Union Européenne...]. В текущем десятилетии антиевропейским настроениям весьма способствовали доминирование Германии в Европе и роль брюссельских структур в связи с «кризисом беженцев».

9. Прогрессирует раскол между элитами и обществом. Недоверие и раздражение французов по отношению к политическому классу, как и (в несколько меньшей степени) к «большим масс-медиа», достигли рекордных масштабов. Многие опросы показали, что 70–90% не доверяют политическим партиям и парламентариям, в обществе созрел запрос на обновление политического класса [см., напр.: L’Huillier]. Сами же традиционные партии, прежде всего ведущие, оказались неспособны ответить на этот запрос.

10. Накопление протестного потенциала, причем разнохарактерного, имеющего разные мотивы, стало заметным не только в группах, которые традиционно активны на социальной и политической сцене, но и в толще населения – той среде, которую иногда называют «молчаливым большинством».

11. И наконец, еще одна тенденция, безусловно, связанная со всеми предыдущими пунктами, – поступательный подъем несистемной партии, Национального фронта, который заметно изменился под руководством Марин Ле Пен. Она демонстративно отмежевалась от своего отца, основателя партии Жан-Мари Ле Пена, и добилась частичной дедемонизации партийного имиджа. После относительного успеха на европейских и местных выборах 2014–2015 гг. многие начали называть НФ «первой партией» страны. В Европарламенте, избираемом по пропорциональной системе, у НФ оказалась самая большая среди французских партий группа депутатов (22 чел.). В то же время в национальном парламенте, из-за особенностей мажоритарных выборов и репутации «крайне правой», «неприкасаемой» партии, НФ до 2017 г. имел всего одно место, и еще одно депутатское кресло занимал представитель «Объединения темно-синих» с участием НФ.

Таким образом, в преддверии последнего избирательного цикла во Франции фактически сложилась своеобразная трехполюсная конфигурация политических сил. На

электоральном поле доминировала уже не двойка, а тройка влиятельных партий. Однако третья сила оставалась практически не представленной в системе власти Пятой республики.

Прогнозы и сенсации первичных выборов. Кандидаты от партий «большой тройки»

Стартовав на таком непростом и потенциально нестабильном фоне, очередная президентская кампания таила в себе заряд непредсказуемости. Тем не менее еще в начале осени 2016 г. серьезных сюрпризов от нее не ждали. К тому времени выдвинули свои кандидатуры и собирали подписи более 40 человек (во Франции надо собрать 500 подписей выборных лиц, чтобы претендовать на официальный статус кандидата в президенты). Впоследствии список претендентов по разным причинам сокращался, и в итоге (всего за полтора месяца до выборов) были утверждены 11 кандидатов, круг которых, впрочем, определился в общих чертах намного раньше.

На начальной стадии все были уверены, что в первом туре основная борьба развернется между М. Ле Пен и кандидатами от двух главных парламентских партий. Интрига сводилась к тому, кого именно выставят социалисты (президента Ф. Олланда или премьера Манюэля Вальса) и кто пойдет от «Республиканцев» (бывший премьер-министр Ален Жюппе или бывший президент Николя Саркози). Прогнозировалось, что из-за непопулярности Олланда кандидат от правых, скорее всего, обойдет левого соперника и выйдет во второй тур.

Другим фаворитом первого тура изначально считалась М. Ле Пен, несистемный кандидат – ситуация беспрецедентная для французских президентских выборов. В 2002 г. лидер НФ прошел во второй тур, но тогда это стало полной неожиданностью, и во втором туре Ж.-М. Ле Пен потерпел сокрушительное поражение: более 82% проголосовали за Жака Ширака [Résultats...2002]. Теперь же опросы давали Марин Ле Пен в первом туре 25–28% и даже более, так что ее дальнейшее участие в борьбе за высший пост выглядело почти гарантированным [см., напр.: Sondage: Le Pen...].

Предвыборный сезон лидер несистемной партии начала с еще большей коррекции стилистики и программы в сторону респектабельности и умеренности. Ее президентский проект отличался от программы пятилетней давности не только компактностью, но и содержательно [Le Pen M. 144...].

Ключевая идея осталась той же: восстановить независимость и национальный суверенитет – законодательный, валютно-финансовый, территориальный, экономический, культурный. Но речь шла уже не о денонсации договоров Евросоюза со стороны Франции, а о переговорах с европейскими партнерами и организации референдума о выходе из ЕС. В качестве ближайшей задачи фигурировал лишь возврат к национальной валюте, что тоже планировалось предварительно вынести на референдум. Выход из зоны евро стал, пожалуй, самым обсуждаемым и критикуемым пунктом платформы М. Ле Пен – если говорить о критике ее намерений, а не о негативизме общего плана, –

что показало актуальность этой темы в европейской повестке дня. (Напротив, пункт о намерении вывести Францию из интегрированной военной организации НАТО, как то сделал в свое время Ш. де Голль, практически не обсуждался.)

Сильный акцент М. Ле Пен по-прежнему делала на роли государства. Одно из ключевых понятий в идеологии реформированного Национального фронта – «государство-стратег» [Le Pen M. Un Etat-stratège...]. И все же этатизма в новой программе Ле Пен заметно поубавилось. Слово «государство» повторялось в ней всего 14 раз, тогда как в программе 2012 г. – порядка 200 раз [Клинова, с. 19].

Ключевое значение придавалось реиндустриализации страны посредством государственной поддержки реального сектора национальной экономики, налоговых льгот, ослабления административных барьеров, снижения ряда налогов и др. Отстаивались принципы «экономического патриотизма» и «разумного протекционизма». Имелся в программе и рассчитанный на «народного избирателя» социальный пакет – расширение поддержки малоимущих, снижение тарифов на газ и электричество и т.п. Вместе с тем два положения, отпугнувшие в 2012 г. состоятельных французов, были убраны: о прогрессивном налогообложении высоких доходов и крупных корпораций и о национализации, о которой в новой программе упоминалось вскользь.

В политической области проект М. Ле Пен предполагал переход к пропорциональной избирательной системе, закрепление в Конституции роли референдумов и права граждан инициировать их, а также права на защиту национальной идентичности и культурного наследия.

Программа кандидата от НФ ожидаемо выделялась наиболее жесткими мерами по ограничению иммиграции. Среди них – резкое сокращение семейной миграции и притока легальных иммигрантов с 200 тыс. до 10 тыс. человек в год; дополнительный сбор с работодателей за найм иностранной рабочей силы; высылка всех нелегалов и лишение их прав на натурализацию, бесплатное образование и бесплатную медицинскую помощь, кроме помощи по жизненным показаниям. (В настоящее время даже нелегально находящиеся в стране мигранты на все это имеют право и им пользуются.) Ле Пен предложила высылать, помимо нелегальных мигрантов, всех иностранцев, осужденных за совершение преступлений либо связанных, по сведениям службы безопасности, с радикальными исламскими группами (занесенных в так называемый «список S»).

Несмотря на широко укоренившийся негативизм в отношении НФ, выход М. Ле Пен во второй тур с этой программой продолжал считаться наиболее вероятным на протяжении всей кампании. И это единственный прогноз, который оправдался. Все остальные ожидания были вскоре развенчаны.

Центральными событиями первого этапа предвыборной борьбы стали открытые первичные выборы кандидатов от двух главных парламентских партий. По аналогии с американской традицией, кандидатов должны были определить «праймериз» с уча-

ствием избирателей, а не просто партийные съезды. Первичные выборы являются еще одним новшеством последней кампании. В 2012 г. они в усеченном виде проводились лишь социалистами и экологистами и особого значения тогда не имели.

Чем мотивировалось решение провести полноценные праймериз? С одной стороны, в них видели фактор демократизации политики – такие выборы увеличивают состоятельность, предоставляют бóльший выбор избирателям и позволяют установить их предпочтения. С другой стороны, к нововведению подталкивало кризисное состояние главных партий, отсутствие у обеих «естественного лидера». Последнее было особенно очевидно у правых, которые погрязли во внутренних распрях. Но и среди социалистов рекордная непопулярность президента оставляла открытым вопрос, кто же должен представлять партию.

Первичные выборы состоялись у «правых и центра» 20 и 27 ноября 2016 г., а у социалистов – 22 и 29 января 2017 г. Как демократический акт они имели успех, привлекли более 4 млн избирателей в первом случае и более 1,5–2 млн во втором, прояснили позицию заинтересованного электората [Primaire ouverte...; Primaires citoyennes...]. Однако к консолидации партий праймериз не привели, наоборот – стали катализатором внутреннего распада в обоих лагерях.

Дело в том, что итоги первичных выборов оказались сенсационными и опрокинули все расчеты на обеих сторонах политического спектра. У правоцентристов с огромным перевесом победил не Н. Саркози и не А. Жюппе, которым прочили победу, а Франсуа Фийон, бывший премьер, с 1980-х годов находившийся на разных министерских и парламентских постах. Рейтинг его в последние годы, по всем публикуемым опросам, оставался скромным. Что принесло ему триумфальную победу, которая решающим образом изменила траекторию событий? Ответ на этот вопрос исключительно важен, ибо здесь ключ к пониманию логики последующих поворотов в ходе кампании.

В предвыборном политическом сезоне Фийон повел себя довольно неожиданно. С несвойственной ему решительностью он поднял на щит лозунг «разрыва» с политической предшествующего периода, имея в виду далеко не только правление социалистов. Центральная идея его выступлений состояла в том, чтобы остановить упадок страны, обеспечить «национальное возрождение», вернуть судьбу Франции в ее собственные руки. Последнее связано с таким кардинальным вопросом, как членство в Евросоюзе и отношение к «брюссельским» институтам. Отнюдь не призывая к выходу из ЕС, Фийон предлагал «перезапустить и перестроить Европу», поднять в Евросоюзе роль межгосударственных начал – в русле того, как мыслил европейское объединение де Голль [см. Нарочницкая, Внешнеполитическое...], к которому он прямо и апеллировал [Fillon, Mon projet...].

В качестве фундаментальных основ Фийон акцентировал ценность французской национальной идентичности, культуры, исторического наследия, знания истории страны и уважения к ней [см., напр.: Fillon, Je veux...]. Не побоялся он публично вспомнить

о христианских корнях Франции, упомянуть, что сам он практикующий католик, допустить возможность коррекции закона об однополых браках.

Недвусмысленно Фийон выступил по иммиграционному вопросу. «Мы не нуждаемся в иммиграции для поддержания нашего демографического роста», а нынешнее экономическое и социальное положение Франции «не позволяет принимать новых переселенцев на достойных условиях», говорилось в его программе [Fillon, Mon projet..., с. 69]. Он заявил, что намерен усилить контроль за миграционным притоком и добиваться реальной интеграции мигрантов, которые уже находятся в стране. Хотя обещание это само по себе тривиально, серьезность и концептуальный подтекст ему придавали следующие тезисы: «Франция является Nation и вправе выбирать, кто может к ней присоединиться, а также требовать подчинения своим законам и обычаям. Наше национальное единство требует иной миграционной политики» [там же].

В сходном ключе с М. Ле Пен, но не называя в программе конкретных цифр, Фийон призвал: «записать в Конституции принцип иммиграционных квот» и ежегодно их пересматривать; восстановить «иммиграционный суверенитет» и, при необходимости, пересмотреть директивы ЕС, которые противоречат этому; частично ограничить социальные пособия и бесплатные социальные услуги для мигрантов, находящихся во Франции менее двух лет; «нанести решительный удар по нелегальной иммиграции и злоупотреблению правом на убежище», для чего предлагался пакет конкретных мер [там же, с. 69–70].

В экономике идеи Фийона по сути были сходны с предложениями большинства кандидатов – участников праймериз правых и центра. Но именно он провозгласил «революцию здравого смысла» и выдвинул своего рода мобилизационный проект либерального толка. Приоритетная задача, подчеркивал бывший премьер, – не допустить финансового коллапса, а для этого требуется сократить государственные расходы, бюджетный дефицит и государственный долг. Сделать это намечалось в том числе за счет ликвидации 500 тыс. вакансий госслужащих (их общее число во Франции составляет порядка 6–7 млн) [Федоров, с. 14]. Наряду со снижением некоторых налогов на физических лиц, Фийон предложил довести налогообложение бизнеса с рекордно высокого до среднеевропейского уровня в 25% [там же]. Замахнулся он и на назревшую, но болезненную реформу трудового кодекса, предложив радикально его дебюрократизировать, сократить и диверсифицировать в зависимости от сферы, отрасли и соглашений между работниками и работодателями.

Все эти меры, по расчетам экономической команды Фийона, позволили бы подстегнуть экономическую активность и к 2022 г. довести рост ВВП до отметки выше 2%, а безработицу снизить до 7% [Fillon, Mon projet, p. 90, 95].

Экономический проект Фийона, а точнее, его социально чувствительные положения, сразу стал одной из самых обсуждаемых тем. Во французском обществе он был воспринят крайне неоднозначно. Так или иначе он импонировал рационально мыслящим французам, избирателям с относительно высокими доходами, части среднего класса,

но вызвал разного плана сомнения, а у малообеспеченных категорий и в левой среде – резкое неприятие. Большинство французов не готово к сокращению своих обширных социальных гарантий, а динамизм национальной экономики волнует их куда меньше, чем размер собственной зарплаты и соцпакет. Соперники и противники Фийона, со своей стороны, не останавливались перед преувеличениями и искажениями, обвиняя его в намерении разрушить социальную сферу.

Важные изменения программа Фийона предполагала в международной политике. На это указывали внешнеполитические приоритеты, выделенные в тексте программы Фийона жирным шрифтом.

Первое – позиционирование Франции в качестве «независимой державы и фактора равновесия» [Fillon, Mon projet..., с. 74]. «Постоянный член СБ ООН, Франция несет ответственность перед самой собой вести диалог со всеми», – подчеркивалось в программе [там же]. Второе: Франция является лояльным, но независимым союзником США, и оценивать администрацию Д. Трампа (а избрание Трампа было встречено нескрываяемо негативно Ф. Олландом и большей частью политической элиты Франции) будет по ее решениям. Третье: предстоит «восстановить диалог и отношения доверия с Россией, которая должна вновь стать одним из ведущих партнеров» [там же]. Здесь же, прямо в тексте программы, объявлялось о намерении «начать совместно с нашими европейскими партнерами и в духе уважения Минских соглашений переговоры, с тем чтобы прийти к отмене антироссийских санкций, которые несправедливо наносят ущерб нашим сельским производителям и предприятиям» [там же]. Четвертый приоритет, выделенный Фийоном, – «вернуть защиту наших интересов в центр нашей дипломатической деятельности», «восстановить дипломатическую автономию и способность к самостоятельному принятию решений», сконцентрироваться на защите интересов Франции и борьбе с угрозой терроризма [там же, с. 75]. Пятый приоритет – в духе давней традиции Пятой республики – касался политики помощи развитию стран бывшего «третьего мира», при этом Фийон увязал важность этого направления с задачей ослабления миграционного давления на Европу.

Такой программы от Фийона мало кто ожидал, хотя его голлистские тяготения были известны давно. Еще на референдуме 1992 г. он голосовал против Маастрихтского договора, которым было положено начало переходу европейского строительства в формат преимущественно наднациональной интеграции. Но, независимо от личных взглядов, Фийон всегда выглядел человеком системным, оставаясь в тени сначала Ширака, потом Саркози и никогда не идя всерьез против течения. И вдруг он выступил против тренда – ведь такая программа означала не что иное, как разворот по многим пунктам, геополитическим и ценностным.

Далеко не все поверили в серьезность намерения Фийона «порвать» с тенденциями последних двух десятилетий, воспринимая такие акценты в его программе как предвыборную риторику. Далеко не все французы (да и наблюдатели) вникали в его программу – программы и тексты заявлений избиратели в массе своей не читают. Тем не менее у заинтересованной аудитории должно было создаться впечатление: Фийон

способен попытаться произвести разворот – вернуть французскую внешнюю политику в русло голлизма, изменить вектор развития Евросоюза, отстаивать национальную и цивилизационную идентичность, ценностную преемственность, провести красные линии в духовных, этических инновациях, в социальном инжиниринге.

Его смелость сразу же оценили многие оппозиционно настроенные избиратели, правоконсервативные и не только. Отсюда, на наш взгляд, внезапный взлет этого политика, казалось бы, уже прошедшего зенит своей карьеры. Здесь же – и причина его последующего «потопления». Как его триумф мог быть воспринят в ином идейном лагере, в его собственной партии? Ведь большинство «Республиканцев» принадлежит к мейнстриму. Эту линию на праймериз представлял прежде всего А. Жюппе, который и считался наиболее вероятным кандидатом в президенты от правоцентристов. У этого большинства, у всех сил и групп, поддерживающих неолиберальные концепции глобального рынка, наднациональной Европы, «новых ценностей», заявка Фийона на разворот и перспектива его избрания президентом не могли не вызвать шок и тревогу. Принципиального согласия с его либеральной программой экономических реформ едва ли было достаточно, чтобы перевесить остальные разногласия. Неудивительно, что в правоцентристском лагере сразу же пошли трещины. Часть сторонников Жюппе, Натали Косцюшко-Моризе и некоторые другие дистанцировались от Фийона еще до всех последующих скандалов.

Неожиданный поворот приняли события и на левом фланге. Сначала Ф. Олланд с его нижайшим рейтингом счел за лучшее не участвовать в выборах. Впервые в истории Пятой республики действующий президент, отбывший всего один срок и находящийся в добром здравии, сам отказался от выдвижения своей кандидатуры. За этим беспрецедентным, но ожидаемым событием последовала настоящая сенсация. Первичные выборы у социалистов выиграл не премьер-министр М. Вальс, а представитель левого крыла партии Бенуа Амон.

Министр образования со 2 апреля по 25 августа 2014 г., Б. Амон ушел в отставку в знак протеста против неолиберального крена в политике Ф. Олланда и выступал с критикой социально-экономического курса правительства слева. Амон прославился идеей «универсального дохода»: он предложил выплачивать всем французам, независимо от возраста и прочего, 750 евро в месяц (позже Амон сократил сумму до 600 евро и предложил платить ее вначале лишь тем, чей доход не достигает 2200 евро в месяц). Более подробно на программе Амона здесь нет смысла останавливаться, потому что она во многом совпадала с программой другого, более интересного левого кандидата – Жан-Люка Меланшона, о которой пойдет речь ниже.

Что показала победа Б. Амона над премьер-министром М. Вальсом? Прежде всего, рост левого протеста в стране и, конечно, глубокий раскол внутри Социалистической партии. Кризис СП, невиданный с 1969 г., – это то, чем увенчалось, помимо ухудшения ситуации во Франции, президентство Ф. Олланда. Партия оказалась раздираема противоречиями между двумя типами левого социалистического проекта. Первый – реформистский, социал-либеральный, вполне системный, скорее левоцентристский,

чем левый. Это линия социалистов со времен Франсуа Миттерана, которую продолжали Лионель Жоспен и Франсуа Олланд. Вальс в ходе кампании не раз подчеркивал это, именуя такой курс политикой «ответственного правления». Но избиратели в ходе праймериз отдали голоса за другой проект, действительно левый, который возвращает приоритет исконно левых ценностей и принципов, таких как защита малоимущих.

Стоит обратить внимание на то, что внутри Социалистической партии и левого электората есть еще одна линия раскола – по вопросам глобализации, европейской интеграции, иммиграции, национального суверенитета и идентичности, культуры. Ее Б. Амон не представлял. Он даже в большей степени, чем Ф. Олланд и М. Вальс, является глобалистом, европеистом и прогрессистом. Глобализм левых имеет свои отличия от глобализма либерального, но это тоже именно глобализм в сочетании с революционным ценностным прогрессизмом. Амон неоднократно подчеркивал, что выступает от имени «не старой, а новой» Франции – «гибридной», «метисированной», открытой социальным экспериментам; что концепция Фийона архаична, а сам Фийон – «традиционал» и «реакционер» [Benôit Hamon...].

Другую линию во французской левой среде можно назвать «левосуверенистской». В социалистической партии ее в определенной мере представляет Арно Монтебур. На праймериз он занял третье место по итогам первого тура, но затем поддержал Амона, который ближе ему, чем М. Вальс, в социально-экономических вопросах.

В целом же итоги первичных партийных выборов показали радикализацию настроений в стране и заметно поляризовали расклад в борьбе за высший пост в стране. Победили кандидаты, которые олицетворяли, с оговорками, идеологические полюса системных партий, а не партийное большинство. Ведь и Фийон, и Амон представляли именно полюса – правоконсервативный и праволиберальный на правоцентристском поле и левый на левоцентристском. Такого также еще не случалось в ходе французских избирательных кампаний. Оба победителя праймериз выглядели не самыми выигрышными кандидатами с точки зрения последующего объединения голосов правых и левых во втором туре против Ле Пен.

Предвыборная кампания, таким образом, показала еще одно явление – кризис центризма как способа примирить идеологические полюса и консолидировать общество на компромиссной основе. Не случайно известный центрист Франсуа Байру, лидер партии «Демократическое движение», получивший 18,57% в первом туре президентских выборов 2007 г. и более 9% в 2012 г. [Résultats...2007; Résultats...2012], необычно долго медлил с выдвижением своей кандидатуры на последних выборах и в итоге счел за лучшее не выдвигаться.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть один важный момент. Что такое центризм в странах сегодняшнего Запада не с формально-партийной, а с главной точки зрения, то есть исходя из программы, из содержания предлагаемой политики? Центризм – сердцевина мейнстрима последних десятилетий, неолиберального и леволиберально-

го, воплощение того идеологического сближения, которое произошло между левыми и правыми в 1980-х годах. Поэтому кризис центризма в сегодняшних условиях означает кризис сложившейся на этой основе системы, протест против нее.

Симптоматично, что избиратели, голосуя на праймериз, сделали кандидатами в президенты от двух главных партий не тех лидеров, которых прочила на эту роль партийная номенклатура. Французы выбрали в обоих лагерях «диссидентов» – тех, кто представлял, в каждом случае по-своему, несогласие с вектором проводимого до сих пор курса. Под флагом крутых перемен выступали, что более естественно, и остальные кандидаты, заведомо оппозиционные к обеим правящим партиям: не только М. Ле Пен, но и лидер голлистской партии «Вставай, Франция!» Николя Дюпон-Эньян, самовыдвиженец депутат Жан Лассаль, кандидаты от маргинальных («нишевых») организаций – леворадикалы Филипп Путу и Натали Арто, суверенисты Франсуа Асселино и Жак Шеминад – и даже Эмманюэль Макрон. В итоге сложилась парадоксальная ситуация: протестные настроения того или иного рода выражали все без исключения претенденты на президентский пост. Несистемность оказалась настолько в тренде, что все кандидаты стремились отдать ей дань.

Кампания против Ф. Фийона. «Феномен Макрона»

Второй этап предвыборной борьбы оказался не менее богат на сенсации и беспрецедентные явления. После того как у социалистов победил представитель левого крыла Б. Амон, и без того сомнительные шансы Социалистической партии на выход во второй тур свелись к нулю. Предстоящее избрание президентом Ф. Фийона стало выглядеть делом почти решенным: несмотря на непопулярность в левой среде его социально-экономического проекта, все опросы предсказывали ему явный перевес над М. Ле Пен во втором туре.

И тут произошло невиданное. Буквально за два дня Ф. Фийон оказался в эпицентре грязнейшего скандала. С подачи газеты *Canard Enchaîné* его обвинили в том, что в течение 15 лет его жена Пенелопа была фиктивно оформлена на должность парламентского помощника, получив за этот период порядка 500 тыс. евро в качестве зарплаты. Вскоре последовала серия новых обвинений, связанных с гонорарами, полученными П. Фийон от журнала *Revue de deux mondes*, с летней практикой детей Фийона и даже его пиджаками. Весь этот поток компромата с его юридическими и политическими последствиями и медийным шумом сделали кампанию 2017 г. не только самой грязной и скандальной во всей французской истории, но и абсолютно неординарной еще в некоторых отношениях.

Случаи использования «черного пиара» бывали и раньше – достаточно вспомнить использование знаменитого «дела Марковича» для дискредитации жены Жоржа Помпиду или «дело с алмазами Бокассы», которое инкриминировали Валери Жискар д'Эстэну и которое сыграло свою роль в его поражении на выборах 1981 г. Но с такой интенсивностью и по стольким «фронтам» компрометация политика, да еще в разгар электоральной борьбы, не велась никогда. И никогда она не занимала такого места

в предвыборной кампании. И репортажи СМИ, и экспертные дебаты не менее месяца концентрировались почти исключительно на «деле Фийона», в ущерб обсуждению стоящих перед страной проблем и программ кандидатов.

Беспрецедентным, помимо поведения СМИ, было поведение судебных органов. Финансовая прокуратура нарушила неписаную традицию судебных органов не реагировать на компромат и обвинения в правонарушениях, вбрасываемые против кандидатов менее чем за три месяца до выборов. На этот раз судебная власть фактически вмешалась в предвыборный процесс и действовала с невероятной для Франции скоростью – информацию по делу собирали в экстренном порядке, тогда как обычно на это уходят месяцы и даже годы. Встал вопрос, независимо ли и правомочно ли такое поведение судебной системы.

Группа из 13 парижских адвокатов и профессоров права опубликовала 18 февраля «Обращение юристов против институционального государственного переворота», в котором заявила, что действия прокуратуры и медийная кампания против кандидата от правых сил беспрецедентны по несоответствию законности и по открытой вовлеченности официальной власти. «Помимо нарушения презумпции невиновности.., – говорилось в обращении, – попорнены основополагающие принципы демократического государства» [Fontana, Decock, Vries]. Но эта и другие подобные оценки потонули в огромном хоре голосов, подвергающих Ф. Фийона моральному линчеванию.

Скандал оказался для кандидата «Республиканцев» катастрофой. Эффект усиливался долго копившимся раздражением французов в адрес политиков с их привилегиями и не лучшей репутацией – в коррупционных делах и нарушениях закона были замешаны и Н. Саркози, и А. Жюппе, и Ж. Ширак, и многие другие. Во Франции давно широко циркулируют слухи о саудовских и катарских деньгах, которыми будто бы не раз подкупались самые высокие лица. Пикантная деталь состояла в том, что Фийон на стадии праймериз первым поднял проблему морально-юридической чистоты политиков, прозрачно намекая на Саркози. И теперь это обыгрывалось не в его пользу, как и тот факт, что он пообещал снять свою кандидатуру, если на него падет тень.

Компрометирующие сведения появились в медиапространстве в отношении и ряда других кандидатов. Против М. Ле Пен было выдвинуто обвинение в фиктивном трудоустройстве ее помощницы в Европарламенте, одно время об этом немало говорилось в новостях. Но Ле Пен, отрицавшая нарушение, воспользовалась своим правом не являться для дачи объяснений на стадии предварительного расследования, и медийное обсуждение темы вскоре было свернуто. В информационных программах мелькали вопросы в отношении не вполне ясных источников финансирования предвыборной кампании Э. Макрона, его колоссальных представительских расходов в бытность министром и др. Однако крупные СМИ не проявили интереса к расследованию этих сюжетов, получивших, наряду с иными слухами, дальнейшее освещение лишь в «альтернативных» медиа в Интернете. Многие слухи, как потом утверждали, были «фейковыми», а сам Э. Макрон 4 мая подал судебную «жалобу против X», после того как М. Ле Пен в ходе теледебатов обвинила его в наличии офшорного счета на Багамах.

Так или иначе, дискуссии на политических ток-шоу всех телеканалов более месяца вращались вокруг «Пенелопгейта». Рейтинги Ф. Фийона упали на 10 и более пунктов, многие сочли его политически конченной фигурой. От него стали публично отрекаться однопартийцы, прежде всего близкие к А. Жюппе и другому участнику праймериз, Брюно Ле Мэру. В один день от Фийона отrekliсь 250 депутатов. 3 марта 35 политтехнологов покинули его штаб [Бунин, с. 42]. Звучали предложения срочно выдвинуть иного кандидата от «Республиканцев», но до этого дело не дошло. Фийон отказался снимать свою кандидатуру, заявив, что будет сражаться до конца, а Жюппе не сразу, но отклонил предложение пойти на прямой раскол партии и стать вторым, альтернативным кандидатом от правых и центра.

Параллельно в фокус благожелательного либо нейтрального внимания ведущих СМИ попадает другой кандидат – бывший министр экономики 39-летний Эмманюэль Макрон, который вскоре выходит на второе, а затем и первое место в рейтингах. «Феномен Макрона», как это стало именоваться во французском политическом языке, – тоже нечто новое для французских избирательных кампаний и политической жизни Франции в целом. В этой стране в высший политический истеблишмент попадают, постепенно поднимаясь по ступеням политической карьеры, начиная с низовых партийных организаций и местных выборных органов, пройдя школу электоральной борьбы на нескольких выборах и, нередко, депутатской работы. Э. Макрон же никогда прежде не избирался ни на какие выборные должности, а его недолгая принадлежность к СП (2006–2009) выражалась в основном в уплате членских взносов. Всего три года назад, до назначения министром, его имя было практически незнакомо широкой аудитории.

Выпускник элитных высших учебных заведений – Sciences Po и Национальной школы администрации, Э. Макрон начал профессиональную службу финансовым инспектором, а затем (в 2008 г.) поступил в банк Ротшильда (Rothschild & Cie). Одной из самых сильных его сторон коллеги, очевидцы и наблюдатели называют дар коммуникации. Еще со студенческих времен у него стал складываться круг полезных знакомств в самых разных средах, от политики и бизнеса до медийной индустрии и артистического мира. Как пишет автор биографии Макрона А. Фюльда, «под обаяние будущего президента в свое время попало множество влиятельных людей», ставших его друзьями и покровителями, или, как он их сам назвал, «старшими братьями». [Карпухина; Fulda] В их числе бывшие министры Лоран Фабиус и Мишель Рокар; меценат левых прогрессистов миллионер Анри Эрман; высокий чиновник и друг Ф. Олланда Жан-Пьер Жуйе; банкиры Давид де Ротшильд и Франсуа Энро; глава фармацевтической компании «Sanofi» Серж Вайнбер; бизнесмен и советник Н. Саркози Ален Минк; финансист и знаменитый публицист, идеолог нового общества эпохи глобализации Жак Аттали; президент компании «Nestle» Петер Брабек.

В 2007 г. Аттали пригласил Макрона в возглавляемую им Комиссию по улучшению экономического роста, где тот познакомился с будущим президентом Олландом. Именно Олланд после своего избрания, по рекомендации Ж.-П. Жуйе, ввел Макрона в верхний эшелон власти, взяв его на должность заместителя главы своей админист-

рации [Fulda]. А в августе 2014 г. Э. Макрон стал министром экономики, промышленности и цифровых технологий во втором кабинете М. Вальса.

В 2015 г. по настоянию молодого министра, не без сопротивления внутри команды Олланда, был принят закон «Об активизации экономики и равенстве шансов в экономической деятельности», получивший неофициальное название «закон Макрона». Касавшийся снятия ряда административных барьеров (впрочем, сугубо второстепенных), он был встречен французами в основном положительно. Но Макрон считался вдохновителем и другого закона – «закона о труде» 2016 г. («закона Эль Хомри»), который, в отличие от первого, вызвал еще до избирательной кампании огромное социальное напряжение и многочисленные демонстрации протеста.

Когда в феврале 2016 г. Макрон объявил о создании собственного движения «Вперед!», о нем впервые публично заговорили как о перспективном лидере и будущем кандидате в президенты, если не на ближайших выборах, то в 2022 г. В августе он подал в отставку, чтобы отмежеваться от непопулярной команды Ф. Олланда, и начал предвыборную кампанию, вначале неофициально. Работа в «комиссии Аттали», банке Ротшильда, администрации президента и на посту министра экономики позволила Э. Макрону завязать обширные связи в мире крупного капитала, медийного бизнеса, управленческой элиты, причем не только во Франции, но и в других странах ЕС и в США. Контролируя в качестве министра стратегически важные международные сделки, он дал разрешение, например, на скандальную продажу компании Alstom Energie американскому гиганту General Electric. Известны его контакты с Демократической партией США и лично Хиллари Клинтон. Критики Э. Макрона неоднократно требовали, чтобы он обнародовал список спонсоров своей кампании, но он отказался сделать это, ссылаясь на конфиденциальность.

С какой идейно-политической платформой выступил Э. Макрон? Программу как таковую он обнародовал только 2 марта, менее чем за два месяца до первого тура голосования, уже выйдя в лидеры рейтинга. На упреки в отсутствии программы кандидат Макрон в одном телеинтервью воскликнул: «Людям плевать на программу, важно видение!» [Emmanuel Macron: “On se ...”]. Но сам он выглядел скорее прагматиком-технократом, который, хотя и умеет играть на эмоциональных струнах, но не обладает как раз общим «видением» и внятным идейным кредо. По сути большинства спорных проблем Макрон держался крайне уклончиво: каждое свое политически значимое заявление он сопровождал оговорками, смягчал и в конечном итоге на многие вопросы давал разные ответы.

Больше всего Э. Макрон делал ставку на выстраивание своего образа, упирая на четыре момента. Два из них не касались содержания политического курса, но зато резонировали с остро назревшими в обществе претензиями к политикам.

Первое: он – кандидат обновления и прогресса, представитель нового поколения, динамичный и устремленный в будущее, в противоположность старой, закосневшей политической касте, погрязшей в политиканстве. Отсюда название его движения «Впе-

ред!», программа которого, по крайней мере на том этапе, отличалась обилием общих благих деклараций и оптимистически-наивными мелодраматическими нотами [см.: En marche]. Президентскую программу Макрон в итоге составил в более традиционном и предметном ключе. Но и она открывалась «контрактом с нацией», озаглавленным так: «Вернуть победный дух, чтобы построить новую Францию», а один из разделов именовался «Обновленная демократия» [Macron].

Свой недостаток – отсутствие электорального опыта – Макрон постарался обратить себе на пользу. «Я не профессионал в политической жизни, ...но имею специальность и некоторый опыт реальной жизни», – подчеркивал он в Твиттере и разных интервью [Ils souhaitent...]

Второй посыл кампании Макрона: он намерен оздоровить политическую сферу, сделать ее ближе к гражданскому обществу и чище в моральном плане. Макрон был далеко не единственным и не первым, кто поднял эту проблему. Однако, представляя свой президентский проект на пике Пенелопагейта, он извлек максимальную выгоду из такого фона, вынеся лозунг «морализации публичной жизни» на первый план. Прежде всего Макрон предложил урезать привилегии депутатов и запретить брать их родственников на места парламентских помощников (что во Франции и многих других странах издавна являлось распространенной практикой, связанной с доверительным характером работы). Кроме того, как и большинство остальных кандидатов, он высказался за сокращение численности обеих палат французского парламента.

«Визитной карточкой» Э. Макрона стало обещание радикально обновить и омолодить профессиональную касту политиков за счет активных граждан. Здесь он тоже не был первым. Помимо леворадикальных кандидатов, голлист Н. Дюпон-Эньянь уже ставил подобные задачи: покончить с замкнутой кастой – «политиканской и одновременно технократической, посредственной и коррумпированной», сократить привилегии, привести в правительство представителей гражданского общества, подготовить законопроект о моральности в политике [Dupont-Aignan]. Но Дюпон-Эньянь долго рассматривался в ряду «малых» кандидатов и не пользовался симпатиями ведущих СМИ. Так что львиная доля дивидендов от раскручивания назревшей темы морализации политики досталась не ему.

Третьей составляющей образа Э. Макрона – в унисон с разочарованностью французов в традиционных партиях – стала позиция «кандидата ни правых, ни левых». Некоторые поспешили просто зачислить его в политический центр, тем более что с Макроном объединился, хотя и далеко не сразу, центрист Ф. Байру со своей партией «Демократическое движение». (Байру отказался от выдвижения собственной кандидатуры в пользу Макрона, с его избранием был вознагражден постом министра юстиции, но через месяц отправлен в отставку.)

В социально-экономическом смысле платформу Макрона действительно можно назвать центристской. Предложенные им реформы имели ту же направленность, что и у Фийона: стимулирование деловой активности, сокращение бюрократии, налогового

бремени и бюджетных расходов, – но были мягче, осторожнее. Например, он предложил сократить за пять лет не 500–600 тыс., а 120 тыс. мест госслужащих, не отменять положение закона о 35-часовом потолке рабочей недели, а разрешить другие варианты по договоренности работодателя с работниками. Один из разделов его программы назывался «Государство защищает» – ответ на лепеновское «государство-стратег». Труднее сказать, удалось ли его экономической команде добиться нового качества, удачного синтеза либерализма с социальностью и дирижизмом, или это еще один малоэффективный компромисс, очередная иллюзия «третьего пути». Вспомним, что непоследовательная, половинчатая политика Ф. Олланда привела к негативным макроэкономическим и социальным результатам, вызвав недовольствие всех сторон.

Сам Макрон, во всяком случае, явно претендовал на нечто большее, чем положение в центре политического спектра. Подобно де Голлю, он располагал себя скорее над традиционными лагерями, чем между ними. «Я объединяю людей левых, центристских и правых убеждений, которые хотят работать вместе. Я прогрессист, и я и правый, и левый», – заявил он в одном из интервью [Haddad].

Такая идеологическая самоидентификация создавала интригу, будила интерес к кандидату. Вопросом «кто же такой Макрон?» (в идеологическом смысле) задавались многие журналисты, привлекая внимание аудитории. Причем парадоксальным образом Э. Макрону удалось предстать одновременно в нескольких взаимоисключающих образах.

Выпускник ЭНА, протеже целого ряда влиятельнейших фигур, вчерашний банкир и министр, он выглядел «продуктом системы в чистом виде» [Raulin]. И одновременно какая-то часть французов, в первую очередь молодежи из среднего класса, видела в нем альтернативу старой системе. В их глазах он олицетворял капитальные перемены. Скептиков, наоборот, устраивала в нем осторожность, которую он демонстрировал в конкретных предложениях. Одни называли Э. Макрона левым, «наследником Олланда», социал-демократом, другие – леволибералом, центристом, третьи – неолибералом, защитником интересов финансового капитала, четвертые поверили в его способность «преодолеть» традиционные идеологические деления. А многим он казался прежде всего талантливым менеджером, технократом без особых убеждений. По мнению Ю. И. Рубинского, Э. Макрон также «является прежде всего классическим представителем традиционных французских административно-технократических элит с очевидной поправкой на давно назревшую смену поколений» [Рубинский, с. 7].

И во Франции, и за рубежом многие восприняли Макрона как представителя нового поколения транснациональной глобализированной элиты, которое ассоциируется с отсутствием идеологии в привычном смысле. Но, будучи технократичным и прагматичным, это поколение отнюдь не лишено мировоззрения. Во всяком случае, оно изначально сформировано в представлениях, связывающих прогресс с либеральной глобализацией, наднациональным европейским строительством, мультикультурализмом, ценностной революцией. Показательно, что именно за Макрона горячо агитировал герой 1968 г. Даниель Кон-Бендит – знаковая фигура давно ставшего системным лево-

либертарного прогрессизма. В этом смысле Э. Макрон был не антисистемным, а скорее единственным системным кандидатом на президентских выборах 2017 г.

И даже если он технократ-менеджер, у него есть идейные убеждения. Его главным политическим кредо в предвыборной кампании была Европа, наднациональный европеизм в духе философии, которую Евросоюз исповедовал как минимум с Маастрихтского договора. На сайте движения «Вперед!» во весь экран располагался флаг ЕС, обо всем говорилось в контексте построения единой Европы. На митингах Э. Макрона тоже долго доминировали синие полотна с желтыми звездами, и лишь незадолго до первого тура, после того как это было раскритиковано, добавились французские флаги. А. Минк назвал Макрона «единственным по-настоящему проевропейским кандидатом» [Alain Minc...].

Именно Э. Макрон стал центром притяжения начавшейся в ходе президентской кампании масштабной перегруппировки в истеблишменте страны. Глава MEDEF (основной организации патроната – французских предпринимателей) Пьер Гаттаз благожелательно отозвался о его экономической программе, отдав ей предпочтение перед планом Ф. Фийона [Le Président du MEDEF...]. Э. Макрона публично поддержали, помимо уже упоминавшихся фигур, медиамагнат Патрик Драи, совладелец газеты Le Monde Пьер Берже, основатель крупнейшего в Европе интернет-сайта знакомств «Meetic» Марк Симонсини, директор Института Монтеня Лоран Бигорнь, бывший министр иностранных дел Бернар Кушнер, члены Французской академии – писатели Эрик Орсенна и Марк Ламброн и многие-многие другие известные лица [Qui sont les...]

Началось открытое бегство из стана «Республиканцев» к Э. Макрону. То же самое происходило и у социалистов. Вначале к Макрону перешли представители правого крыла СП во главе с Кристофом Карешем – в дополнение к тем социалистам, кто, как сенатор и мэр Лиона Жерар Колон (ныне министр внутренних дел), поддерживал Макрона изначально. Министры и все самые известные депутаты-социалисты демонстративно проигнорировали заседание партийного политсовета, на котором Б. Амон по результатам праймериз утверждался официальным кандидатом от партии.

Не последнюю роль в таком развитии событий играл, помимо идейно-ценностных разногласий, фактор предстоявших парламентских выборов. Решающее значение приобрели личные и корпоративные интересы, прежде всего соображения, связанные с сохранением депутатского статуса, – большинство политиков спешили заручиться местом в стане вероятного победителя.

Обе системообразующие партии Франции, таким образом, оказались в ситуации прогрессирующего раскола в отношении официальных партийных кандидатов. Помимо того, что эта ситуация противоречила партийной дисциплине, она была скандальной с точки зрения демократических правил. Не случайно некоторые избиратели, участвовавшие в первичных выборах, подали судебные иски к организаторам праймериз на том основании, что те злоупотребили их доверием, и потребовали символически вернуть заплаченный за голосование взнос (от 2 до 10 евро, в зависимости от партии).

А для партийно-политической системы эта ситуация стала катализатором распада: трудно представить, как эти партии смогут сохраниться в прежнем составе. Забрехала капитальная трансформация партийно-политической конфигурации. И еще очевиднее стало то, что правая-левая система координат в принципе уже давно неадекватна как основа, тем более единственная, для организации партийно-политического спектра – и для его анализа. Хотя полностью она, конечно, не исчерпана, тем более во Франции, где очень сильна и специфична как левая политическая культура, так и правая. И об этом очень скоро напомнили события завершающего этапа кампании.

Перегруппировки завершающего этапа. «Непокоренная Франция» и левый фланг

Точкой отсчета третьего, завершающего этап предвыборной гонки можно считать переход Ф. Фийона в контрнаступление. 1 марта он дал большую пресс-конференцию, а 5 марта собрал на площади Трокадеро в Париже впечатляющий митинг сторонников, который большинство его однопартийцев проигнорировали. Фийон отверг обвинения в фиктивности работы жены и нелегальности собственных действий. Вместе с тем он признал ошибку, которая, по его словам, заключалась в том, что он был недостаточно щепетилен, недооценив негативное отношение французов к практике, когда помощниками депутатов работают их родственники.

В традициях бонапартизма и голлизма Фийон обратился непосредственно к французам, выдвинув встречные обвинения против своих идейных противников, конкурентов и лично президента Олланда, обвинив их в организации беспрецедентной травли по политическим мотивам и использовании в этих целях судебных инстанций. Фийон заявил, что знает, кто и каким образом передал закрытую информацию из кадровых досье парламента в *Canard Enchaîné*, уточнив, что это было сделано с санкции Олланда. Позже он обвинил президента даже в организации «черного кабинета», то есть теневой структуры, которая занимается слежкой за неугодными лицами.

Рейтинги Ф. Фийона, которые, не считая кратковременного обвала, не падали ниже 17%, вновь начали медленно расти. Это говорило о солидных размерах и прочности его ядерного электората. Однако выход кандидата «Республиканцев» во второй тур до самого конца кампании продолжал считаться маловероятным.

Бегство к Макрону в правоцентристском лагере продолжалось, постепенно затухая по мере стабилизации положения Фийона и консолидации круга его сторонников. Тем временем в полную силу развернулась перегруппировка на левой половине политического поля. С Б. Амоном подписал соглашение и снял свою кандидатуру экологист Янник Жадо. Это лишь подчеркнуло леворадикальный дрейф кандидата социалистов, чья программа и без того предполагала разработку новой Конституции, перекройку политической системы, полный отказ от атомной энергетики. От Амона стали открыто отворачиваться и заявлять о переходе на сторону Макрона социалистические депутаты, сенаторы, бывшие и действующие министры, в том числе Жан-Ив Ле Дриан (ныне министр иностранных дел), Жан-Марк Эйро, Сеголен Руаяль, премьер М. Вальс, а под конец и президент Олланд.

Еще больше ухудшила положение Б. Амона конкуренция за левый электорат с Жан-Люком Меланшоном, ярким кандидатом леворадикального толка, у которого Амон, как считают, заимствовал многие идеи. Меланшон – бывший сенатор от социалистов, харизматичный оратор, одновременно и интеллектуал-теоретик, и темпераментный боец. В Социалистической партии он принадлежал к внутренней левой оппозиции. В 2008 г. Меланшон вышел из СП и создал Левую партию, которая позже образовала вместе с ФКП и некоторыми другими организациями Левый фронт. Главной сенсацией президентских выборов 2012 г. стал его успех в первом туре, когда он набрал более 11% голосов, опередив центриста Байру [Résultats ... 2012]. В феврале 2016 г. Меланшон объявил о роспуске Левого фронта, своем новом выдвижении в президенты и учредил гражданско-сетевое движение «Непокоренная Франция». Это движение необычно своим форматом: оно не имеет почти никакой традиционной инфраструктуры и функционирует в основном на интернет-платформе.

Программа Ж.-Л. Меланшона в течение 8 месяцев обсуждалась и корректировалась в его блоге, а митинги проводились одновременно в нескольких городах, где его выступление транслировалось в голографическом формате. Сделав главной площадкой своей кампании интернет с его интерактивными технологиями, Меланшон стал настоящей звездой социальных сетей. Его канал в YouTube только с 1 января по 9 апреля 2017 г. набрал 13 млн просмотров, оставив далеко позади конкурентов (канал М. Ле Пен – 1 млн 610 тыс., Э. Макрона – 978 тыс., Ф. Фийона – 468 тыс., Б. Амона – 345 тыс.) [Mélenchon, star incontestée...]. Подобным образом действовали испанское левое движение «Подemos» и американский сенатор Берни Сандерс, которого не раз цитировал Меланшон и в команде которого набиралась опыта ответственная за коммуникации в его штабе [Семенова].

Цифровая стратегия и тактика Ж.-Л. Меланшона – самое яркое, но не единичное проявление еще одной уникальной черты президентской кампании 2017 г.: резко возросшей роли цифровых и сетевых коммуникаций в предвыборной борьбе. На этом поле строились и работали группы поддержки, создавались уникальные по контенту информационные и агитационные материалы, тиражировалась и препарировалась информация традиционных СМИ, разворачивались экспертные и общественные дискуссии, проводились альтернативные опросы и социологические исследования. И все это лишь отчасти пересекалось с тем, что происходило в классических форматах. Здесь, в интернет-пространстве, более широко, доступно и свободно присутствовали все 11 кандидатов, включая «малых», которые редко пользовались вниманием ведущих телеканалов и изданий.

Что касается программной риторики Ж.-Л. Меланшона, то она строилась вокруг ряда типичных левых идеологем: мирная революция; замена всевластия финансов и олигархии властью народа; законность во имя народа; перераспределение богатства; полная занятость и всеобщая обеспеченность жильем и др.

Программа «Непокоренной Франции» открывается радикальным политическим призывом: «упразднить президентскую монархию» – «покончить с Пятой республикой», для

чего безотлагательно созвать Конституционную ассамблею, на которой суверенный народ примет новую Конституцию и учредит Шестую республику [Mélenchon, с. 6]. Впрочем, созыв Конституционной ассамблеи и новая Конституция подлежат одобрению на референдумах – вполне в духе демократии. В народном парламенте, избираемом на пропорциональной основе, в том числе по жребию, открытом для участия «всех граждан», не должно быть, тем не менее, ни одного бывшего парламентария Пятой республики.

Предлагались Меланшоном и другие леворадикальные нововведения. Среди них: право работников выносить вотум недоверия руководству предприятий и накладывать вето на его решения; «налоговая революция», с резким увеличением прогрессивности налогов на доход и на собственность дороже 1 млн евро; полное трудоустройство всех безработных на общественных работах; создание 3 млн 500 тыс. рабочих мест за счет еще большего сокращения рабочей недели (которая составляет 32–35 часов – ниже, чем в остальной Европе, за исключением Голландии) [Mélenchon, с. 11, 15]. Также Меланшон поддержал популярные в левой среде идеи легализации наркотиков (марихуаны) и постепенного свертывания атомной энергетики, на которую приходится львиная доля производимой во Франции электроэнергии.

Но не все в программе «Непокоренной Франции» имеет сугубо левую привязку. Главный экономический лозунг – «экономика, освобожденная от мира финансов», от неограниченных спекулятивных операций, финансовых пузырей и сверхдоходов [там же, с. 10]. Хотя в отсутствие сколько-нибудь серьезного плана это положение выглядит демагогией, само по себе оно перекликается с глубинным общественным недовольством гипертрофией финансового капитализма, которое игнорируют системные партии. Импонируют среднему классу идеи снижения пенсионного возраста, «возврат к разуму» в вопросах безопасности и укрепление полиции [там же, с. 9, 12, 25].

Последнее резко отличало Ж.-Л. Меланшона от остальных леворадикальных кандидатов – Б. Амона, Ф. Путу и Н. Арто, которые протестовали против «усиления репрессивного аппарата», видя решение проблем безопасности и терроризма в борьбе с социальной неустроенностью [см.: *Le Grand Débat*]. Не совсем вписывается в нормы европейских левых и критический подход Меланшона к иммиграционному курсу. Главный акцент он делал не на правах мигрантов, а на создании условий, которые «позволили бы каждому человеку жить в своей стране, так как эмиграция всегда связана со страданиями» [там же, с. 22].

Принципиальные разногласия между Ж.-Л. Меланшоном и Б. Амоном проявились по большинству международных и европейских вопросов. В отличие от левого глобалиста и европеиста Амона, солидарного в этом смысле с давней линией СП и политикой Ф. Олланда, Меланшон представляет левый патриотизм, левую оппозицию официальному курсу Франции и евроатлантизму. В 1998 г. он был единственным из сенаторов-социалистов, кто голосовал против перехода к евро; в 2005 г. агитировал, вразрез с партийной линией, против Европейской конституции. К наднациональным институтам ЕС, их политике и проектам, вроде несостоявшегося Трансатлантического партнерства (ТТИП), движение Меланшона настроено резко отрицательно.

На выборах 2017 г. его программными лозунгами были «За независимую Францию на службе мира» и «За Европу, освободившуюся от договоров» (имеются в виду договоры Евросоюза) [Mélenchon, с. 20–21]. Меланшон высказался за выход из НАТО и зоны евро, а в случае если европейские партнеры не согласятся на глубокую реформу Евросоюза – то и из ЕС в целом.

Рост популярности Ж.-Л. Меланшона стал характерным явлением завершающего этапа президентской кампании. В середине марта он обошел Б. Амона, к началу апреля оставив его далеко позади, а затем вплотную приблизился к лидерам предвыборной гонки. Наиболее высокий рейтинг Меланшон имеет среди молодежи, рабочих и служащих нижнего звена, французов с относительно скромными доходами, а также мусульман и атеистов.

Меланшон считается не только твердым защитником принципа лаицизма (светскости), но и атеистом, хотя однажды и признал, что «принадлежит к католической культуре». Франция, именовавшаяся «старшей дочерью» католической церкви, теперь занимает одно из первых мест в мире по распространенности атеизма. В последнее время отношение к религии и религиозным истокам культурного наследия вновь становится здесь предметом острых противоречий. Новое качество и остроту этой проблеме придают два процесса – мусульманская иммиграция и культурно-ценностная трансформация в недрах западного общества.

Все это подтвердил предвыборный марафон. Ни в одной электоральной кампании Пятой республики тема религии не занимала такого места, как в президентской кампании 2017 г. Не останавливаясь здесь на этом аспекте, приведем характерный эпизод с участием Ж.-Л. Меланшона. По ходу состоявшихся 5 апреля теледебатов М. Ле Пен заговорила о том, что установка рождественских вертепов в мэриях является традицией французской культуры и не должна запрещаться, как это все чаще происходит. Лидер левых ее оборвал: «Вы хотите установить в мэриях религиозные символы, в этом ваша светскость? У 60% французов нет религии, оставьте вы нас в покое со своей религией!» [Mélenchon a-t-il...]

Как показали опросы, эти и другие дебаты кандидатов в прямом эфире явно способствовали взлету Меланшона – опытного и сильного полемиста. А количество прямых теледебатов между кандидатами в 2017 г. многократно превосходило привычную практику. Основная их часть прошла в последние недели перед голосованием и вернула в центр кампании содержательный компонент, вытесненный обсуждением скандалов вокруг Ф. Фийона. Но организация дебатов и кампания в целом, по признанию многих наблюдателей, подтвердили, что электоральная борьба приобретает характер шоу, а ее результаты все больше зависят от внешних эффектов и манипуляционных технологий.

Тренды завершающего этапа кампании перед первым туром привели к уникальному для Франции раскладу сил накануне голосования. Рейтинги Ж.-Л. Меланшона, Ф. Фийона, М. Ле Пен и Э. Макрона максимально сблизились. Вместо двух оказалось сразу четыре фаворита. Причем разница в их поддержке, по оценкам социологических

служб, не превышала статистической погрешности. Это означало, что во втором туре не исключена ни одна из теоретически возможных 6 комбинаций двух участников. Единственное, что опросы позволяли прогнозировать уверенно, – Марин Ле Пен в случае выхода во второй тур потерпит поражение при любом противнике [Liste de sondages...] Кем из троих будет этот противник, кто станет президентом Франции – впервые ответ на этот вопрос был настолько неясен.

Беспрецедентная непредсказуемость конечного исхода усиливалась еще как минимум двумя факторами. Первый – это волатильность (неустойчивость) электората, которая растет во всех странах. К тому же опросы фиксировали заметные различия между кандидатами по этому параметру. Больше всего неуверенных в своем выборе (около 40% накануне первого тура) было среди избирателей Э. Макрона и Б. Амона [Intentions de vote...]. Самым стабильным считался электорат Ле Пен и Фийона – 14 и 24% сомневающихся [там же]. Однако это касалось лишь его «ядерной» части – только она и осталась на стороне этих двух кандидатов к первому туру. Остальные потенциальные избиратели, отдававшие им предпочтение на ранних этапах кампании, оказались ненадежными сторонниками. Это сыграло свою роль во втором туре, когда М. Ле Пен получила меньше, чем предвещали опросы.

Второй фактор – явка, влияние которой на результат голосования иногда бывает решающим. Получили известность расчеты сотрудника Центра политических исследований при Science Po Сержа Галама, согласно которым М. Ле Пен могла бы победить во втором туре именно в результате необычно низкой явки левого электората. Явка в самом деле ожидалась рекордно низкой, несмотря на традиционно высокий интерес французов к президентским выборам. Абсентеизм даже назвали «главным фаворитом» кампании, или «первой партией Франции». В немалой мере абсентеизм здесь мотивируется не деполитизированностью, а скорее гиперполитизированностью и радикальным настроением против всех кандидатов. Об этом говорит, к примеру, создание Партии воздерживающихся и не имеющих права голоса (PAS). Отвечая на эти настроения, 6 из 11 кандидатов в президенты предлагали узаконить голосование «ни за кого» (аналог графы «против всех»), которое во Франции с 2013 г. учитывается отдельно от испорченных бюллетеней, но не влияет на результаты. Кроме того, явку снижают организационно-бюрократические сбои, а во французской электоральной практике это целая проблема: 15% избирателей (или более 7 млн человек) либо не внесены в списки, либо внесены не там, где они проживают [15% de l'électorat...]

Худшие опасения, связанные с явкой, не оправдались, но она действительно оказалась заметно ниже средней. В первом туре, состоявшемся 23 апреля, она составила 77,77%. По итогам голосования кандидаты главных партий впервые в истории Пятой республики выбыли из дальнейшей борьбы. Вперед вышли Э. Макрон, за которого проголосовали 24% избирателей, и М. Ле Пен, получившая 21,3% – примерно на 4% больше, чем в 2012 г., но заметно меньше, чем показывали опросы на старте кампании. С небольшим отрывом от лидера НФ и друг от друга финишировали Ф. Фийон (20%) и Ж.-Л. Меланшон (19,58%). Б. Амон был отброшен далеко назад (6,36%) – исторический провал для социалистов, подобного которому они не переживали с 1969 г. Почти

столько же – 4,7 % – отдали голоса Н. Дюпон-Эньяну, лидеру сравнительно молодой партии «Вставай, Франция!», выступающей с позиций современного голлизма. Результаты остальных пяти кандидатов не достигли либо слегка превысили 1% [Résultats ... 2017].

Интрига второго тура

Кто станет новым президентом Франции, решилось уже в первом туре. Все опросы давали Э. Макрону внушительный перевес (от 18 до 28%) над М. Ле Пен [см.: Liste de sondages...]. Но это отнюдь не означало, что финальный отрезок кампании был лишен интриги и бурных событий. Накал борьбы, характер разногласий, внутривнутрипартийные расколы – все это остро поставило несколько вопросов. Повторится ли обычный сценарий, когда успех Национального фронта в первом туре мажоритарных выборов сводился на нет его разгромом во втором? Какую позицию займут кандидаты, выбывшие из борьбы, выступят ли они единым фронтом против М. Ле Пен вместе с Э. Макроном? Как поведут себя стоящие за ними политические группы и избиратели? Как именно распределятся голоса во втором туре? С ответами на эти вопросы были прямо связаны расклад сил в преддверии предстоящих парламентских выборов и общие векторы дальнейших изменений в политическом ландшафте страны. Беспокойство и явка во втором туре, от которой зависела степень легитимности и прочность позиций будущего главы государства.

Как только были объявлены результаты первого тура, двое из проигравших кандидатов, Ф. Фийон и Б. Амон, призвали своих избирателей поддержать в финале Э. Макрона, чтобы преградить дорогу «экстремизму», «крайне правым», «врагу Республики». Ту же формулу разными словами повторило в последующие две недели огромное множество публичных фигур, функционеров, политиков. Президент Олланд только за последние дни апреля четыре раза высказался в этом духе. Основные политические игроки и общественные лобби вновь отказались признать в качестве нормального участника политического процесса НФ, с кандидатом которой солидаризировалась как минимум пятая часть французских граждан.

Тем не менее мобилизация против НФ и консолидация на этой почве политического класса и активных групп оказались далеко не всеобщими. Многие во Франции понимают, что догма «республиканского фронта» против «крайне правых» давно изменила свой реальный политический смысл. Сегодня она используется, чтобы табуировать оппозицию не демократии, а мейнстриму с его курсом на глобальный рынок, денационализацию, ценностную революцию и собственное глобальное преобладание. Любые попытки поставить под вопрос опорные аксиомы этого курса отождествляются с «крайне правыми» и загоняются тем самым в маргинальное поле. Именно это позволяет, во-первых, пресекать дискуссию по фундаментальным вопросам и, во-вторых, поддерживать монополию сложившегося истеблишмента перед лицом всех протестных тенденций и новых политических проектов. И каково бы ни было мнение о Национальном фронте – а в глазах большинства французов его имидж, похоже, бесповоротно очернен прошлым НФ и многолетней демонизацией, – манипуляция «угрозой Республике» дает сбои и начинает вызывать сопротивление.

Наблюдалось это в разных сегментах политического поля. На левом фланге Ж.-Л. Меланшон, не скрывая неприятия НФ, отказался дать рекомендации своим избирателям и сказать, проголосует ли он сам за Э. Макрона. «Непокоренная Франция» организовала электронный опрос 450 тыс. своих активистов, в ходе которого лишь треть (34%) выразили готовность отдать голоса Макрону. Две трети считали необходимым либо бойкотировать второй тур (29%), либо голосовать против обоих кандидатов (36%) [Résultats de la consultation...]

Правее центра разногласия были глубже и обозначились резче. Многих избирателей Ф. Фийона неприятно шокировала его поспешная капитуляция в пользу бывшего противника. Менее половины из них, по опросам, собирались последовать рекомендации своего кандидата, треть склонялась предпочесть во втором туре М. Ле Пен [Liste de sondages ...]. На заседании политического комитета «Республиканцев» мнения разделились. Компромиссная резолюция, которую с трудом удалось согласовать, призывала не бойкотировать второй тур и голосовать против М. Ле Пен, но не исключала голосования против обоих кандидатов.

Часть правых примкнула к тем однопартийцам, кто еще до первого тура выражал солидарность с Э. Макроном. Но немало депутатов, сенаторов, мэров, региональных лидеров из партии «Республиканцев», в том числе такие известные, как Анри Гено, Надин Морано, Жак Мияр, Жорж Фенек и др., не собирались поддерживать Э. Макрона и не скрывали этого. Тот же настрой был силен во многих молодежных организациях «Республиканцев».

А. Гено заявил в телеэфире, что «никто не заставит его проголосовать за Эмманюэля Макрона». Более того, бывший советник Н. Саркози публично оспорил адекватность и роль старых ярлыков: «Где вы видели фашистов в этой истории? Может быть, хватит карикатур? Не пора ли нам прекратить в очередной раз прятаться от всякой дискуссии, размахивая перед глазами избирателей жупелом отвратительного фашизма?» [цит. по: Pierret].

Категорически отказался поддерживать Э. Макрона лидер Христианско-демократической партии (ХДП) Жан-Фредерик Пуассон. Его предшественница на этом посту Кристин Бутен, бывшая министром при Н. Саркози, пошла дальше, призвав голосовать за кандидата НФ. «Эмманюэль Макрон, – поясняла она, – это воплощение всего, что я не люблю... Это либертарный либерализм, глобализация, деньги, банки... Голосовать за Ле Пен не значит присоединиться к НФ, это значит ослабить Э. Макрона» [Quinault-Mauroil]. Известный в прошлом политик из числа «исторических голлистов» Мари-Франс Гаро тоже выразила поддержку М. Ле Пен, как единственному, по ее мнению, кандидату, способному восстановить суверенитет Франции, кандидату, чьи «руки и ноги не связаны перед лицом Германии» [Galiero]. Гаро, как и Гено, поставила принципиальный вопрос об инструментализации понятий: «А что сегодня является характеристикой крайне правых? Я не вижу таких. И что представляет Национальный фронт без Марин Ле Пен? Политические партии как таковые имеют незначительный вес и влияние» [там же].

Но главную сенсацию произвел участник президентской гонки Н. Дюпон-Эньян, чей относительный успех в первом туре, отделив его от группы маргинальных кандидатов, дал ему реальный электоральный капитал. 28 апреля, выступая на телеканале «Франс-2», Дюпон-Эньян объявил, что поскольку Франция находится на перепутье, а Э. Макрон представляет всесильную верхушку, он будет поддерживать М. Ле Пен, с которой они уже встретились, провели переговоры и заключили соглашение о коалиционном правительстве. Тем самым впервые был перейден рубикон – нарушен неписанный запрет на официальный альянс с «крайне правыми». Дюпон-Эньян добавил, что «ни в чем не присоединяется к крайне правым» и саму М. Ле Пен крайне правой не считает.

Значение этого шага было тем больше, что Дюпон-Эньяна и его партию «Вставай, Франция!», в отличие, например, от христианских демократов К. Бутен и Ж.-Ф. Пуассона, трудно было зачислить в сугубо правоконсервативный сегмент. Ничто в репутации и биографии этого политика также не позволяло уличить его ни в маргинальности, ни в антидемократизме, ни в правом экстремизме. С ранней юности 56-летний Дюпон-Эньян связан с течением «социального голлизма», обращенного к потребностям широкого среднего класса. Колоссальным авторитетом он пользовался в своем городе, жители которого на протяжении 20 лет неизменно избирали его мэром. Много раз Дюпон-Эньян переизбирался депутатом парламента, сначала от главного правоцентристского пула (предшественника «Республиканцев»), а затем – как независимый депутат. Несмотря на риск потерять депутатский статус, в 2008 г. он вышел из правящей партии, протестуя против антиголлистского дрейфа во внешней политике, закрепленного Лиссабонским договором и возвращением в военную структуру НАТО. Бунтарь-суверенист, теперь он осознанно возглавил мятеж против диктата неписаных правил системы, блокирующих любые альтернативы и любое изменение вектора. Недаром свое объявление он завершил словами: «Этот альянс открывает совершенно новые горизонты во французской политической жизни» [цит. по: Nicolas Dupont-Aignan soutient Marine Le Pen...].

Бунт, однако, едва начавшись, захлебнулся в поднявшейся буре и в итоге даже сыграл на руку противникам – в краткосрочном плане. На Дюпон-Эньяна обрушилась лавина осуждения, идейные противники называли его поступок «бесчестием» (В. Пекресс), «предательством голлизма», «страшным позором» (Ф. Байру), а его самого – даже «петеновцем» (Б.-А. Леви) и «настоящим коллаборационистом». Часть партии «Вставай, Франция!», включая вице-председателя, 80-летнего Д. Жаме, не приняла решение своего лидера и покинула партийные ряды.

Под огонь критики попали и остальные нарушители догмы. Мэр Ниццы Кристиан Эстрози требовал исключить из партии «Республиканцев» всех, кто отказывается выступить за Э. Макрона. Социалисты осуждали Ж.-Л. Меланшона и «непокоренных», допуская бойкот второго тура или голосование «против всех». Еврокомиссар П. Московиси назвал их «несознательными», а известный карикатурист Плантю в еженедельнике Express изобразил их наивными пособниками установления диктатуры. Прошла серия акций «против Ле Пен», в ходе которых звучали и призывы «ударить по меланшоновским абстенционистам». Поднявшаяся волна антилепеновской агитации

не отличалась тонкостью, но воздействие на результаты второго тура, по-видимому, оказала. За Э. Макрона проголосовали не треть, как предвещал опрос «непокоренных», а 52% избирателей Меланшона, 48% избирателей Ф. Фийона и даже 27% избирателей Н. Дюпон-Эньяна [2nd tour présidentielle 2017...].

На финальные итоги, как обычно, повлияли и традиционные теледебаты двух кандидатов, прошедшие 3 мая. За ними в прямом эфире следили 16,5 млн французов – впрочем, меньше чем когда-либо с 1981 г. [Présidentielle 2017: le débat...]. По преобладающему мнению, с которым позже согласилась сама М. Ле Пен, она в этой словесной дуэли потерпела фиаско, взяв слишком агрессивный тон и слабо представив содержательную сторону своих позиций. Опросы четко зафиксировали устойчивое падение ее рейтинга ниже 40% именно с этого момента. Стоит отметить, что и выступление Э. Макрона в этих дебатах не удостоилось высоких оценок.

Второй тур президентских выборов 2017 г., состоявшийся 7 мая, отличался самой низкой явкой за почти полвека – 74,6%. Еще одной – уникальной – особенностью этого голосования стало невиданное количество тех, кто опустил в урны пустые бюллетени, голосуя «против всех»: 8,5%. Эти две цифры говорили о рекордной степени недоверия к обоим кандидатам. Общая доля недействительных голосов, вместе с испорченными бюллетенями, превысила 11,5%. Благодаря неучету голосов «против всех», Э. Макрон победил с более чем внушительным перевесом, получив, по официальным данным, 66,1%. За М. Ле Пен проголосовали 33,9% – вдвое больше, чем в 2002 г. за ее отца, но заметно меньше, чем ожидали ее сторонники и чем предсказывали многие опросы на протяжении кампании [Les résultats...2017]. Такой результат показал непрочность позиций НФ, нестабильность его новоприобретенного электората и ограниченность общих перспектив этой партии.

География, социология, мотивы и значение голосования на этих выборах заслуживают подробного анализа, как и новый партийно-политический расклад сил, возникший по их итогам. Но это уже тема для отдельного рассмотрения.

Беспрецедентная президентская кампания увенчалась не менее беспрецедентными результатами. Президентом Франции стал не представитель одной из ведущих партий, а несистемно-системный кандидат новоиспеченного движения, многоликий янус, «политический НЛО», как его еще недавно называли, сумевший «оседлать» тренд к обновлению. Пятая республика вступила в период масштабной трансформации основных партийных структур и политического ландшафта в целом.

Список литературы:

Бунин И.М. Президентские выборы во Франции 2017 г.: кто победит? // Президентские выборы во Франции-2017. / Материалы межинститутского круглого стола, состоявшегося в ИМЭ-МО РАН 1 марта 2017 г. Отв. ред.: М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М. 2017. С. 41–47. – URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/events/2017/01032017_RoundTable.pdf (дата обращения: 03.10.2017).

- Карпухина Д.* Эмманюэль Макрон: биография, личность, медийный образ // Перспективы. – URL: http://www.perspektivy.info/book/emmanuel_makron_biografija_lichnost_medijnyj_obraz_2017-09-25.htm
- Клинова М.В.* Экономические аспекты программ М. Ле Пен и Ж.-Л. Меланшона // Президентские выборы во Франции-2017. / Материалы межинститутского круглого стола, состоявшегося в ИМЭМО РАН 1 марта 2017 г. Отв. ред.: М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М. 2017. С. 17–20.
- Кудрявцев А.К.* Французская экономика на переломе // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (ИМЭМО РАН, 7 декабря 2015 года). М. 2016. С. 16–22. – URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2016/2016_007.pdf (дата обращения: 03.10.2017).
- Нарочницкая Е. А.* «Кризис беженцев» и иммиграционный вопрос в Европе // Актуальные проблемы Европы: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. – М. 2016. – №4: Миграционный кризис в современной Европе и перспективы его разрешения. – С. 20–37.
- Нарочницкая Е. А.* Внешнеполитическое наследие голлизма в современной Франции // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (ИМЭМО РАН, 7 декабря 2015 года). М. 2016. С. 210–220. – URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2016/2016_007.pdf (дата обращения: 03.10.2017).
- Рубинский Ю.* Франция: смена парадигмы / РАН. Институт Европы. Аналитическая записка №17. 2017 (№90). М., 2017.
- Семёнова А.* Оружием Интернета // Правда. №21 (02.03.2017). – URL: <http://gazeta-pravda.ru/issue/21-30518-2-marta-2017-goda-/oruzhiem-interneta/> (дата обращения: 03.10.2017).
- Стрельцова Я.Р.* Высшая школа во Франции: тенденции и перспективы // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. Сб. статей по итогам Всероссийской науч. конференции (ИМЭМО РАН, 7 декабря 2015 года). М. 2016. С. 38–46. – URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2016/2016_007.pdf (дата обращения: 03.10.2017).
- Фёдоров С.М.* Социально-экономическая программа Ф. Фийона // Президентские выборы во Франции-2017 / Материалы межинститутского круглого стола, состоявшегося в ИМЭМО РАН 1 марта 2017 г. Отв. ред.: М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М. 2017. С. 14–17.
- Nicolas Dupont-Aignan soutient Marine Le Pen: «Je ferai campagne avec elle» // Le Parisien. 28.04.2017. – URL: <http://www.leparisien.fr/elections/presidentielle/candidats-et-programmes/nicolas-dupont-aignan-soutient-marine-le-pen-je-ferai-campagne-avec-elle-28-04-2017-6900186.php> (date of access: 03.10.2017).
- 144 engagements présidentiels. Marine 2017. – URL: <https://www.marine2017.fr/wp-content/uploads/2017/02/projet-presidentiel-marine-le-pen.pdf> (date of access: 03.11.2017).
- 15% de l'électorat est mal inscrit sur les listes électorales // BFM.tv. 16.04.2017. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HakfwnPPoY> (date of access: 03.10.2017).
- 2nd tour présidentielle 2017: sociologie des électorsats et profil des abstentionnistes. – URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/files-fr-fr/doc_associe/ipsos_sopra_steria_sociologie_des_electorats_7_mai_20h15_0.pdf (date of access: 03.10.2017).
- Alain Minc: «Je vais voter Macron» // Europe. 22.01.2017. – URL: <http://www.europe1.fr/politique/primaires-ps-alain-minc-soutien-macron-le-seul-candidat-authentiquement-europeen-2957101> (date of access: 03.10.2017).

- Benoît Hamon: «Je refuse de m'accrocher au monde ancien, je me projette» // Liberation. 14.04.2017. – URL: http://www.liberation.fr/politiques/2017/04/14/benoit-hamon-je-refuse-de-m-accrocher-au-monde-ancien-je-me-projette_1562956 (date of access: 03.10.2017).
- Berdah A.* Popularité: à 4% de bonnes opinions, Hollande touche le fond // Le Figaro. 25.10.2016. – URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2016/10/25/25001-20161025ARTFIG00143-popularite-a-4-de-bonnes-opinions-hollande-touche-le-fond.php> (date of access: 03.10.2017).
- Débat du second tour de la présidentielle Le Pen/Macron – L'Etat doit être stratège (Le Pen) // YouTube. 05.05.2017. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=_5TyljB9J2o (date of access: 03.10.2017).
- Discours de François Fillon à ses soutiens parlementaires. 13 juillet 2016. – URL: <https://www.fillon2017.fr/discours-aux-parlementaires/> (date of access: 03.10.2017).
- Douet F.* «La promesse du Front national de baisser l'impôt sur le revenu relève du marketing électoral» // Le Monde. 20.02.2017. – URL: http://www.lemonde.fr/argent/article/2017/02/20/la-promesse-du-front-national-de-baisser-l-impot-sur-le-revenu-releve-du-marketing-electoral_5082599_1657007.html#ByaUJJWZL2d7tl7y.99 (date of access: 03.10.2017).
- Dupont-Aignan N.* Mon agenda de president. 100 jours pour tout changer. P. 2017.
- Emmanuel Macron: «On se fout des programmes, ce qui importe c'est la vision» // RTL. 01.11.2016. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nudh1VtxLt8> (date of access: 03.10.2017).
- Emploi, chômage, revenus du travail, édition 2017 – Insee Références. P. 94-95. – URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2899434?sommaire=2891780> (date of access: 03.11.2017).
- En marche. – URL : <https://en-marche.fr/> (date of access: 03.10.2017).
- Fillon F.* «Je veux faire pour les Français» : Discours à Sablé-sur-Sarthe. – URL: <https://www.fillon2017.fr/discours-sable/> (date of access: 03.10.2017).
- Fillon F.* Mon projet pour la France. – URL: <https://www.force-republicaine.fr/mon-projet-pour-la-france/> (date of access: 03.10.2017).
- Fontana Ph, Decock A., Vries G. de et al.* François Fillon: appel de juristes contre un coup d'Etat institutionnel // Atlantico. 18.02.2017. – URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/francois-fillon-appel-juristes-contre-coup-etat-institutionnel-geoffroy-vries-philippe-fontana-andre-decocq-2967969.html> (date of access: 03.10.2017).
- Fulda A.* Emmanuel Macron, un jeune homme si parfait. P. 2017.
- Galiero E.* Marie-France Garaud: «Marine Le Pen a le sens de l'État» // Le Figaro. 28.04.2017. – URL: <http://www.lefigaro.fr/elections/presidentielles/2017/04/27/35003-20170427ARTFIG00361-marie-france-garaud-marine-le-pen-a-le-sens-de-l-etat.php> (date of access: 03.10.2017).
- Haddad M.-P.* Vidéos – Macron affirme désormais être «de droite et de gauche» // RTL. 14.03.2017. – URL: <http://www.rtl.fr/actu/politique/videos-macron-affirme-desormais-etre-de-droite-et-de-gauche-7787662882>. (date of access: 03.10.2017).
- Hamon B.* Mon projet pour faire battre le coeur de la France – URL: <https://www.benoithamon2017.fr/> (date of access: 03.10.2017).
- Intentions de vote – Election présidentielle 2017 // Elabe. 17.04.2017. – URL: <https://elabe.fr/intentions-de-vote-election-presidentielle-2017-11/> (date of access: 03.10.2017).
- Koutnouyan E.* Union européenne : les Français de plus en plus eurosceptiques // Le Monde. 08.006.2016. – URL: http://www.lemonde.fr/europe/article/2016/06/08/union-europeenne-les-francais-de-plus-en-plus-eurosceptiques_4941770_3214.html (date of access: 03.10.2017).

- L'Huillier M.* Les Français et la politique : désintérêt ou crise de confiance ? – URL: <http://delitsdopinion.com/1analyses/les-francais-et-la-politique-desinteret-ou-crise-de-confiance-2633/> (date of access: 03.10.2017).
- Le Grand Débat – Mardi // YouTube.com. 04.04.2017. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DbClS-C2OM> (date of access: 03.10.2017).
- Le Pen M.* 144 engagements présidentiels. Marine 2017. – URL: <https://www.marine2017.fr/wp-content/uploads/2017/02/projet-presidentiel-marine-le-pen.pdf> (date of access: 03.10.2017).
- Le Pen M.* Un Etat-stratège...// Twitter. 26.09.2016. – URL: https://twitter.com/MLP_officiel/status/780461653662035968 (date of access: 03.10.2017).
- Le Président du MEDEF, Pierre GATTAZ « enthousiasmé » par Emmanuel MACRON .. // La cgt. 10.02.2017. – URL: <http://www.cgt-unilever-hpc-france.com/2017/02/le-president-du-medef-pierre-gattaz-enthousiasme-par-emmanuel-macron.html>(date of access: 03.10.2017).
- Le regard des Français sur le bilan de mi-mandat de François Hollande // Harris interactive. 04.11.2014. – URL: http://harris-interactive.fr/opinion_polls/le-regard-des-francais-sur-le-bilan-de-mi-mandat-de-francois-hollande/ (date of access: 03.10.2017).
- Liste de sondages sur l'élection présidentielle française de 2017 // Wikipedia. – URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Liste_de_sondages_sur_l%27%C3%A9lection_pr%C3%A9sidentielle_fran%C3%A7aise_de_2017 (date of access: 03.10.2017).
- Macron E.* Emmanuel Macron président. Programme. – URL: <https://en-marche.fr/emmanuel-macron/le-programme> (date of access: 03.10.2017).
- Martinat Ph.* Les Français et les partis politiques: le FN domine le match. – URL: <http://www.leparisien.fr/politique/sondage-les-francais-et-les-partis-politiques-le-fn-domine-le-match-13-06-2015-4860083.php> (date of access: 03.10.2017).
- Martin C.* Mélenchon a-t-il raison de dire que «60% des Français n'ont pas de religion»? / RTL. 05.04.2017. – URL: <http://www.rtl.fr/actu/politique/le-grand-debat-melenchon-le-pen-religion-7787970542> (date of access: 03.10.2017).
- Mélenchon J. L.* L'Avenir en commun, le programme. – URL: <https://avenirencommun.fr/avenir-en-commun/> (date of access: 03.10.2017).
- Mélenchon, star incontestée des réseaux sociaux pour le sprint final – URL: <http://www.lopinion.fr/edition/politique/melenchon-star-incontestee-reseaux-sociaux-sprint-final-124782> (date of access: 03.10.2017).
- Mélenchon a-t-il raison de dire que «60% des Français n'ont pas de religion» ? – URL: <http://www.rtl.fr/actu/politique/le-grand-debat-melenchon-le-pen-religion-7787970542> (date of access: 03.10.2017).
- Onfray M.* Décadence. Vie et mort du judéo-christianisme. Flammarion. 2017.
- Pierret B.* Résultats présidentielle 2017: Henri Guaino ne compte pas voter contre le FN // RTL.25.04.2017. – URL: <http://www.rtl.fr/actu/politique/henri-guaino-ne-compte-pas-voter-pour-contrer-le-front-national-7788283009> (date of access: 03.10.2017).
- Présidentielle 2017: le débat entre Emmanuel Macron et Marine Le Pen résumé en 5 minutes // Le Monde. 04.05.2017. – http://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2017/video/2017/05/04/presidentielle-2017-le-debat-entre-emmanuel-macron-et-marine-le-pen-resume-en-5-minutes_5121974_4854003.html (date of access: 03.10.2017).
- Primaires ouvertes de la droite et du centre. – URL: <http://www.primaire2016.org/resultats/> (date of access: 03.10.2017).

- Primaires citoyennes. 22–29 Janvier 2017. – URL: <http://www.lesprimairescitoyennes.fr/> (date of access: 03.10.2017).
- Qui sont les soutiens du candidat Macron? // LE MONDE 28.02.2017 http://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2017/article/2017/02/28/les-soutiens-d-emmanuel-macron_5087064_4854003.html(date of access: 03.10.2017).
- Quinault-Maupoil T.* Christine Boutin: «Contre Macron, je voterai Le Pen» // Le Figaro. 25.04.2017. – URL: <http://www.lefigaro.fr/elections/presidentielles/2017/04/24/35003-20170424ARTFIG00300-christine-boutin-contre-macron-je-voterai-le-pen.php> (date of access: 03.10.2017).
- Raulin N.* Macron ni de droite ni de gauche... ni hors système // Liberation. 03.02.2017. – URL: http://www.liberation.fr/politiques/2017/02/03/macron-ni-de-droite-ni-de-gauche-ni-hors-systeme_1546275 (date of access: 03.10.2017).
- Résultats de la consultation sur le second tour de l'élection présidentielle. // La France insoumise 02.05.2017. –URL: <https://lafranceinsoumise.fr/2017/05/02/resultats-de-consultation-second-tour-de-lelection-presidentielle/> (date of access: 03.10.2017).
- Résultats de l'élection présidentielle 2002 – URL: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__presidentielle_2002/\(path\)/presidentielle_2002/FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__presidentielle_2002/(path)/presidentielle_2002/FE.html) (date of access: 03.10.2017).
- Résultats de l'élection présidentielle 2007. – URL: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__presidentielle_2007/\(path\)/presidentielle_2007/FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__presidentielle_2007/(path)/presidentielle_2007/FE.html) (date of access: 03.10.2017).
- Résultats de l'élection présidentielle 2012 – URL: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__PR2012/\(path\)/PR2012/FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__PR2012/(path)/PR2012/FE.html) (date of access: 03.10.2017).
- Résultats de l'élection présidentielle 2017 – URL: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__presidentielle-2017/\(path\)/presidentielle-2017/FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__presidentielle-2017/(path)/presidentielle-2017/FE.html) (date of access: 03.10.2017).
- Sondage exclusif sur les priorités des Français : la lutte contre le chômage reprend le pas sur la sécurité et l'anti-terrorisme (et bien d'autres leçons pour les candidats 2017...) // Atlantico. 07.12.2016. – URL: <http://www.atlantico.fr/rdv/politico-scanner/sondage-exclusif-priorites-francais-lutte-contre-chomage-reprend-pas-securie-et-anti-terrorisme-et-bien-autres-lecons-pour-2900717.html> (date of access: 03.10.2017).
- Sondage: Le Pen au second tour, Juppé en tête au premier. <http://www.europe1.fr/politique/sondage-le-pen-au-second-tour-juppe-en-tete-au-premier-2854006> (date of access: 03.10.2017).
- Zemmour É.* Le Suicide Français. 2014.

УДК 323; 324; 338; 339

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

«Brexit по-испански»: причины и последствия каталонского кризиса

Аннотация. Осенью 2017 г. Испания вступила в самый острый политико-институциональный кризис за более чем 40-летнюю историю развития в условиях демократии, после смерти диктатора Ф. Франко в ноябре 1975 г. Попытка властей одного из испанских регионов – Каталонии добиться независимости и создать самостоятельное государство с республиканской формой правления ставит под вопрос саму идею существования Королевства Испании в его современном виде, а в международном плане – бросает вызов Европейскому союзу.

Ключевые слова: Каталония, Испания, экономический кризис, сепаратизм, референдум, «эффект Монреаля», Европейский союз, политический диалог.

Голосование по вопросу возможного выхода Каталонии из состава Королевства Испании, организованное 1 октября текущего года сепаратистски настроенными властями этого крупного и экономически развитого региона, явилось рубежным этапом в новейшей испанской истории. И каталонские лидеры, разыгравшие националистическую карту, и центральное правительство Мариано Рахоя, попытавшееся силой не допустить проведения неконституционного референдума о сецессии, пересекли условные красные линии и резко сузили пространство для конструктивного диалога, возможного компромисса и примирения. По аналогии с «Brexit» на европейском политическом горизонте замаячил «Catexit».

Длительное противостояние Мадрида и Барселоны достигло своего апогея и требует всестороннего и непредвзятого осмысления. Драматические события на Пиренейском полуострове – не изолированный эпизод локального значения, а еще одно звено в длинной цепи международных потрясений тектонических масштабов, которые в сумме формируют новую европейскую и, если угодно, глобальную повестку. Каталонский сецессионистский кризис (так называемый *procés*) имеет несколько измерений, что делает его чрезвычайно сложным и противоречивым, не имеющим простых и быстрых решений.

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович – руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук; yakovlev@yandex.ru.

Каталония: портрет в испанском интерьере

Экономический и социальный прогресс Испании за сорок два года развития в условиях демократии производит весьма сильное впечатление. Несмотря на продолжительный сбой так называемого «потерянного десятилетия» (периода с начала глобального кризиса 2008 г. и по второй квартал 2017 г., когда испанская экономика по объему производства вышла на докризисный уровень), Испания демонстрирует высокие макроэкономические показатели. За сорок лет душевой ВВП увеличился почти в 15 раз (с 1,7 до 25 тыс. евро), инфляция снизилась с 26 до 1,5%, экспорт товаров и услуг вырос с 13 до 33% ВВП, прямые иностранные инвестиции, составившие в 1977 г. скромную сумму в размере 608 млн долл., в 2016 г. превысили 26 млрд. Значительно улучшилось социальное положение испанского населения. Средняя ожидаемая продолжительность жизни увеличилась с 74 до 82 лет, доля испанцев, имеющих высшее образование, выросла с 4 до 28%, а количество неграмотных в возрасте свыше 65 лет сократилось с 30 до 5,4%. Страна, которую в поисках лучшей жизни прежде покидали сотни тысяч граждан, стала привлекательной для миллионов иммигрантов из Европы, Азии, Африки, Латинской Америки. В значительной степени за счет их притока население Испании увеличилось на 10 млн и в настоящее время превышает 46 млн человек, из которых 4,5 млн – иностранцы (в 1977 г. их было в 28 раз меньше – только 160 тыс.) [Chislett.Not...].

Крупным достижением можно считать создание и укрепление жизнеспособных демократических институтов, что было крайне сложно после десятилетий господства диктаторского режима. По Индексу демократии, регулярно составляемому *The Economist Intelligence Unit*, Испания в 2016 г. заняла 17-е место, опередив 150 государств мира, включая Японию, США, Италию, Францию, Португалию, Бельгию и др. [The Economist...]. Иначе говоря, практически по всем ключевым стандартам Испания за постфранкистский период изменилась почти до неузнаваемости.

Большое значение имел тот факт, что испанский политический класс сумел найти и воплотить в жизнь своеобразную формулу территориально-административной организации страны, так называемое *государство автономий*, состоящее из 17 автономных областей (сообществ) и двух автономных городов на побережье Северной Африки. Такое государственное устройство совмещает централизованное управление с весьма широкими полномочиями отдельных регионов (автономий) [Хенкин]. Таким образом в значительной степени удалось учесть интересы различных национальностей, населяющих Испанию (что начисто игнорировалось в годы правления Ф. Франко), и в то же время избежать распада единого государства. Каталония, исторически выделявшаяся своей самобытностью и стремлением к максимально полной автономии, в условиях демократии стала пользоваться самыми широкими правами в социально-политической и финансово-экономической сферах за всю свою историю.

После присоединения (с 1 января 1986 г.) Испании к европейской интеграции традиционно индустриальная Каталония практически сразу начала выстраивать партнерские отношения с другими промышленно развитыми европейскими регионами. В результате 9 сентября 1988 г. в германском Штутгарте состоялось подписание меморандума

о сотрудничестве четырех областей: итальянской (Ломбардия), французской (Овернь-Рона-Альпы), немецкой (Баден-Вюртемберг) и Каталонии. Это партнерство получило неофициальное наименование «*Четыре мотора Европы*». Участие в этом партнерстве как бы зафиксировало особое положение каталонской автономии как одного из главных драйверов экономического роста Испании в постфранкистский период. В 2016 г. на долю региона приходилось порядка 16% испанского населения, немногим более 20% совокупного ВВП, 23% иностранных туристов и 25% экспорта товаров и услуг [Chislett. Global...].

Подобно другим испанским регионам, Каталония испытала на себе разрушительные удары кризиса 2008–2009 гг. и пережила длительную рецессию. Данное обстоятельство сыграло роль катализатора недовольства многих каталонцев состоянием финансово-экономических связей с Мадридом. Широкое распространение получили тезисы типа «Испания нас грабит», «Каталония кормит другие регионы» и т.д. Правда состояла в том, что автономия отчисляла в консолидированный бюджет около 10 млрд евро в год (порядка 5% ВВП), которые шли на поддержку менее экономически развитых автономий. Но и Каталония пользовалась важными преимуществами единого общеиспанского рынка, куда направлялось (в разные годы) от 40 до 50% товарного экспорта каталонских предприятий, что существенно расширяло их производственные возможности [Nota...].

В 2013 г. вместе с остальной страной Каталония вновь встала на рельсы сравнительно динамичного (по европейским меркам) социально-экономического развития [Яковлев. Испания...]. В регионе стал расти ВВП, увеличились производственные капиталовложения, возросли экспорт и прямые иностранные инвестиции, вырос туризм, снизилась безработица (табл. 1).

Таблица 1

Ключевые макроэкономические показатели Каталонии, млрд евро

Показатель	2013	2014	2015	2016
ВВП	203,2	208,0	215,6	223,6
Население (тыс.)	7456	7429	7437	7463
Душевой ВВП (евро)	27252	28000	28997	29966
Инвестиции в основной капитал	34,0	35,3	37,7	40,2
Экспорт товаров и услуг	75,1	77,6	81,9	84,7
Импорт товаров и услуг	62,2	66,6	69,3	71,8
Внешнеторговое сальдо	+12,9	+11,0	+12,6	+12,9
Прямые иностранные инвестиции	3,571	3,038	4,921	4,856
Число иностранных туристов (тыс.)	16638	18312	19261	18139
Безработица (тыс. человек)	637	594	535	471

Источник: Nota de Conjuntura Econòmica, 95. Barcelona, Juliol de 2017, p. 147.

Следует подчеркнуть, что выходу автономии из торгово-экономического кризиса в немалой степени способствовали два обстоятельства: крупная финансовая помощь

со стороны центральной власти и растущий вывоз промышленной и сельскохозяйственной продукции каталонских предприятий на рынки других регионов Испании и в страны Европейского союза. Причем в 2012–2016 гг. не только возросли объемы каталонского экспорта в государства ЕС, но и увеличилась их доля как в экспорте, так и в импорте Каталонии – с 62,4 до 65,8% и с 56,4 до 59,6% соответственно (табл. 2). Эти данные говорят о сильнейшей зависимости хозяйственных субъектов автономии от рынков Евросоюза.

Таблица 2

Географическое распределение внешней торговли Каталонии, %

Страна	Экспорт		Импорт	
	2012	2016	2012	2016
Германия	11,3	11,9	15,6	18,6
Франция	17,3	16,1	9,8	9,3
Италия	8,2	9,1	8,4	8,1
Португалия	5,7	6,7	2,2	2,2
Великобритания	5,0	6,0	3,1	3,2
Швейцария	4,9	3,3	2,0	2,4
США	2,9	3,3	3,0	3,4
Япония	1,0	1,2	2,3	2,4
Китай	1,7	2,0	8,3	9,6
<i>Европейский союз (ЕС-28) в целом</i>	<i>62,4</i>	<i>65,8</i>	<i>56,4</i>	<i>59,6</i>
<i>Остальной мир</i>	<i>37,6</i>	<i>34,2</i>	<i>44,6</i>	<i>40,4</i>

Источник: Nota de Conjuntura Econòmica, 95. Barcelona, Juliol de 2017, p. 50.

Анализ ключевых параметров развития каталонской экономики приводит к выводу о ее глубоком встраивании в общеиспанские финансовые и хозяйственные структуры, а также теснейшем переплетении торговой и производственной деятельности каталонских компаний с предприятиями европейских государств.

Политические расчеты и просчеты

Националистическая традиция в Каталонии существовала (и формировалась) несколько столетий, но собственного жизнеспособного независимого государства у каталонцев никогда не было. Более того, доминантой в позиции большей части каталонских элит оставалась борьба за максимально широкую автономию в составе Королевства Испании. Эти устремления были задушены в период франкистской диктатуры (1939–1975 гг.), когда жесткий курс на централизацию лишил Каталонию даже тени самостоятельности. Вместе с тем, благодаря значительным государственным инвестициям и развитию инфраструктуры, регион получил сильный импульс экономического роста. После смерти Франко в процессе демократизации испанского общества унитарное государство превратилось в Государство автономий. Испанская конституция 1978 г. и принятый на ее основе автономный статут (1979 г.) предоставили Каталонии сравнительно широкие права и свободы. Регион получил собственные парламент и правительство,

полицию (так называемые Mossos d'Esquadra), радио и телевидение, расширенную финансовую самостоятельность, а каталонский язык был признан официальным [Яковлев. «Каталонский узел»...].

Но сепаратистам всего этого было мало. Перед центральной властью постоянно выдвигались новые требования. Образование в местных школах стали вести только на каталонском, а испанский язык изучали как иностранный. Местных предпринимателей начали штрафовать за документооборот на испанском языке. В административных органах и силовых структурах автономии концентрировались сторонники выхода Каталонии из состава Испании. Под их прямым давлением в 2002 г. в региональном парламенте прошли дебаты, по итогам которых законодатели приняли решение начать процедуру пересмотра автономного статута с тем, чтобы новый документ гарантировал бóльшую финансовую и налоговую независимость от Мадрида (вплоть до учреждения собственного налогового агентства, обеспечивающего сбор всех фискальных поступлений на территории региона). Кроме того, в проекте статута предусматривалось наделение верховного суда Каталонии высшими полномочиями, независимыми от центральной власти, что, по сути, означало самостоятельность в судебной-правоохранительной сфере. При этом ряд статей проекта, по мнению авторитетных юристов, нарушал конституцию Испании [Волкова, с. 239–243].

Идейно-политическая борьба вокруг проекта нового статута в 2005–2006 гг. попала в фокус общественного внимания Испании. Несмотря на острую критику, статут был одобрен в 2008 г., что на практике означало существенное расширение прав каталонской автономии и не могло не вызвать недовольства у других территориальных субъектов. В результате сразу семь автономий оспорили в Конституционном суде целый ряд положений каталонского статута как противоречащих основному закону. После долгого разбирательства суд признал неконституционными (полностью или частично) 14 статей, а это, в свою очередь, спровоцировало болезненную реакцию в Барселоне [Хенкин].

В условиях глобального кризиса 2008–2009 гг., последствия которого больно сказались на материальном положении большинства каталонцев, движение за независимость Каталонии получило мощную идейно-концептуальную подпитку со стороны ряда маститых каталано-американских экономистов, принадлежащих к так называемой «Ryan Wilson Group» [Ryan...]. В их числе следует выделить:

- Андреу Мас-Колелла, четырежды занимавшего посты министра образования и науки и министра образования и экономики Каталонии;
- Пола Антраса, профессора Гарвардского университета, с 2015 г. издателя «Quarterly Journal of Economics»;
- Жорди Гали Гаррета, профессора престижного университета Помпеу Фабра, бывшего президента Европейской экономической ассоциации;
- Хавьера Сала-и-Мартина, профессора Колумбийского университета, члена Всемирного экономического форума в Давосе, автора широко используемого Индекса глобальной конкурентоспособности.

Все названные экономисты – проводники идеи каталонской независимости, сторонники скорейшего выхода региона из состава Королевства Испании. В своих академических трудах и выступлениях в средствах массовой информации они доказывали высокую жизнеспособность каталонской экономики, утверждали, что обретение независимости ускорит развитие Каталонии, будет способствовать динамичному наращиванию ее хозяйственного потенциала, укрепит финансовую систему и поможет распутать имеющиеся узлы социальных проблем. В частности, участники «Ryan Wilson Group» убеждали каталонцев, что государственный суверенитет принесет сокращение безработицы, обеспечит повышение жизненного уровня населения, дополнительно привлечет в новое самостоятельное государство крупные иностранные инвестиции. Словом, независимая Каталония легче и быстрее преодолет последствия кризиса 2008–2009 гг. и выйдет на магистраль успешного ускоренного развития [Diez J.C.].

В политическом плане наиболее последовательно за независимость выступали правонационалистическая коалиция «Конвергенция и Союз» (Convergència i Unió – CiU), чей лидер Артур Мас в конце 2010 г. занял пост председателя регионального правительства (Женералитата), а также партия социал-демократического толка «Левые республиканцы Каталонии» (Esquerra Republicana de Catalunya – ERC) и крайне левая, антикапиталистическая и сепаратистская организация «Кандидатура народного единства» (Candidatura d'Unitat Popular – CUP). В результате напряженной межпартийной и внутрипартийной борьбы, отмеченной острыми разногласиями персонального характера, к осени 2015 г. произошла перегруппировка националистических сил, и движение за сецессию возглавили блок Junts pel Sí («Вместе за Да»), образованный на базе ERC и либерально-националистической части CiU, а также CUP [Яковлев. «Каталонский узел»...].

27 сентября 2015 г. в Каталонии прошли выборы в региональный парламент, в которых приняли участие свыше 77% жителей региона, имеющих право голоса (рекордный показатель с 1980 г., когда в автономии стали проводить выборы). Итоги голосования преподнесли его участникам ряд сюрпризов, добавили обертоны в каталонскую внутривнутриполитическую симфонию и подняли уровень рисков в период крайне сложного выхода Испании из экономической рецессии и преодоления тяжелого наследия кризиса 2008–2009 гг. Как отмечали эксперты, избирательная кампания в Каталонии оставила после себя политически расколотое общество и нестабильную обстановку, чреватую серьезными осложнениями [Seísmo...].

Главным электоральным результатом стало то, что националистическая коалиция Junts pel Sí, получив наибольшее число голосов избирателей, не обеспечила себе большинства в парламенте (62 из 135 мест) и оказалась в критической зависимости от поддержки со стороны ультралевой CUP (10 парламентариев). Остальные места (63) получили противники выхода региона из Испании.

Вынужденный альянс Junts pel Sí с CUP, которая пошла на выборы с радикальной антикапиталистической программой, включавшей требования национализации частных предприятий и банков, принятия мер «шоковой терапии против бедности», а также

выхода Каталонии из зоны евро и Европейского союза, создал правительству А. Маса немало проблем. В частности, настойчивые призывы лидера CUP Антонио Баньоса «покончить с капитализмом, плодящим нищету» вызывали у либерально ориентированных сторонников Junts pel Sí (в большинстве своем – членов каталонского экономического и политического истеблишмента) плохо скрываемый ужас [Roger]. Но логика политической борьбы вынуждала руководство Junts pel Sí вести переговоры с CUP и искать дополнительные точки соприкосновения и взаимопонимания (помимо общих сепаратистских устремлений).

Умеренные каталонские сепаратисты (в своем большинстве), планируя отделиться от Испании, предполагали создать сравнительно компактную республику, основанную на принципах прямой демократии и рыночной экономики и полностью контролирующую всю финансово-хозяйственную и социально-политическую деятельность на своей территории. Но одновременно они стремились остаться в Европейском союзе, поскольку не желали брать на себя наиболее затратные обязанности суверенного государства: обеспечение национальной обороны, создание собственной валюты, продвижение и защиту торгово-экономических интересов на глобальном уровне, регулирование миграционных процессов и т.д. Ориентация А. Маса и его сторонников на частный местный и транснациональный капитал и Евросоюз очевидно диссонировала с подходом CUP и вносила разлад в лагерь сепаратистов. Разногласия были настолько острыми и непримиримыми, что не позволили ему сформировать правительство и вынудили уступить место компромиссной фигуре – Карлесу Пучдемону, мэру города Жирона и депутату каталонского парламента от блока Junts pel Sí.

После того как К. Пучдемон в январе 2016 г. возглавил Женералитат, М. Рахой пригласил его для переговоров в Мадрид, явно рассчитывая наладить диалог с новым каталонским лидером. Поначалу стороны держались весьма любезно, демонстрировали готовность к развитию диалога, но затем глава Женералитата заявил, что сделает все возможное, чтобы добиться отделения Каталонии от остальной Испании. Больше приглашений посетить Мадрид К. Пучдемон не получал. Правда, М. Рахой заявлял, что оставляет открытыми двери для переговоров по проблемам отношений с Барселоной, включая наиболее деликатные и сложные финансовые вопросы [Declaración...].

Пейзаж после битвы: невозможное – возможно

Вяло и как бы нехотя реагируя на все более решительные сепаратистские демарши Барселоны, официальный Мадрид, по-видимому, полагал: то, что нелегально и противоречит основному закону испанского государства, неосуществимо. В результате центральное правительство упустило ситуацию и только в сентябре 2017 г. дало четко понять, что не допустит антиконституционных действий со стороны Женералитата. На территорию региона были введены дополнительные силы безопасности, переброшенные из других областей Испании. Однако время было потеряно и маховик подготовки к голосованию уже был запущен. 1 октября каталонские власти, несмотря на неоднократные заявления Мадрида о нелегитимном и антиконституционном характере их сепаратистских действий, провели голосование по вопросу выхода автономии из состава

Королевства Испании и образования самостоятельного государства – Республики Каталония.

Незаконный референдум прошел в крайне напряженной обстановке, под удары полицейских дубинок, выстрелы резиновыми пулями и взрывы шумовых гранат.

По официальным данным каталонского правительства, из 5313564 граждан автономии, имеющих право голоса, в голосовании приняли участие 2286217 избирателей (43%). При этом 2044038 человек (89,4% пришедших к урнам) проголосовали за выход региона из состава Испании, 177547 (7,8%) – против, остальные бюллетени были признаны недействительными [Resultats...].

Таким образом, порядка 57% жителей Каталонии (так называемое «молчаливое большинство») не приняло участия в референдуме, сделав его полностью нерепрезентативным. Более того, позиция противников отделения от Испании была мощно продемонстрирована 8 октября, когда по улицам Барселоны прошло многотысячное шествие под лозунгом «Вернемся к здравому смыслу».

Интересы бизнеса и «эффект Монреаля»

Проблема многочисленных сторонников независимости и политического суверенитета Каталонии в том, что подавляющее большинство из них даже не представляют, с какими вызовами и трудностями им придется столкнуться в случае выхода региона из состава испанского государства. Не последнее место в списке возможных экономических рисков занимает позиция деловых кругов (как каталонских предпринимателей, так и промышленников и банкиров из других испанских автономий и зарубежных стран). Независимо от того, добьется Каталония выхода из состава Испании или нет, сама борьба за политическую самостоятельность, породившая острейший институциональный кризис, оказывает воздействие на представителей бизнес-сообщества, заставляя их задуматься о последствиях курса на независимость.

Эксперты отмечают, что уже в течение ряда лет сокращается число компаний, действующих в Каталонии. В частности, в первом квартале 2017 г. автономию покинули 405 предприятий. Эта тенденция в обозримом будущем может усилиться [Molina]. «Никто не должен обманываться: тяжелейший конституционный кризис в Каталонии будет дорого стоить испанской экономике и, разумеется, каталонской», – отмечалось на страницах газеты «El País» [Este...].

Решимость каталонских властей добиваться независимости и фронтальное столкновение Барселоны и Мадрида в ходе голосования 1 октября в значительной мере дестабилизировали политическую обстановку в автономии и вселили в предпринимательское сообщество страх перед неопределенным будущим, чреватый неприятными сюрпризами. Данное обстоятельство вызвало новую волну бегства компаний из Каталонии. Первой приняла решение о переводе своей штаб-квартиры из Барселоны в Мадрид сравнительно крупная каталонская биофармацевтическая фирма «Oryzon

Genomics». Ее акции на бирже за два дня упали в цене на 10%, что с полным на то основанием было воспринято как признак ухудшения в автономии предпринимательского климата [La cotizada...].

Дальнейшие события в Каталонии усилили панические настроения в рядах бизнесменов. Только за один день 5 октября индекс мадридской фондовой биржи (Ibex-35) снизился на 2,85%, что явилось самым глубоким падением с момента провозглашения Brexit и было расценено в качестве сигнала к выводу активов за пределы каталонской автономии [Ibex-35...]. За период с 1 по 11 октября 540 (!) крупных местных и иностранных компаний, работающих в сфере промышленности и услуг, заявили о планах перевода своих штаб-квартир из Каталонии в другие регионы Испании, по большей части в Мадрид [Portillo]. В их числе:

- французская страховая фирма «Аха» (уже перебралась в Бильбао, Страна Басков);
- один из крупнейших в мире издательских домов «Grupo Planeta»;
- филиал мексиканской транснациональной пищевкусовой корпорации «Bimbo» (ее представители откровенно заявили, что «желают работать в нормальной обстановке»);
- ведущие национальные (и одни из крупнейших в Европе) предприятия по производству игристых вин «Cordoníu» и «Freixenet» (президент последней, Хосе Луис Бонет, возглавляет Торговую палату Испании);
- транснациональная инжиниринговая корпорация «Abertis» (один из крупнейших в Европе операторов платных автомобильных дорог);
- лидер энергетической отрасли, всемирно известный концерн «Gas natural Fenosa»;
- телекоммуникационная компания «Cellnex»;
- производитель диетических продуктов «Natur House»;
- оператор бензозаправочных станций «Ballenoil»;
- важный игрок на рынке страховых услуг «Catalana Occidente»;
- текстильное предприятие DOGI

и т.д.

Характерно, что в числе предприятий, намеревающихся покинуть Каталонию в случае дальнейшего обострения в регионе политической ситуации, фигурируют компании, хозяева которых традиционно выступали за независимость автономии – например, биофармацевтическая «Grifols» и пищевая «Idilia Foods». В обоих случаях речь идет о знаковых для каталонской экономики предприятиях, занимающих прочные позиции не только на местном, но и на международном рынке. В частности, «Grifols» реализует за рубежом 95% своей продукции [Coca].

Открытым вопросом остается судьба банковской системы в случае обретения Каталонией политической независимости. По данным Банка Испании, в марте 2017 г. на счетах каталонских отделений испанских банков находилось порядка 180 млрд евро. По этому показателю Каталония занимала второе место среди всех автономий, уступая только мадридскому региону (330 млрд) [Banco...]. Главная опасность – масштабное бегство капиталов, перевод финансовых средств, прежде всего депозитов частных лиц, за пределы региона. Международная практика свидетельствует, что политиче-

ская турбулентность способна вызвать панику на рынке и спровоцировать банковский кризис. Как признал генеральный директор банка «Sabadell» (одного из крупнейших финансовых учреждений автономии), «сложившаяся ситуация порождает нервозность и озабоченность» в банковских кругах, допускающих возможность массового оттока депозитов [Salobral].

По существу, Каталония переживает известный из международного опыта «эффект Монреаля»: массовый исход из канадской провинции Квебек предприятий и банков, когда пришедшие к власти в 1976 г. сторонники отделения этой территории от остальной страны пришли к власти. Заметим, что результатом указанного процесса стала деловая деградация Монреаля и превращение Торонто (столица провинции Онтарио) в важнейший финансовый центр Канады. Даже «Bank of Montreal» не удержался и покинул город, давший ему название. А когда страсти улеглись и планы квебекских сепаратистов не получили поддержки большинства населения этой провинции, процесс не развернулся в обратную сторону.

Анализируя тренды, складывающиеся в каталонском регионе, профессор экономики авторитетной в Европе «IE Business School» Рафаэль Пампильон подчеркнул: «Компании бегут из Каталонии, потому что верят, что центральное испанское правительство лучше защитит их интересы. Чтобы предприятия вернулись в автономию, каталонские политические институты должны не допустить ее отделения. Независимость приведет к всеобщему снижению уровня жизни, который будет сложно восстановить» [Pampillon]. Иначе говоря, каталонцы на практике проверили релевантность оптимистических утверждений и щедрых обещаний экономистов «Ryan Wilson Group» и на собственном опыте убедились, что в жизни все может сложиться иначе. Как отмечала испанская печать, жители региона столкнулись с жестокой реальностью: «экономика превратилась в главный фактор, сдерживающий развитие *procsés*» [León]. Опыт Каталонии лишний раз подтвердил ту истину, что деловая репутация создается годами упорного труда, но достаточно нескольких дней, чтобы ее разрушить.

Вместе с тем значительная часть каталонского бизнес-сообщества продолжает надеяться на то, что кардинальные политические перемены в регионе не приведут к существенному сворачиванию предпринимательской деятельности, что произойдет своего рода «итализация» Каталонии – дивергенция политики и экономики. Будущее покажет, насколько обоснованны такие надежды.

Плохие новости для Евросоюза

События в Каталонии имели глобальный отклик. Волна комментариев различной идейно-политической направленности прокатилась по всему миру.

Особенно болезненно (в силу теснейших исторических, культурных, гуманитарных и политико-экономических связей) каталонский кризис был воспринят в странах Латинской Америки. Политики и бизнесмены, представители интеллектуального сообщества, общественные деятели и рядовые граждане, с беспокойством следившие за

развитием сепаратистского движения в Каталонии [Яковлев. «Каталонский узел»...], живо откликнулись на обострение ситуации и призвали националистически настроенные круги отказаться от «радикального, оппортунистического и авантюрного курса» [Lapuente]. Однозначную поддержку Мадриду продемонстрировали правительства ведущих государств Латинской Америки. В частности, 10 октября министр иностранных дел Мексики Луис Видегарай заявил, что «если каталонские власти в одностороннем порядке провозгласят независимость, то приверженное принципам международного права правительство Мексики не признает Каталонию самостоятельным государством» [México...].

Глубокую озабоченность и осуждение действия каталонских сепаратистов вызвали в большинстве стран Европы. Хотя в ряде случаев (Бельгия, Словения, Швейцария и др.) либо раздавались голоса в пользу националистических устремлений лидеров Женералитата, либо предлагались посреднические услуги в случае диалога между конфликтующими сторонами.

Многие эксперты сошлись во мнении, что стратегической задачей К. Пучдемона в сфере внешних связей было привлечь к *procés* максимально широкое внимание за рубежом и добиться согласия Мадрида на международное посредничество в решении испано-каталонского конфликта. Причем на роль посредника в первую очередь планировались руководящие органы Европейского союза. В рамках такого рода гипотетических трехсторонних переговоров (Мадрид – Барселона – Брюссель) лидеры сепаратистов надеялись достичь двух главных целей: добиться общественного признания результатов голосования 1 октября 2017 г. (по сути, легализовать неконституционный референдум) и получить согласие партнеров на сохранение членства Каталонии в Евросоюзе, но уже в качестве самостоятельного государства.

Однако эти расчеты были опрокинуты негативной реакцией Европейской комиссии, которая сочла, что признание каталонского суверенитета неизбежно даст «зеленый свет» другим сепаратистским движениям в Европе, от Фландрии до Венето. Уже 2 октября Еврокомиссия выступила с заявлением, указав на необходимость соблюдать конституцию Испании [Euroreap...], а затем последовало почти паническое по содержанию заявление председателя Еврокомиссии Жан-Клода Юнкера. Высокопоставленный чиновник отметил, что события в каталонском регионе – внутреннее дело Испании, и решительно отверг возможность посредничества Евросоюза в испано-каталонском конфликте. Он также выразил опасение, что в случае «запуска» процесса выхода Каталонии из состава Королевства Испании через 15 лет в Европейском союзе окажется 98 государств. «Уже сложно вести дела с 28 или 27 (после Brexit) членами, а с 98 странами это будет просто невозможно», – подчеркнул Ж.-К. Юнкер [Pérez]. Тем самым был дан негативный ответ на попытки Женералитата подключить Евросоюз к разрешению каталонского кризиса. «Парадоксальным образом, – комментировала реакцию Брюсселя «El País», – К. Пучдемон своим стремлением интернационализировать *procés* превратил виртуальную независимость Каталонии в реальную угрозу стабильности ЕС» [Procés...].

Другими словами, для Европейского союза противостояние Мадрида и Барселоны стало сильной головной болью и крайне неприятным и опасным прецедентом на фоне сепаратистских и националистических настроений, крепнущих в целом ряде государств континента.

Отложенная независимость

После некоторых проволочек 10 октября состоялось заседание каталонского парламента, на котором К. Пучдемон выступил с программной речью, оставившей двойственное впечатление и не удовлетворившей ни сепаратистов, ни противников выхода автономии из состава испанского государства. С одной стороны, глава Женералитата заявил, что, основываясь на результатах референдума 1 октября, «Каталония превращается в независимое государство с республиканской формой правления» [Compteixença...]. С этой целью на заседании была подписана декларация, провозглашавшая независимость региона. Под документом, помимо К. Пучдемона, поставили свои подписи его заместитель Ориол Жункерас, спикер каталонского законодательного органа Карме Форкадель и 72 депутата, образующие парламентское большинство. «Учреждаем Каталонскую Республику как независимое и суверенное, правовое, демократическое и социальное государство», – гласил принятый текст, озаглавленный «Декларация народных представителей Каталонии» [Мадрид...].

Но одновременно К. Пучдемон от имени каталонского правительства «предложил парламенту отложить практическую реализацию декларации о независимости с тем, чтобы в течение ближайших недель организовать диалог, без которого невозможно прийти к согласованному решению». При этом вновь подчеркивалась заинтересованность Барселоны в международном посредничестве, которое, по замыслу сепаратистских лидеров, могло облегчить достижение выгодных им уступок со стороны Мадрида, а в конечном счете – подготовить благоприятную почву для создания суверенного каталонского государства. «Сегодня, – подчеркнул глава Женералитата, – правительство Каталонии, демонстрируя ответственность и великодушие, в очередной раз приглашает (центральное руководство – П.Я.) к диалогу» [Compteixença...].

Многие испанские и зарубежные наблюдатели и аналитики оказались в замешательстве, стараясь расшифровать истинный смысл выступления каталонского лидера. Главное – невозможно было понять, встала Каталония на путь обретения государственной независимости или, как говорят, «возможны варианты». Двусмысленность дискурса К. Пучдемона вызвала шквал критических комментариев. «Что он сказал? Мы независимы или нет?» – твердили озадаченные и сбитые с толку сторонники сепаратизма. «Движение за независимость действительно дало задний ход?» – с сомнением и надеждой вопрошали противники выхода автономии из Испании. Другие сочли, что президент Женералитата «обманул всех», поскольку «пытался удовлетворить многих, но не угодил никому» [Amón].

На наш взгляд, противоречивый характер заявления К. Пучдемона стал логичным результатом целого ряда серьезных обстоятельств, заявивших о себе после голосо-

ния 1 октября. По-видимому, члены Женералитата не были к ним готовы. В их числе: твердая линия правительства М. Рахоя, требовавшего возвращения лидеров каталонских националистов в правовое поле; позиция крупного промышленного и банковского капитала, «проголосовавшего ногами» против политики сепаратизма; выход на улицу резко активизировавшихся многочисленных представителей «молчаливого большинства»; угроза международной изоляции Каталонии в случае реализации на практике сепаратистских устремлений. Все это в совокупности ослабляло позиции Барселоны и давало центральной власти дополнительные рычаги политического давления.

Мадрид стал действовать безотлагательно, как бы перечеркивая времена неуверенности и даже некоторой растерянности. Уже 11 октября М. Рахой провел экстренное совещание Совета министров и по его итогам направил запрос К. Пучдемону с требованием внести ясность в позицию Женералитата до 10 часов утра 16 октября. В запросе указывалось, что такое разъяснение необходимо для принятия решения о дальнейших шагах центральной власти в отношении руководства автономии. Речь, по сути, шла о перспективах применения положений статьи 155 конституции Испании, которые предусматривают возможность введения в автономии элементов прямого управления из центра [El Gobierno...].

В последовавшем утром 16 октября ответе К. Пучдемона каталонский лидер фактически оставил без ответа запрос Мадрида и призвал М. Рахоя «как можно раньше организовать встречу (двух руководителей – П.Я.) с тем, чтобы прояснить возможности достижения первых соглашений» [Carta...]. Называя вещи своими именами, К. Пучдемон явно тянул время в надежде на то, что у М. Рахоя сдадут нервы, и Барселоне, без возвращения в правовое поле, удастся вовлечь правительство Испании в длительные и сложные переговоры, в течение которых явочным порядком будет происходить процесс медленного, но верного отделения Каталонии от испанского государства. В случае реализации такого сценария у каталонских националистов могут появиться шансы, как минимум, добиться от центральной власти значимых уступок. Именно поэтому правительство М. Рахоя в лице его заместителя Сарайи Саэнс Сантамарии продлило срок ответа на запрос разъяснений текущего статуса Каталонии до 19 октября и вновь потребовало возвращения лидеров Женералитата в правовое поле в качестве предварительного условия начала переговоров. «Никто не отказывается от диалога, но он должен осуществляться в рамках закона», – подчеркнула С. Саэнс Сантамария [Diez A.].

* * *

Политический истеблишмент Испании оказался не на высоте и не смог избежать кризисного развития событий в каталонской автономии. По мнению большинства наблюдателей, текущие потрясения в Каталонии можно сравнить с попыткой государственного переворота 23 февраля 1981 г. В тот день группа заговорщиков во главе с подполковником А. Техеро ворвалась в здание Конгресса депутатов и выдвинула ряд ультимативных требований, по существу, направленных на возврат страны к франкистским методам правления. Одновременно к Мадриду во главе танковой колонии направился генерал-капитан Валенсийского военного округа М. дель Боск. Военный путч

провалился, и в этом немалую роль сыграл король Хуан Карлос I, который в телевизионном обращении к нации резко осудил мятежников. Заговорщики были арестованы и преданы суду.

Конечно, по форме нынешний кризис в Каталонии радикально отличается от событий 36-летней давности, но, как было отмечено в редакционной статье «El País», каталонских лидеров с организаторами путча роднила «самоубийственная безответственность» [Este...], а одностороннее провозглашение независимости автономии свидетельствовало о готовности сепаратистов переступить через действующие конституционные нормы и тем самым подорвать основы существующего демократического строя. В этом смысле, считает известный каталонский политик, министр иностранных дел Испании в 2000–2002 гг. Жосеп Пике, радикализм многочисленных сторонников отделения Каталонии в стратегическом плане более опасен, чем не имевшая общественной поддержки попытка военного переворота на заре испанской демократии.

Литература:

- Волкова Г.И. Испания: государство автономий и проблема территориальной целостности. М. 2011.
- Мадрид обдумывает ответ на подписание властями Каталонии декларации о независимости. – URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4635011 (date of access: 01.10.2017).
- Хенкин С.М. Испания: испытание Каталонией // Перспективы. Научный портал. 14.01.2013. – URL: perspektivy.info/oykumena/europe/ispanija_ispytaniye_katalonijej_2013-01-14.htm (date of access: 03.10.2017).
- Яковлев П.П. Испания: посткризисная модель развития // Мировая экономика и международные отношения. 2015. С. 63–82.
- Яковлев П.П. «Каталонский узел»: политические последствия экономического кризиса в Испании // Перспективы. Электронный журнал. 2015. № 4. С. 46–61. – URL: journal.perspektivy.info/ (date of access: 16.10.2017).
- Amón R. Independencia con marcha atrás // El País. 10.10.2017. – URL: politica.elpais.com/politica/2017/10/10/actualidad/1507660357_296465.html (date of access: 16.10.2017).
- Banco de España. Datos de depósitos (marzo de 2017). – URL: app.bde.es/ (date of access: 04.10.2017)
- Carta del president de la Generalitat Carles Puigdemont al president del govern espanyol Mariano Rajoy. 16.10.2017. – URL: premsa.gencat.cat/pres_fsvp/0/home.html (date of access: 16.10.2017).
- Chislett W. Global Spain: the country's economic, military and soft presence. 30 June 2017. – URL: realinstitutoelcano.org/ (date of access: 04.10.2017).
- Chislett W. Not everything has gone badly in Spain. 04.10.2017. – URL: blog.realinstitutoelcano.org/en/ (date of access: 06.10.2017).
- Coca M.T. Empresarios soberanistas amenazan ahora también con abandonar Cataluña // El Mundo. 10.10.2017. – URL: elmundo.es/economia/2017/10/10/59dbe024ca474185678b46d5.html (date of access: 17.10.2017).
- Compareixença del president Puigdemont davant del ple del Parlament. Barcelona, 10 d'octubre de 2017. – URL: govern.cat/pres_gov/ (date of access: 12.10.2017).

- Declaración institucional del presidente del Gobierno. 20 de septiembre de 2017. – URL: lamoncloa.gob.es/presidente/intervenciones/ (date of access: 07.10.2017).
- Díez J.C.* Las ideas que dieron origen al caos catalán // Cinco Días. 11.10.2017. – URL: cincodias.elpais.com/cincodias/2017/10/10/mercados/1507653560_231520.html (date of access: 15.10.2017).
- Diez A.* Santamaría pide a Puigdemont que rectifique y le insta a dialogar en el Congreso y “dentro de la ley” // El País. 16.10.2017. – URL: politica.elpais.com/politica/2017/10/16/actualidad/1508137423_531022.html (date of access: 12.10.2017).
- El Gobierno requiere formalmente a la Generalidad para “que conforme si ha declarado la independencia de Cataluña”. 11 de octubre de 2017. – URL: lamoncloa.gob.es/ (date of access: 15.10.2017).
- Este ‘procés’ es una ruina // El País. 05.10.2017. – URL: elpais.com/elpais/2017/10/04/opinion/1507137991_985822.html (date of access: 15.10.2017).
- European Commission. Statement on the events in Catalonia. Brussels. 2 October 2017. – URL: europa.eu/rapid/press-release_STATEMENT-17-3626_en.htm
- ibex-35. 5.10.2017. – URL: ibex35.com/ (date of access: 14.10.2017).
- La cotizada Oryzon Genomics saca su sede de Cataluña y la traslada a Madrid // Cinco Días. 03.10.2017.
- Lapuente J.* América Latina ve con preocupación la crisis catalana // El País. 06.10.2017. – URL: elpais.com/internacional/2017/10/06/america/1507251021_361991.html (date of access: 14.10.2017).
- León S.* La cruda realidad // El País. 11.10.2017. – URL: elpais.com/elpais/2017/10/10/opinion/1507646598_670948.html (date of access: 14.10.2017).
- México no reconocerá a una Cataluña independiente. Comunicado No. 379. 10 de octubre de 2017. – URL: gob.mx/sre/prensa/ (date of access: 14.10.2017).
- Molina C.* Los empresarios apelan al diálogo y temen por la seguridad jurídica // Cinco Días. 07.09.2017. – URL: cincodias.elpais.com/cincodias/2017/09/06/companias/1504707559_630963.html (date of access: 14.10.2017).
- Nota de Conjuntura Econòmica, 95. Barcelona. Juliol de 2017.
- Pampillon R.* ¿Por qué las empresas huyen de Cataluña? 10 de Octubre de 2017. – URL: americaeconomia.com/analisis-opinion/ (date of access: 04.10.2017).
- Pérez C.* Juncker: “No quiero una Cataluña independiente; otros harían lo mismo” // El País. 13.10.2017. – URL: politica.elpais.com/politica/2017/10/13/actualidad/1507888366_483654.html (date of access: 14.10.2017).
- Portillo J.* 540 empresas abandonan Cataluña tras el referéndum ilegal del 1-0 // Cinco Días. 13.10.2017. – URL: cincodias.elpais.com/cincodias/2017/10/13/companias/1507906183_693173.html (date of access: 14.10.2017).
- ‘Procés’ antieuropeo // El País. 07.10.2017. – URL: elpais.com/elpais/2017/10/06/opinion/1507305089_107508.html (date of access: 14.10.2017).
- Resultats del referendium de l’1 d’octubre. 06.10.2017. – URL: govern.cat/pres_gov/govern/ca/ (date of access: 14.10.2017)
- Roger M., González Liste A.* Junts pel Sí prevé aceptar parte del plan anticapitalista de la CUP // El País. 03.10.2015. – URL: elpais.com/ccaa/2015/10/02/catalunya/1443813081_080249.html (date of access: 14.10.2017).

Ryan Wilson Group. Economics Services. – URL: rwilsongroup.com/economics.htm (date of access: 04.10.2017).

Salobral N. ¿Qué sucedería con los depósitos ante una declaración unilateral de independencia? // Cinco Días. 03.10.2017. – URL: cincodias.elpais.com/cincodias/2017/10/02/midinero/1506934805_410689.html (date of access: 04.10.2017).

Seísmo catalán // El País. 04.10.2015. – URL: elpais.com/elpais/2015/10/03/opinion/1443879282_371262.html (date of access: 04.10.2017).

The Economist Intelligence Unit. Democracy Index 2016. – URL: eiu.com/topic/democracy-index (date of access: 07.10.2017).

УДК 323/324; 338; 339

Владимир ВАСИЛЬЕВ

Анатомия трампизма: команда 45-го президента США

Аннотация. Судьба президентства Д. Трампа и его программы напрямую зависит от поведения членов его команды, его ближнего и дальнего окружения. В статье анализируются данные профессиональной и политической биографии назначенцев и выдвинутых Трампа. На этой основе делается вывод: идеологизированные формулировки, характеризующие трампизм как американское издание современного экономического национализма, слабо коррелируют с мировоззренческими установками и профессиональными навыками ключевых фигур новой американской администрации.

Ключевые слова: США, администрация Трампа, трампизм, Уолл-стрит, теневой кабинет, клановость, экономический национализм

Первые достаточно неоднозначные и противоречивые результаты пребывания Дональда Трампа в должности президента США породили представление, что главными причинами неудач и сбоев в деятельности новой американской администрации, в том числе и в части обещанного Д. Трампом улучшения российско-американских отношений, являются два обстоятельства политического плана.

Во-первых, это противостояние между исполнительной и законодательной ветвями власти, Белым домом и Капитолием. Во-вторых – «культурологическая война» между Белым домом и американскими СМИ, преимущественно либерально-демократическими, которые на всем протяжении 2016 г. поддерживали кандидата на пост президента США от Демократической партии – Хиллари Клинтон, демонизируя при этом Д. Трампа. В последнем случае незатихающие сражения на «медийном фронте» представляют собой не что иное, как попытку либерально-демократических СМИ взять реванш за поражение в ноябре 2016 г. и вплотную подвести Трампа к добровольному или вынужденному уходу с поста президента США.

Гораздо меньшее внимание уделяется составу той команды и тем фигурам, которых привел к руководству исполнительной ветви власти сам Трамп. Не будет преувеличением сказать, что в настоящее время «квинтэссенцией» трампизма являются именно назначенцы, наделенные колоссальными полномочиями и рычагами власти. Эти политические фигуры оказывают самое непосредственное влияние на выработку внешнеполитического и внутривластного курсов США, и их советы и рекоменда-

Сведения об авторе: ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич – главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, доктор экономических наук; vsvasiliev@mail.ru.

ции выливаются в действия и законодательные инициативы Белого дома. кроме того, от высшего и среднего звена руководителей исполнительной ветви власти зависит реализация указов и директивных предписаний Трампа, что напрямую связано с эффективностью государственного руководства экономикой и американским обществом в целом.

Уникальность президентства Трампа

Вполне можно согласиться с общим диагнозом, что президентство Д. Трампа во многих отношениях является уникальным. Уникальность состоит, среди прочего, в том, что впервые в американской истории в качестве субъекта принятия решений на высшем политическом уровне *в полной мере* стала присутствовать семья президента. Примеры клановости в американской политике на уровне Белого дома имели место и в прошлом: достаточно вспомнить президента Джона Кеннеди (1961–1963), который сделал своего брата Роберта Кеннеди министром юстиции и своим ближайшим советником по многим вопросам внешней и внутренней политики. Х. Клинтон, будучи первой леди США в годы президентства ее мужа Уильяма (Билла) Клинтона (1993–2001), также оказывала влияние на принятие многих решений в Белом доме в тот период. Про Джорджа Буша-мл. (2001–2009) говорили, что фактически Америкой вместо него «из-за кулис» руководил его отец – 41-й президент США Джордж Буш-ст.

Но с клановостью в таком явном виде, как при Трампе, напоминающей династическое правление политических кланов во многих странах Африки, Азии и Латинской Америки, США столкнулись впервые. «Революция Трампа» сравнительно быстро заставила интеллектуальные круги США вспомнить о «*железном законе олигархии*». Сформулированный еще в начале XX в. видным немецким социологом того времени Робертом Михельсом, он гласит, что «практически наверняка социальная группа, которая установит контроль над инструментами коллективной власти, делает все возможное, чтобы сохранить его над ними» [Michels, p. 234]. В ходе президентской кампании 2016 г. закон Р. Михельса проявился в тезисе о том, что «Д. Трамп представляет собой экзистенциальную угрозу американской демократии» [Blow]. С тех пор этот стереотип стал важнейшим идейным постулатом всех антитрамповских сил в борьбе против Трампа и его ближайшего окружения, включая семью американского миллиардера [Pitts].

Фундаментальной проблемой является не столько формальное участие тех или иных членов семейного клана в принятии решений на высшем государственном уровне, сколько влияние семейных ценностей на общий вектор внешней и внутренней политики администрации Трампа. Новейшие исследования американских политологов, посвященные влиянию системы семейных ценностей представителей династических политических кланов на их поведение в Конгрессе США (при избрании в сенат и/или палату представителей), показывают, что с течением времени «политическая власть становится *de facto* наследственной по причинам, совершенно не связанным с различиями в семейных характеристиках» [Dal Bó, p. 137].

Рис. Конфигурация принятия решений в Белом доме при Д. Трампе

Своего рода путеводителем по лабиринтам нынешней высшей вашингтонской власти является книга Николая Злобина «Кто есть кто в команде Трампа?» [Злобин]¹. Приведенные в ней материалы свидетельствуют, что проблема клановости будет одной из центральных в течение всего пребывания Трампа в Овальном кабинете Белого дома. Судя по всему, Трамп рассматривает свое президентство как продолжение созданной им семейной бизнес-империи. Он «сделал беспрецедентный для Америки шаг, повысив своего зятя, мужа Иванки Трамп Джаред Кушнера, до статуса старшего советника своей президентской администрации» [Злобин, с. 90–91]. В марте 2017 г. И. Трамп официально заняла должность помощника президента по вопросам социальной политики, женщин и меньшинств.

Роль дочери президента уже наглядно проявилась по меньшей мере в трех эпизодах. Во время визита канцлера ФРГ Ангелы Меркель в Вашингтон в середине марта 2017 г. во время встречи Д. Трампа и А. Меркель с представителями деловых кругов США и Германии Трамп посадил Иванку рядом с Меркель; И. Трамп была инициатором американского удара по сирийской базе ВВС 7 апреля с.г.; наконец, во время встречи «большой двадцатки» в Гамбурге 7–8 июля она на некоторых официальных заседаниях глав государств сидела вместо отца, выступая, таким образом, в роли главы американской делегации. Джаред Кушнер занимается вопросами внешней политики, концентрируясь на вопросах политики США на Ближнем и Среднем Востоке, внешнеторговых

¹ Этот справочник – плод коллективных усилий возглавляемого Н. Злобиным вашингтонского Центра глобальных интересов, что отмечается в короткой аннотации к книге, где сам Злобин назван главным автором [Злобин, с. 7]. В издании даются характеристики не только окружения президента, но и ведущих сенаторов и конгрессменов, которых, как известно, никак нельзя причислить к команде Трампа, с изложением взглядов каждого из них на современную Россию, не оставляющим сомнений в том, что нынешний Конгресс 115-го созыва является самым антиросийским за последние 20–25 лет.

связей и государственного партнерства с частным сектором. О его роли в принятии решений в Белом доме косвенно свидетельствует тот факт, что в западном крыле Белого дома, где находятся рабочие помещения, Д. Кушнер получил лучший кабинет, расположенный «в шаговой доступности» от Овального кабинета. Здесь традиционно работали самые доверенные лица президентов [Vick].

Таким образом, за исключением вопросов экономической политики, в которой Д. Трамп может считать себя высшим авторитетом, в большей части сегментов внешней и социальной политики между ним и членами его кабинета сформировался «семейный фильтр» в лице его зятя и дочери.

Важной частью семейных ценностей Дж. Кушнера и И. Трамп является ортодоксальный модернизм в иудаизме. Выйдя замуж за Кушнера в 2009 г., И. Трамп приняла иудаизм; сам Кушнер вырос в ортодоксальной еврейской семье. Семья соблюдает «Шаббат, воздерживаясь от использования техники от захода солнца в пятницу до захода солнца в субботу» [Злобин, с.133]. При этом сам Д. Трамп индифферентен к религиозным ценностям, и этот фактор играет немалую роль в его подходе к проблемам внешней и внутренней политики. Злобин делает особый упор на то обстоятельство, что Трамп является первым в истории США президентом, «который – причем демонстративно – довольно равнодушно относится к религии. Он и до этого никогда не был особенно религиозным человеком, но его избирательная кампания показала, насколько незначительную роль традиционные религиозные ценности играют в его политическом видении» [Злобин, с. 22].

Вполне возможно, что именно в сравнительно безразличном отношении к американской системе традиционных протестантских ценностей следует искать «аномальную слабость», которую Трамп питает к России и ее президенту. («Слабость», которая стала объектом атаки всех антитрамповских сил, пытающихся добиться досрочного прекращения 45-ым президентом исполнения своих обязанностей.) Так, главой администрации Белого дома – ключевой политической фигурой в окружении Трампа, – хоть и ненадолго¹, стал Райнхольд Ричард (Райнс) Прибус, на протяжении 5 лет занимавший пост председателя Национального комитета Республиканской партии. Р. Прибус исповедует греческое православие. Это обстоятельство в какой-то мере может сказываться на его позиции в отношении России. Во-первых, Прибус выступает в поддержку переговоров и за продолжение отношений с Россией; во-вторых, он не верит информации разведсообщества США о российском вмешательстве в ход президентской кампании 2016 г. [Злобин, с.124, 126].

Кроме того, бабка и дед Д. Кушнера, родом из г. Новогрудок (западная часть Белорусской ССР), пережили холокост в годы гитлеровской оккупации. А первой женой

¹ Р. Прибус пробыл на посту главы администрации Белого дома всего 189 дней – беспрецедентно малый срок для высокопоставленных сотрудников такого уровня за всю историю существования должности. Он был отправлен в отставку «за неспособность провести через Конгресс внутривнутриполитическую программу президента Трампа» [Palmeri].

Трампа была Ивана Мари Зелничкова, которая родилась и жила в Чехословакии до своей эмиграции в Канаду в начале 1970-х годов. В результате этого брака Трамп стал отцом трех детей, в том числе Иванки (1981 г.р.). Имя «Иванка» имеет чешское, белорусское и болгарское происхождение и означает «помилованность божественными силами». Тот факт, что брак с И. Зелничковой не был случайной «ошибкой молодости», нашел подтверждение в третьем браке Трампа – с Меланией Кнавс (1970 г.р.), которая родилась и выросла в Словении (бывшая Югославия) до своей эмиграции в Италию в конце 1980-х годов. В результате, как отмечает Злобин, «Меланья Трамп вошла в Белый дом как вторая в истории супруга президента, рожденная за пределами Соединенных Штатов. Первой была Луиза Адамс, жена президента Джона Квинси Адамса (1825–1829), которая хоть и родилась в семье американского консула, но в Лондоне. Меланья же стала первой в истории супругой президента, для которой английский язык не является родным» [Злобин, с. 94].

Эти отклонения от традиционных американских норм формирования «первых семей Америки», безусловно, вносят вклад и в отчужденность Трампа и его семейства от официального Вашингтона, и в необычайно низкий уровень его общественной поддержки – самый низкий среди всех американских президентов за последние 65 лет, начиная с Дуайта Дэвида Эйзенхауэра. На седьмой месяц президентства поддержка Трампа не превышает 35%, что в 1,5–2 раза ниже, чем у всех его 9 предшественников [Presidential Job...].

«Глобальный имперский проект»: перезагрузка?

Самая расхожая интерпретационная модель феномена трампизма сводится к тому, что американское общество стало «испытывать усталость от многолетнего господства той части американской политической элиты, которая олицетворяла глобальный имперский проект и была тесно связана с международными финансовыми кругами». В результате «промышленная элита Америки в значительной степени оказалась на вторых ролях в собственной стране, что противоречит всей американской истории и американской традиции. Производство стало все более активно перетекать из США в другие страны ...» [Злобин, с.17]. Иными словами, в США возник острейший конфликт между элитами финансовой, ориентированной на развитие виртуальной экономики «биржевых пузырей», и промышленно-предпринимательской, приоритетом которой является научно-технический прогресс и развитие реального сектора экономики. Исходя из этого, можно было предположить, что вместо финансистов с Уолл-стрита коридоры вашингтонской власти заполняют промышленники и успешные предприниматели.

Однако знакомство с биографиями и послужными списками ключевых назначенцев экономического блока администрации Трампа рисует иную, гораздо более противоречивую картину. Большая их часть работала в ключевых финансовых структурах и, более того, сохранила «тесные связи с Уолл-стрит» [Злобин, с.185]. Это в первую очередь относится к такой влиятельной фигуре, как министр финансов **Стивен Тёрнер Мнучин**, который в период с 1985 по 2002 г. был сотрудником одного из крупнейших

транснациональных инвестиционных банков – «Голдмен Сакс», олицетворяющего собой либеральный глобализационный проект. В период с 2009 по 2015 г. С. Мнучин был председателем созданного им банка «Уан Уэст Бэнк» со штаб-квартирой в Калифорнии, в 2015 г. поглощенного банковским холдингом «Сит Бэнк», расположенным в Нью-Йорке, в результате чего Мнучин стал председателем этого холдинга. И хотя банковские структуры, которыми руководил Мнучин, были ориентированы на выдачу кредитов и развитие малого и среднего бизнеса внутри США, Калифорния и Нью-Йорк играли и играют главную роль в процессах глобализации американской экономики и зависят от нее.

Вторая ключевая фигура экономического блока администрации Д. Трампа – министр торговли **Уилбур Луис Росс**, на протяжении 24 лет (с 1976 по 2000 г.) работавший в инвестиционном банке «Ротшильд Инк.». В 2002 г. он учредил металлургическую компанию «Интернешнл Стил Групп». Как указывает Злобин, У. Росс «известен инвестициями во множество глобальных отраслей как в Америке, так и за ее пределами» [Злобин, с. 199]. можно сделать вывод, что экономическое благополучие и перспективы развития американских фирм и компаний, к созданию и руководству которых имел отношение Росс, напрямую связаны с освоением внешних, экспортных рынков. Именно этот подход в начале 1990-х годов определял американскую политику при создании ВТО в 1995 г. и в последующем, при разработке и заключении соглашений о зонах свободной торговли.

Первым крупным начинанием министерства энергетики США под руководством **Джеймс Ричард (Рик) Перри** стала подготовка Плана развития энергетического потенциала США, обнародованного президентом Трампом в конце июня с.г. Общая направленность плана состоит в том, чтобы в течение следующих 8 лет превратить США из нетто-импортера углеводородов в их нетто-экспортера. Представляя план в здании Министерства энергетики США, Трамп заявил, что США «обеспечены на 100 лет вперед запасами природного газа и на 250 лет вперед запасами высококачественного угля. Мы являемся ведущей нефтедобывающей страной в мире и стоим на первом месте по добыче природного газа». Поэтому, как с пафосом заявил Трамп, США «не желают, чтобы другие страны покушались на наш суверенитет и диктовали нам, что и как делать в сфере энергетики. Этого не произойдет. Благодаря нашим колоссальным энергоресурсам моя администрация будет добиваться не только американской энергетической независимости, к которой мы так долго стремились, но и американского энергетического доминирования». Это доминирование, пояснил Трамп, означает, что США «станут энергоэкспортерами. Мы будем доминировать, поскольку мы будем экспортировать американскую энергию по всему миру, по всему земному шару. Этот экспорт энергии создаст бесчисленные рабочие места для наших людей и обеспечит истинную энергетическую безопасность нашим друзьям, партнерам и союзникам по всему миру» [Remarks...].

Американские аналитики при этом не преминули отметить, что в конечном итоге энергетическая стратегия Трампа своим острием направлена против России и имеет целью ее максимально возможное вытеснение с мировых рынков энергоносителей, что

может обернуться «полным крахом российской экономики, построенной на модели мировой бензоколонки» [Kudlow].

Наконец, влиятельный министр транспорта **Элейн Лан Чао** – бессменный министр труда в администрации Буша-мл. в 2001–2009 гг. и супруга лидера республиканского большинства в Сенате Митча Макконнелла – еще в 2009 г. на сайте фонда «Наследие» (влиятельного мозгового центра Республиканской партии) призвала к «разоблачению безрассудного и ложного патриотизма в отношении торгового протекционизма» [Злобин, с. 210].

Своим главным экономическим советником и директором Национального экономического совета Трамп назначил инвестиционного банкира **Гэри Д. Кона**, который с 1990 г. работал в инвестиционном банке «Голдмен Сакс», с 2006 по 2017 г. будучи президентом и управляющим директором этого банка. В последние годы работы в «Голдмен Сакс» Г. Кон получал ежегодно по 21–22 млн долл., а при переходе на работу в администрацию Трампа банк выплатил ему «выходное пособие» в 285 млн долл. [Matt]. Помимо столь тесных связей с Уолл-стрит, по своим политическим убеждениям Кон является демократом. В принципе, Х. Клинтон в случае своего избрания президентом вполне могла назначить Кона главным советником по вопросам дальнейших этапов реализации либерального глобального проекта.

Экономическое кредо Кона сводится к тому, что «американские корпорации должны работать в условиях очень жесткой рыночной конкуренции». При этом он твердо придерживается точки зрения, что сильный доллар негативно скажется на объемах промышленного производства и уровне занятости в США, а потому выступает за повышение процентной ставки Федеральной резервной системы (ФРС), что должно послужить сигналом для повышения «процентных ставок по всему миру» [Злобин, с. 176].

В этом плане главным неизвестным аспектом экономической политики администрации Трампа является **отношение президента к ФРС** – Центробанку США, который, по сути, играет роль главной движущей силы американского глобального финансово-экономического доминирования. Злобин прямо задается вопросом, что ожидает ФРС при Трампе, подчеркивая, что «в ходе предвыборной кампании Д. Трамп неоднократно критиковал ФРС и его действующего председателя Джанетт Йеллен» [Злобин, с. 62]. В США, в том числе и в последнее время, неоднократно выдвигались различные варианты реформирования ФРС, имеющие целью переориентировать ее на поддержку реального сектора экономики США вместо укрепления позиций доллара как основной мировой резервной валюты [См., в частности: Designing...].

После избрания Трампа президентом ФРС трижды повышала базовую процентную ставку, которая была увеличена с 0,50–0,75% в декабре 2016 г. до 1,00–1,25% в настоящее время, т.е. в два раза [Board..., p. 33]. В результате в течение первой половины 2017 г. произошла девальвация доллара США примерно на 5% [Board..., p. 30], что стимулировало экспорт американских товаров, объем которого вырос за 5 месяцев 2017 г.

до 638 млрд долл. по сравнению с 593 млрд долл. за первые пять месяцев 2016 г. [U.S. Census Bureau..., p.1].

Можно также отметить, что в США прекратились разговоры о скорой отставке председателя ФРС Дж.Йеллен в начале 2018 г. в связи с истечением срока ее полномочий – после того как Трамп дал понять, что не считает ее не справляющейся с обязанностями председателя ФРС [Zarya].

«Теневой кабинет» финансовых плутократов и капитанов большого бизнеса

Известно, что на протяжении всей своей жизни Трамп был окружен предпринимателями всевозможного рода, и это весьма важный фактор. Н. Злобин, например, связал избрание Трампа с тем, что «выдающийся опыт Дональда Трампа в бизнесе» и «навыки ведения агрессивных переговоров придутся на руку главному политику страны не только в процессе формирования экономической политики, но также в дипломатии и внешней политике» [Злобин, с. 271].

Важнейшей новацией Трампа в области государственного управления явилось создание Президентского форума стратегии и политики, куда вошли наиболее успешные бизнесмены США. Таким образом, Трамп «планирует продолжать опираться на тесные связи с бизнес-сообществом. Это безусловно может напрямую оказать влияние на принятие им политически значимых решений» [Злобин, с. 271]. Не будет преувеличением сказать, что Президентский форум стратегии и политики, по сути, стал «теневым кабинетом» администрации Трампа, особенно принимая во внимание тот факт, что спустя полгода пребывания последнего у власти *к исполнению своих служебных обязанностей приступило всего 50 его назначенцев* – против примерно 200 высших политических руководителей, назначенных за аналогичный срок при трех предыдущих президентах – Бараке Обаме, Дж. Буше-мл. и У. Клинтоне [Dawsey].

Президентский форум стратегии и политики объединяет руководителей традиционных американских отраслей экономики, таких как автомобилестроение и энергетика, и основных транснациональных высокотехнологичных компаний. Анализ биографий и деловых карьер порядка 15 ведущих бизнесменов, входящих в состав форума, показывает, что **доминирующую роль в нем, тем не менее, играют глобалисты**, которые связывают развитие своих бизнес-структур с перспективами развития мировой экономики и ее региональных сегментов, с усилением конкурентных позиций американских корпораций в системе мировых экономических связей.

Это прежде всего относится к председателю форума **Стивену Шварцману**, главе созданной им в 1985 г. глобальной инвестиционной компании «Блэкстоун групп». В 2016 г. журнал «Форбс» назвал С. Шварцмана самым влиятельным человеком в мире финансов. Корпорация «Блэкстоун» является крупнейшей в мире бизнес-структурой по управлению активами; под ее контролем – активы на сумму 361 млрд долл. Как указывает Злобин, Шварцман «обладает существенным влиянием на индустрию глобальных

инвестиций и очень много путешествует, встречаясь с производственными инвесторами и бизнес- и политическими лидерами по всему миру» [Злобин, с. 274].

К разряду глобалистов, вне всякого сомнения, может быть причислен и **Джеймс (Джейми) Даймон** – председатель совета директоров и генеральный директор крупнейшего американского транснационального банка «Дж.Пи. Морган Чейз», занимающий эту должность с 2006 г. Важную роль в работе форума играет и **Рич Лессер** – президент и генеральный директор транснациональной компании «Бостон Консалтинг Групп», имеющей 85 отделений в 48 странах. По оценке Злобина, Р. Лессер является сторонником «поддержки развивающихся экономик и рынков по всему миру как «двигателей глобального роста»» [Злобин, с. 287]. В состав форума входит и **Карл Дуглас (Дуг) Макмиллан** – президент и генеральный директор крупнейшей в мире компании розничных продаж «Уолмарт». Показательно, что с 2009 по 2014 г. он возглавлял международное отделение этой транснациональной корпорации. По состоянию на начало 2017 г. компания «Уолмарт» располагала сетью из 11,7 тыс. супермаркетов в 28 странах мира.

Анализ деловых карьер высших управляющих таких корпораций реального сектора американской экономики, как «Боинг», «Дженерал Моторс», «Дженерал Электрик» и «АйБиЭм», также участвующих в работе форума, показывает, что все они в той или иной степени были связаны с внешнеэкономической деятельностью своих транснациональных гигантов. Это наглядно видно на примере **Джеймса Макнерни** – бывшего генерального директора корпорации «Боинг», крупнейшего в мире экспортера авиатехники. Дж. Макнерни руководил «Боингом» с 2005 по 2016 г., именно при нем корпорация превратилась в «глобального лидера в производстве коммерческих самолетов», что позволило ей почти удвоить доходы – с 52,5 млрд долл. в 2004 г. до 96,1 млрд долл. в 2016 г. [President-elect...].

Уже первые политически резонансные инициативы администрации Трампа – в частности, Указы о временном запрете на въезд в США граждан 6 мусульманских стран и выходе из Парижского соглашения о климате – привели к тому, что форум покинули представители компаний Силиконовой долины, т.е. реального сектора экономики: **Трэвис Каланик**, руководитель и создатель компании «Убер Текнолоджис», и **Илон Рив Маск**, руководитель и создатель компаний «Спейс Икс.» и «Тесла» [All the CEOs...].

В середине августа Трамп официально распустил Президентский форум стратегии и развития. Это решение было принято после того, как форум покинули большинство его членов в знак протеста против реакции Белого дома на беспорядки в г. Шарлотсвилле (шт. Вирджиния), спровоцированные решением демонтировать памятник генералу Роберту Эдварду Ли. Генерал возглавлял войска Конфедерации во время Гражданской войны в 1861–1965 гг. В официальном заявлении членов форума говорится: «Нетерпимости, расизму и насилию абсолютно нет никакого места в нашей стране, поскольку они противоречат системе фундаментальных американских ценностей. Президентский форум стратегии и развития считался беспартийной группой лидеров делового мира, призванных служить своей стране путем предоставления президенту прямых советов и рекомендаций по ускорению темпов экономического роста

и созданию рабочих мест в Соединенных Штатах. Мы полагаем, что дебаты о роли форума постепенно отвлекли нас от искреннего желания и благородных намерений способствовать выработке политики по улучшению повседневной жизни американцев» [Trump's...].

Однако истинная причина «самороспуска» форума кроется именно в международной реакции на события в Шарлотсвилле – администрация Трампа и он сам стали ассоциироваться с крайними проявлениями фашизма, нео-нацизма и антисемитизма [You will not...]. Это своеобразный «момент истины», раскрывший реальный, глобальный, вектор тех сил, что сгруппировались на первых этапах деятельности в администрации Трампа, где за фразами об «улучшении жизни рядовых американцев», кроются банальные экономические и финансовые интересы.

Таким образом, получившие широкое хождение представления о трампизме как современном американском издании экономического национализма не находят подтверждения в мировоззренческих установках и профессиональных навыках ключевых фигур администрации Трампа, ответственных за разработку и реализацию ее экономической и внешнеэкономической политики. Более того, феномен трампизма можно даже интерпретировать таким образом, что спустя 25 лет после начала глобализации финансовая и деловая элиты Америки, олицетворяемые Уолл-стритом и Нью-Йорком, разочаровались в способности политического Вашингтона добиваться глобального доминирования США привычными инструментами и подходами, основанными на концепциях «мягкой силы» и «дозированного» применения военной силы. В условиях многополярного мира американские финансово-экономические элиты решили действовать напрямую, минуя вашингтонских «брокеров и посредников». Именно поэтому за новой идеологической оболочкой администрации Трампа все чаще проглядывают прежние имперские амбиции и стереотипы американской «исключительности».

Литература:

- Злобин Н.* Кто есть кто в команде Трампа? М. 2017. 432 с.
- All the CEOs who are staying on Trump's elite advisory board after the Paris climate decision // Quartz. June 03, 2017. – URL: qz.com/997738/all-the-ceos-who-are-staying-on-trumps-elite-advisory-board-after-the-paris-climate-decision/ (date of access: 02.08.2017).
- Blow Ch.* Trump Is an Existential Threat // The New York Times». Nov. 3, 2016. – URL: nytimes.com/2016/11/03/opinion/campaign-stops/trump-is-an-existential-threat.html (date of access: 02.08.2017).
- Board of Governors of the Federal Reserve System. Monetary Policy Report. July 7, 2017. Wash. 2017.
- Dal Bó E., Dal Bó P., Snyder J.* Political Dynasties // The Review of Economic Studies. 2009. № 76 (1). Pp. 115-142.
- Dawsey J.* Trump badly lagging Obama, Bush, Clinton in political appointees // Politico. 07.14.2017. – URL: politico.com/story/2017/07/14/trump-political-appointees-compared-to-obama-bush-240573 (date of access: 02.08.2017).

- Designing Resilient Monetary Policy Frameworks for the Future. Jackson Hole Economic Policy Symposium//The Federal Reserve Bank of Kansas City. August 25-27, 2016. – URL: kansascityfed.org/publications/research/escp/symposiums/escp-2016 (date of access: 02.08.2017).
- Kudlow L.* Trump Has Putin over a Barrel. In Warsaw, he called the Russian president's energy bully-bluff // National Review. July 7, 2017. – URL: nationalreview.com/article/449324/trump-takes-aim-russias-energy-market-share-warsaw-speech (date of access: 02.08.2017).
- Matt E.* Trump adviser Gary Cohn's \$285 million Goldman Sachs exit raises eyebrows // CNN Money/ January 27, 2017. – URL: money.cnn.com/2017/01/26/investing/gary-cohn-goldman-sachs-exit-trump/index.html (date of access: 02.08.2017).
- Michels R.* Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. Kitchener. 2001.
- Palmeri T., Dawsey J., Isenstadt A.* Priebus out as chief of staff, Gen. John Kelly to replace him.// Politico. 07.28.2017. – URL: politico.com/story/2017/07/28/trump-names-gen-john-kelly-as-chief-of-staff-priebus-out-241105 (date of access: 02.08.2017).
- Pitts L.* Pitts: Trump is a threat to American democracy // The Mercury News/ May 11, 2017. – URL: mercurynews.com/2017/05/10/pitts-trump-is-a-threat-to-american-democracy/ (date of access: 02.08.2017).
- President-elect Trump Establishes the President's Strategic and Policy Forum. Press Releases // Blackstone. Dec. 02, 2016. – URL: blackstone.com/media/press-releases/president-elect-trump-establishes-the-president-s-strategic-and-policy-forum (date of access: 02.08.2017).
- Presidential Job Approval. F. Roosevelt (1941) – Trump // The American Presidency Project. – URL: presidency.ucsb.edu/data/popularity.php (date of access: 17.08.2017).
- Remarks by President Trump at the Unleashing American Energy Event // The White House. June 29, 2017. – URL: whitehouse.gov/the-press-office/2017/06/29/remarks-president-trump-unleashing-american-energy-event (date of access: 02.08.2017).
- Trump's business advisory council disbands // The Hill. 08.16.17. – URL: thehill.com/policy/finance/346821-trumps-business-advisory-council-disbands-report (date of access 17.08.2017).
- U.S. Census Bureau. U.S. Bureau of Economic Analysis. BEA 17-34. U.S. International Trade in Goods and Services. July 6, 2017. P. 1. – URL: bea.gov/newsreleases/international/trade/2017/trad0517.htm (date of access: 18.08.2017).
- Vick C.* Family First: The Trials of Jared Kushner // Time. June 1, 2017. – URL: time.com/4800796/the-trials-of-jared-kushner/ (date of access: 02.08.2017).
- “You will not replace us”: a French philosopher explains the Charlottesville chant // Vox, Aug. 15, 2017. – URL: vox.com/world/2017/8/15/16141456/renaud-camus-the-great-replacement-you-will-not-replace-us-charlottesville-white (date of access: 17.08.2017).
- Zarya V.* Donald Trump Is Open to Janet Yellen Serving Another Term As Reserve Chair // Fortune. Apr. 13, 201. – URL: fortune.com/2017/04/13/donald-trump-janet-yellen-3/ (date of access: 02.08.2017).

УДК 323; 327; 329; 32.019.5; 324

СВЕТЛАНА ПОГОРЕЛЬСКАЯ

Эра Меркель

Аннотация. Среди современных феноменов политического лидерства случай А. Меркель один из самых интересных. Автор исследует причины успеха женщины-политика, в четвертый раз подряд ставшей канцлером Германии, прослеживая историю ее политического восхождения и правления. Рассматриваются особенности политического стиля А. Меркель; кадровые и идеологические изменения, которые она произвела в партии ХДС; ключевые черты ее внутренней и внешней политики на посту лидера единой Германии, осознающей и реализующей свои новые национальные интересы.

Ключевые слова: политическое лидерство, Германия, Ангела Меркель, ХДС, политический стиль, внешняя политика Германии, лидерство Германии.

Из всех политических феноменов нашего времени случай Ангелы Меркель, пожалуй, один из самых интересных. Она первая женщина – канцлер ФРГ. Заняв этот пост в возрасте 51 года, Меркель стала самой молодой из всех руководителей германского правительства. К тому же она первый представитель новых федеральных земель, поднявшийся к вершинам политической власти в воссоединенной Германии.

Взлет Ангелы Меркель был стремителен. Ни политические противники, ни ее собственная партия не ожидали, что «девочка Гельмута Коля» (так называли ее в партии в начале 90-х) [Von “Kohls Mädchen”...] не только станет канцлером, но и удержится на этом посту почти так же долго, как сам Коля.

В свое время исследователи говорили о политической «эре Коля». Начавшись во времена противостояния социалистической и капиталистической систем, она завершилась в эпоху, когда торжествующий и уверенный в своей исторической победе и в своем единстве Запад творил вокруг себя однополярный мир. Меркель же – канцлер новой, трудной эпохи политического отрезвления и разочарований. Именно она окончательно примирила западный мир со вступлением в мировой политический процесс нового государства – уже не просто «расширившейся на восток ФРГ» с ее историческими обязательствами и табу, а единой Германии, осознающей и реализующей свои новые национальные интересы. Из всех сотрясений и бурь последнего десятилетия – геополитических изменений, внутриевропейских противоречий, финансовых и экономических кризисов – она выводила Германию с минимальными для страны потерями, а иной раз (если сравнивать с другими странами ЕС) и с выигрышами.

Сведения об авторе: ПОГОРЕЛЬСКАЯ Светлана Вадимовна – старший научный сотрудник ИНИОН РАН и Института Европы РАН, доктор философии Боннского университета, кандидат политических наук; pogorels@mail.ru.

Несмотря на все упреки и претензии ко многим ее внутри- и внешнеполитическим шагам, в Германии Меркель продолжает лидировать в рейтингах популярности¹ [Geringe...].

«Эра Меркель» еще не закончена, но заслуживает пристального внимания уже теперь. Для изучения политики государства следует понимать характер, суть страны, а понять характер страны, несколько раз избирающей одного и того же лидера, можно, анализируя стиль, особенности и действия такого лидера.

«Девочка по квоте»

Объединение двух германских государств, ФРГ и ГДР, официально называемое воссоединением, на практике явилось поглощением. Победоносный запад страны покатился на восток. В новые федеральные земли хлынула не только экономическая саранча, с благословения организации экономической опеки (Treuhandaanstalt) приватизировавшая, разорившая и ликвидировавшая большинство своих восточногерманских конкурентов, но и прочие искатели удачи, в том числе политики. Однако, чтобы продемонстрировать равенство возможностей, политические партии заботились о пополнении своих рядов активными политиками из ГДР. Тем более что там были свои либералы и христианские демократы, а в последние годы – и эко-диссиденты, ориентировавшиеся на западногерманских «зеленых».

ХДС обогатилась сразу несколькими «способными учениками». [Подробнее см.: Dittberner, с. 179.] Среди них была и Меркель. Дочь восточногерманского священника, ученая-физик, примерный член ССНМ (Союза свободной немецкой молодежи (FDJ) – молодежной организации СЕПГ) не имела ни малейшей христианско-демократической предыстории, не интересовалась христианско-демократической политикой и пришла в ХДС только потому, что «так получилось». Позже, вспоминая эти турбулентные годы всеобщей политической активности, она вспоминала: «Я просто поняла, что время пришло. И мы с моим шефом... отправились искать подходящую партию» [Merkel, 2004, с. 77].

Так она оказалась в гражданском «Демократическом прорыве» (ДП), где помогла установить полученные из ФРГ компьютеры и более года отвечала за работу с прессой (при этом по-прежнему работая в Центральном институте физической химии Академии наук ГДР, куда ее распределили после университета). В феврале 1990 г. она взяла отпуск, чтобы помогать ДП в предвыборной борьбе, предполагая после выборов в Народную палату (парламент ГДР) вернуться в свой институт.

Однако события повернулись иначе. В марте она стала заместителем спикера в последнем правительстве ГДР, сформированном Ост-ХДС, Германским социальным со-

¹ Например, в июле 2017 г. 59% граждан заявили, что хотят видеть Меркель канцлером (Мартин Шульц набрал лишь 30%). См.: Merkel wieder so beliebt wie vor der Flüchtlingskrise. – URL: <http://www.forschungsguppe.de/Aktuelles/Politbarometer/> (date of access: 22.09.2017).

юзом и ДП, возглавляемом христианским демократом Лотаром де Мезьером. А после слияния ДП с Ост-ХДС в августе 1990 г. и объединения западной и восточной ХДС 2 октября 1990 г. – автоматически стала членом общегерманской ХДС и выставила свою кандидатуру на выборах.

Лидеры «восточной» ХДС рекомендовали ее канцлеру Гельмуту Колю, которому непременно хотелось иметь в первом общегерманском правительстве трех министров из новых федеральных земель. 18 января 1991 г., побыв всего шесть недель рядовым депутатом первого общегерманского бундестага, Ангела Меркель становится министром по делам женщин и молодежи. Научная карьера кончилась. Началось стремительное политическое восхождение.

Ангела обладала всем, чего требовала «партийная разнарядка». Молодая женщина (тогда ей было лишь 36 лет), с «востока», сотрудница Академии наук, успевшая положительно проявить себя в гражданском движении ГДР и в правительстве де Мезьера. По известной поговорке, она оказалась «в правильное время на правильном месте». Ее отличали скромность и естественность. Она практически не употребляла косметики, неброско одевалась, гладкие волосы были пострижены в аккуратное «каре». «Утомленный взгляд, склонность к бесформенным юбкам и простеньким блузам, неприязнь к макияжу – в мужских кругах ее называли серой мышкой», – так рисовала Меркель немецкая пресса [Parrenheim]. Она выглядела чужой среди рейнских католиков, однако в душах протестантских жителей мекленбургских деревень ее внешний вид пробуждал почти родственные чувства. Ее облик соответствовал распространенному в те годы типу трудолюбивых восточногерманских женщин – просто одетых, независимых, деловых и, как правило, успешно сочетавших работу, учебу и материнство, причем неоднократно.

Ангеле Меркель стать матерью не довелось, но ее спутник жизни имел двух детей от первого брака, которых они совместно воспитывали. Много позже, отвечая на вопрос западного журналиста: «А почему, госпожа доктор Меркель, у вас нет детей? Вы отказались от них ради карьеры?» – Меркель флегматично ответила: «Нет, я не отказывалась, просто так сложилась жизнь». В ГДР, где имелась развитая система ясель и детских садов, никому бы не пришло в голову связать ее бездетность с карьеризмом или политическим феминизмом. В ФРГ же «женский вопрос» в те годы оставался вопросом политическим: слева – феминизм, нашедший политическое пристанище в партии «Зеленых», справа – католический консерватизм ХСС с его представлениями об обязанностях супруги и матери. Между этими политическими полюсами женщинам – по мере победы «эмансипации» действительно все чаще приходилось выбирать между детьми и карьерой.

Став министром по делам женщин и молодежи, Меркель старалась улучшить ситуацию, в которой оказались женщины из бывшей ГДР. Уже при вступлении в должность она заявила, что основной задачей руководимого ей министерства будет решение проблемы растущей женской безработицы в новых федеральных землях. Первые годы в правительстве были годами приобретения политического опыта. Уже в это время на-

чинают формироваться нацеленный на поиск компромиссов стиль работы Меркель и ее бескомпромиссная кадровая политика.

Назначение неопытной Меркель на этот пост показывало, что «дела женщин и молодежи» для Гельмута Коля имели второстепенное значение. Так же сначала было истолковано и ее назначение на пост министра по делам экологии, защиты природы и безопасности реакторов (министерство было создано после Чернобыля). Экология становилась для Коля второстепенной темой. Для Коля – но не для общества. «Министерство экологии приглянулось мне уже потому, что работа там ставила меня перед целым рядом естественнонаучных задач», – вспоминала позже Меркель [Merkel, 2004, с. 94].

Поражение ХДС на выборах 1998 г. положило конец не только 16-летнему правлению консерваторов, но и министерской карьере Меркель. Однако еще в годы работы в правительстве она пробовала силы в партийной карьере. Так, в 1993 г. ее избрали председателем ХДС в земле Мекленбург-Верхняя Померания. Ангела Меркель с ее чистыми анкетными данными имела хорошие шансы. В партии хватало молодых звезд, но это были западногерманские политики, выпестованные в Молодом Союзе (молодежной организации ХДС). А для поддержания общегерманского имиджа партии были нужны политики с востока. Продвигая «девочку по квоте», патриархи христианской демократии и не предполагали, что настанет время, когда девочка, подмяв эту суровую партию под себя, пойдет вверх, причем по лестнице из их «политических трупов».

Ее главным покровителем в начале 90-х годов считался Гельмут Коль, которому в 1990 г. порекомендовал ее Лотар де Мезьер. Выдвинуть кандидатуру Меркель на первых общегерманских выборах помог Гюнтер Краузе. В 1991 г. ее поддерживал и «двигал» на высокие позиции Фолькер Руэ. С подачи федерального председателя ХДС Вольфганга Шойбле (ныне министра в правительстве Меркель) она в 1998 г. была избрана генеральным секретарем партии. При этом пост заместителя федерального председателя партии в 1991 г. она заняла после ухода в отставку Лотара де Мезьера, на пост председателя земельной партийной организации Мекленбург – Верхняя Померания была избрана после ухода в отставку Гюнтера Краузе. А «отцеубийцей» противники в партии впервые назвали ее после того, как, вскоре после поражения ХДС на выборах в 1998 г., она публично выступила против Гельмута Коля, не согласовав этот шаг внутри партии. (Поводом стал скандал с частными пожертвованиями. В 1999 г. были обнаружены так называемые черные кассы, откуда ХДС черпала по мере надобности средства. Иметь подобные кассы партиям, согласно германскому законодательству, запрещено. Гельмут Коль принял всю ответственность на себя, сложив с себя в январе 2000 г. обязанности почетного председателя.). Позже Меркель объясняла эту спешку тем, что «партию затравили, этому следовало положить конец» [Merkel, 2004, с. 103].

В апреле 2000 г. Ангела Меркель стала председателем партии. Она оказалась именно той – нейтральной и интегрирующей – фигурой, которая была необходима, чтобы заново сгруппироваться после ухода Гельмута Коля. Теперь она вполне могла возглавить

ХДС/ХСС в борьбе за канцлерский пост. Однако на ее пути к лидерству стоял Эдмунд Штойбер – председатель ХСС, бессменный глава баварского земельного правительства, опытный лидер эпохи Гельмута Коля. Избегая конфронтации между двумя родственными партиями, Меркель сама предложила Штойберу стать кандидатом в канцлеры от ХДС/ХСС, укрепив тем самым свою репутацию и в ХСС. А после ожидаемой неудачи Штойбера осенью 2002 г. она вытеснила с поста председателя фракции ХДС/ХСС восходящую «звезду» – Фридриха Мерца и соединила оба руководящих поста в своих руках. Примеров подобного вытеснения (либо с лидерских позиций, либо из самой партии) было достаточно, самым известным стал случай с Кристианом Вульфом. Плеяда молодых «рыночников» западногерманской ХДС считалась преемниками Коля. Фридрих Мерц, Гюнтер Оттигнер, Роланд Кох не выдержали соперничества с Меркель, Вульф же прочно держался за место главы земельного правительства Нижней Саксонии. В 2005 г. его прочили в канцлеры. Став в июле 2010 г. федеральным президентом, он не считал этот пост концом своей политической карьеры. Но в 2011 г. высказал сомнения в правомочности Европейского механизма стабильности, попал в число критиков Меркель и в феврале 2012 г. был вынужден уйти в отставку.

Меркель и партия

Осенью 2005 г. Меркель стала канцлером Большой коалиции (ХДС/ХСС, СДПГ) и начала изменять ХДС согласно своим представлениям. У Меркель были иные корни, нежели у западногерманских христианских демократов, многие из которых выросли на традициях довоенной католической «Партии центра». Со времен Аденауэра профиль ХДС во многом определялся католическими политиками. Меркель – разведенная, бездетная, протестантка – не вписывалась в старые партийные традиции и не щадила их. Приняв руководство партией, она начала не только кадровое, но и содержательное обновление. Прощание с Гельмутом Колем ознаменовало конец внутривнутрипартийного патриархата, уход Норберта Блюма символизировал конец неприкосновенности социально-государственного принципа, с Хайнером Гайслером ушла ориентация на социальную доктрину католицизма, с Эдмундом Штойбером и его супругой Карин – ориентация на христианскую семью.

Меркель все более «секуляризировала» ХДС, отрывая партию не только от строгих религиозных, но и от привычных общественных и социальных корней, расширяя ее базис и стремясь к «политической середине». Ей хотелось привлечь консервативных восточногерманских избирателей (восточный ХДС состоял по большей части из протестантов и неверующих национал-консерваторов). Постепенно она переводила партию с христианских рельс в измерение национал-консерватизма, понимаемого как государственный консерватизм гражданского центра. Особенно далеко от своих прежних традиций ХДС удалился в вопросах иммиграции, экологии (в частности, защиты климата) и семейной политики.

В итоге ревнители старых ценностей тоскуют о потерянном христианском профиле ХДС, консервативно-либеральное крыло сожалеет о поспешном и несогласованном с партией отказе от атомной энергетики, а сторонники радикального обновления,

наоборот, упрекают Меркель в непоследовательности. Времени для внутривнутрипартийных программных дискуссий не было – обычно партии занимаются этим в оппозиции. Тихое внутривнутрипартийное недовольство и поныне сопровождает большинство политических шагов лидера. Критикуют и внутривнутрипартийный стиль Меркель, ее пристрастие к обсуждению спорных проблем на «региональных конференциях», а не на партийных съездах. Сила Меркель в партии зависит от силы нового, сформировавшегося при ней поколения ХДС, не в последнюю очередь – от партийных организаций из бывшей ГДР.

Не исключено, что после ухода из политики Меркель ожидает судьба Гельмута Коля. Пока популярный канцлер держит партию у власти, внутривнутрипартийное недовольство, накапливаясь, остается под спудом. Но когда партия проигрывает выборы и уходит в оппозицию, открывается наконец возможность для внутривнутрипартийных дискуссий, и она обрушивается на своего бывшего лидера, сводя с ним счеты за все годы молчания.

Особенности политического стиля

Успехам первой Большой коалиции способствовал конъюнктурный экономический подъем, продолжавшийся до наступления мирового экономического кризиса. Немалую роль сыграла и способность Меркель как к компромиссам, так и к сильному руководству. Данные опросов показывали, что немецкие избиратели не любят споров между коалиционными партнерами и считают, что демократия функционирует только при сильном правительстве. Канцлер должен быть выше партийных интересов. Чем больше опыта государственного управления получала Меркель на посту канцлера, тем более оказывалась в состоянии возвыситься над партийными интересами во имя общегерманских, особенно если речь шла о внешней политике.

Внешнеполитические приоритеты, как правило, долгосрочны. Поэтому внешняя политика в значительно большей мере определяется канцлером и министром иностранных дел, нежели внутренняя, зависящая от межпартийной борьбы и выборов то в одной, то в другой федеральной земле. Во внутренней политике Меркель бывало сложно отрешиться от интересов своей партии, иной раз ей приходилось маневрировать между партийной идеологией и государственными резонами. Но во внешней доминировало общегерманское измерение. Меркель становилась решительней в ЕС, самостоятельней по отношению к США (показателен эпизод с разоблачениями

WikiLeaks: прослушивание телефона Меркель американскими спецслужбами, ставшее известным, не повлекло политических реакций, но психологически сыграло свою роль), реалистичнее в отношениях с Россией и (особенно по ходу миграционного кризиса 2015 г.) терпимее в вопросах «европейского будущего» Турции. (Напомним, что ценой договора об «обратном приеме мигрантов», подписанном в марте 2016 г. с Турцией, было продолжение переговоров с этой страной о ее вступлении в ЕС.) На немецких избирателей выступления Меркель за рубежом производили преимущественно положительное впечатление. «Эмоциональная бедность», за которую ругали ее иной раз однопартийцы, во внешней политике обернулась дипломатичностью и сдер-

жанностью, выгодно подчеркивавшими ее компетентность. Последовательность, прагматичность и настойчивость тоже сослужили Меркель хорошую службу. Не случайно наблюдатели считали внешнюю политику «украшением» всех правящих коалиций под руководством Меркель.

Очевидно, что ее политический стиль отвечает неким глубинным психологическим потребностям немцев в нынешние беспокойные времена. Эйфория германского воссоединения, сменившаяся шоком социальных реформ, эйфория европейского расширения, сменившаяся шоком внутриевропейских институциональных кризисов и миграционных потоков, мировой финансовый и экономический кризис, войны и хаос на Ближнем Востоке и иммиграционные цунами, захлестнувшие страну, исламский терроризм – все это утомило душу народа, приведя вместо взрыва (если сравнивать с Веймарским периодом) к социальному параличу, к желанию «пересидеть» плохие времена. Граждане закрываются в своих нишах, уходя в семейные дела, хобби, ищут позитива. Меркель – спокойная, уверенная в том, что «капля камень точит», способная пересидеть политических соперников и флегматично добиваться своих целей там, где иной политик устроил бы бурю – самый подходящий канцлер для таких времен. Ее принцип: чтобы изменить неприятную реальность, нужно прежде всего признать, что она существует.

Политическому стилю Меркель присущ целый ряд неповторимых личных особенностей, изначально отличавший ее от профессиональных западных политиков. Первое, что бросается в глаза, – естественность ее политического поведения. Она не принадлежит к тем, кто мощным эмоциональным натиском завоевывает сердца. Она убеждает постепенно, и как раз поэтому симпатии, испытываемые к ней избирателями, более основательны и стабильны. Сдержанность и деловитость настолько срослись с политическим образом Меркель, что стали частью ее имиджа. Журналисты называли ее «народной педагогиней» – за способность доходчиво объяснять массам сложные темы. Меркель доходила до избирателя, используя интеллект, логику, четкую аргументацию, затрагивая не столько эмоции, сколько разум. И она умеет подшучивать над собой – качество, редкое для политика.

Сдержанность и деловитость политического стиля тесно связаны еще с одной характерной для нее чертой: нежеланием делать свою личную жизнь достоянием гласности. Эта черта противоречит стратегиям современного политмаркетинга, согласно которым умелая самоинсценировка – залог политического успеха. Но для Меркель это второстепенно, и она следует известному правилу «лучше меньше, да лучше», строго дозируя информацию личного плана.

Меркель не соглашалась с известной феминисткой Элис Шварцер, возлагавшей особые надежды на «женщину-канцлера». Быть женщиной, утверждала Меркель, – это не политическая программа. Делать в борьбе политических партий ставку на свой пол – значит отрицать все эти партии вместе с их программами. Тем не менее в ходе своей карьеры она чисто по-женски играла на том, что противники-мужчины ее недооценивали ее и использовала мужское тщеславие в своих интересах. Особенно обожглись на этом в свое время ее однопартийцы.

Как политик трудных времен, Меркель убеждала избирателя компетентностью, работоспособностью, чувством собственного достоинства (в том числе на внешнеполитической арене) и готовностью к поиску компромиссов. Даже в таких спорных ситуациях, как иммиграционный кризис 2015 г. (за который Меркель поначалу заслужила внутри страны немало упреков [подробнее см.: Погорельская, 2016]), позже приходило осознание, что найденные ей решения принесли Германии не только наименьший политический и экономический ущерб, но и выигрыш: германское лидерство в ЕС укреплялось.

Меркель и Россия

Во время пребывания ХДС в оппозиции Меркель по отношению к России придерживалась так называемой политики ценностей. В оппозиции это делать легко. Власть же требует реализма.

Перед своим первым визитом в Россию в начале 2006 г. Меркель выразила обеспокоенность состоянием демократии в России, предостерегла от «энергетической зависимости» и сказала, что «дружба» с Россией пока что невозможна, а возможно только «стратегическое партнерство» [подробнее см.: Погорельская, 2008]). Канцлер сказала то, что ожидало от нее немецкое общество.

В отношениях с Россией немецкое общественное мнение с особой силой определяется представлениями, из года в год культивируемыми СМИ. Представления эти были довольно холодны даже в годы правления Шредера, не говоря уже о 90-х годах. Автор данной работы не может вспомнить ни одного политического сообщения о России 1990 – начала 2000-х годов, где не присутствовал бы элемент опасения или хотя бы назидательности. Реальная политика шла своими путями, однако СМИ, выражая «общественное мнение» Германии, требовали от своих канцлеров занять «твердую» позицию по отношению к России, избегать «лживой близости» с ней и постоянно «предупреждать» ее о необходимости соблюдения прав человека. Меркель в бытность свою лидером оппозиции перед телевизионными камерами называла «постыдной» политику социал-демократического канцлера Шредера, упрекая его, что он не нашел во время своего визита в Россию достаточно четких слов для осуждения нарушений демократии и свободы печати.

Однако, судя по комментариям, слова осуждения, найденные ею самой в ходе ее первого в Россию визита, если и были произнесены, то примерно в такой же тональности, как ее слова о лагере в Гуантанамо во время визита в США, и так же восприняты. (Немецкая общественность требовала от Меркель осудить условия содержания заключенных в Гуантанамо. По приезде в США Меркель в беседе с президентом Джорджем Бушем-младшим высказала требуемое осуждение, но президент, понимая, в силу каких причин оно выражается, не обратил на эти слова внимания. Общественность была удовлетворена.) Слова словами, а реальная политика шла своим ходом.

Стратегия Меркель по отношению к России относительно долгое время не менялась. Отвечая, например, в декабре 2007 г. на типичный для немецких СМИ вопрос: «Не должен ли путь, выбранный ныне Россией, беспокоить Германию? Можно ли сделать что-

нибудь, чтобы укрепить демократию в России?» – она сначала сказала: «Я думаю, нужно постоянно искать диалога с русским правительством. Я сама снова и снова, много раз спорила с президентом Путиным...», а после продолжила: «А в целом у нас с Россией стратегическое партнерство. Нам нужны хорошие отношения с Россией, чтобы решать внешнеполитические задачи, например, иранский вопрос. Нам необходима – по мере возможности – хорошая кооперация с Россией в вопросе западных Балкан. У нас здесь разногласия по вопросу статуса Косово. Все это показывает: мы зависим друг от друга в этом мире, однако это не исключает нашей критики в тех вопросах, которые мы видим иначе, нежели русский президент» [Merkel: Koalition...].

Эта стратегия имела смысл в европейском контексте. Прочное, развернутое в будущее «стратегическое партнерство» реалистичнее, нежели «дружба». Ибо между Германией и Россией лежат страны, историческая память которых настолько отягощена воспоминаниями об «особых отношениях» этих двух держав, что даже членство в ЕС не удержит их от опасений оказаться обойденными, а то и раздавленными в дружбе двух гигантов. Именно поэтому в политике Германии по отношению к России всегда было выражено «европейское измерение», а также учитывалась интеграция Германии в Североатлантический альянс.

По большому счету, этот стратегический расклад не изменился и в период ухудшения отношений с Россией в контексте российско-украинских противоречий, особенно в период президентства Барака Обамы. Еще одна подоплека ухудшения отношений Германии и России – внутривнутриполитическая: в силу ослабления СвДП (либералов), традиционных партнеров ХДС/ХСС, партия взвешивала для себя возможность опереться на консервативные силы у «Зеленых». Прав Александр Рар: отказ от стратегического партнерства в пользу политики ценностей последовал не в последнюю очередь ввиду возможной «черно-зеленой» коалиции. Прав он также, отмечая, что даже в этот период Меркель приложила все усилия, чтобы конфликт между Западом и Россией не достиг уровня опасной эскалации. В 2008 г. она высказалась против вступления в НАТО Украины и Грузии, критически относилась к инициированному антироссийскими силами ЕС «восточному партнерству». «Без нее не было бы ни нормандского формата, ни Минских соглашений. Она предотвратила внутриевропейскую войну, которая могла бы быть ужаснее, чем югославская» [Rahr].

Ангела Меркель не поставит под вопрос роль НАТО и не инициирует развал «западной солидарности» в вопросах безопасности и обороны. Однако она использует ситуацию в германских интересах, если Альянс и его роль в Европе будут поставлены под вопрос его основным носителем – США. Меркель не может эмансипироваться от США, но она не упустит германский шанс, если США эмансипируются от Европы.

Что дальше? Новая германская политика

Из всех канцлеров именно Меркель по-новому расставила акценты в Евросоюзе, используя его проблемы в свою пользу. При Меркель Германия уверенно встала на путь «собрания Европы» под себя.

В первую очередь это касается отношений с Францией, в послевоенной архитектуре Европы игравшей роль противовеса опасному (даже в усеченном западногерманском варианте) «тевтонскому тяжеловесу».

Ось «Париж – Бонн» (позже «Париж – Берлин») была основой континентальной интеграции, а сотрудничество этих двух стран называли ее мотором. Ослабление европейской идеи во Франции означало бы немецкую Европу – кошмар, которого целенаправленно старались избежать отцы-основатели ЕС. Этот европейский кошмар становится явью после выхода Британии из ЕС. Европа становится германской. Однако Германия остается европейской, и пока она ей остается, континентальный ЕС имеет шанс жить и развиваться.

Меркель всей своей политикой в ЕС последних лет (в том числе в ходе разработки Дублинских соглашений по миграции и согласием принять мигрантов сверх квоты) подчеркивает, что Германия, сознавая ответственность за европейскую интеграцию, за единую Европу, готова остаться бастионом европейской идеи независимо от того, какие силы придут к власти у соседей. Меркель успешно сотрудничала с Н. Саркози в разработке европейских механизмов стабильности по ходу финансового кризиса еврозоны [см.: Погорельская, 2011], она политически подавила Ф. Олланда и выиграла, получив новым президентом Франции не самостоятельного национал-консервативного Ф. Фийона, а проевропейского Э. Макрона. С Макроном диалог о реформах еврозоны можно будет вести, не забывая о немецких интересах в ЕС.

Германия Ангелы Меркель не закрывается от вызовов современности – она хочет идти им навстречу, «оседлать» и использовать их. Об этом она сама намекнула сразу после очередного выдвижения ее кандидатом в канцлеры. Выступая 23 ноября 2016 г. в бундестаге, она с присущим ей реализмом и абсолютным отсутствием пафоса изложила свое представление о том, что ожидает мир и как Германии следует себя в нем вести. Процессы глобализации в совокупности с развитием цифровых технологий уже в ближайшее время грозят западным обществам социальной поляризацией такого масштаба, какой не было уже несколько поколений. «Изменения придут быстрее, чем мы думаем», – предупредила она, добавив, что изоляционизм в этих условиях опасен. Германия должна не просто открыться грядущему, но и быть в состоянии возглавить его, воздействовать на ход глобализационного процесса с целью придания ему «человеческого лица» [Merkel, 2016].

Эта программа полностью противоположна нынешнему изоляционистскому, правопопулистскому тренду в Европе. Да и претензий к Меркель в самой Германии накопилось немало, не только у различных политических сил, но и в народе. Тем не менее Меркель уверенно идет на новый легислатурный срок: она снова будет канцлером. Почему?

Одним из главных козырей остается ее внешняя политика. В отношениях с США она делает ставку на партнерство в общеевропейских рамках. Трамп – уже третий американский президент, к которому ей предстоит приспособиться. Отношения с Бу-

шем-мл., несмотря на всю нелюбовь, которую испытывал к нему Евросоюз, у нее были дружеские; с Обамой, несмотря на ряд разочарований, – партнерские. А в отношениях с Трампом ей удалось сделать рискованный политический «шпагат»: она не приблизилась к популистскому политику до такой степени, чтобы рисковать своей репутацией, но и не удалилась настолько, чтобы от этого пострадали интересы немецкой экономики.

Недовольство немецкого бизнеса санкциями против России, к которым, в кильватере американской политики, ради «единства Запада» присоединилась и Германия, всегда сопровождалось пониманием зависимости Германии (да и всего ЕС) от США. Переизбрание канцлера не привело бы к отмене санкций. Эмансипация Германии от США – постепенный процесс (достаточно вспомнить, например, долгое и лишь недавно завершившееся возвращение немецкого золотого запаса в Германию [Geißler]), и до тех пор, пока Германия интегрирована в НАТО, а НАТО остается в Европе, он не завершится окончательно.

Болезненнее для внутривнутриполитического имиджа канцлера вопрос с мигрантами. Открыв ворота в страну для миллиона беженцев и заявив согражданам: «Мы с этим справимся», она вызвала негативный резонанс не только в политических кругах, но и в широких слоях населения. Будучи буквально подавлены массами мигрантов, чаще всего мусульманских, нередко агрессивных, люди чувствовали себя жертвами европейских амбиций своего правительства. Однако в последнее время обещание «справиться» реализуется: заработало соглашение с Турцией об обратном приеме мигрантов, их приток уменьшился, приняты новые, жесткие законы об интеграции и о предоставлении убежища, достигнуто соглашение с африканскими странами, закрывающее африканским нелегалам путь в Европу. В интересах своего лидерства в Европе Германия, в отличие от таких стран, как, например, Венгрия (не пожелавшая принимать мигрантов по европейским квотам), должна была преодолевать миграционный кризис на европейских путях – с ЕС, а не против него.

Во внутренней политике споры между партиями-партнерами, ХДС и ХСС, начавшиеся в связи с миграционной политикой и вновь разгоревшиеся по поводу гомо-супружеств, не улажены, но притушены в интересах сохранения власти: ведь общегерманский формат партии получают только вместе. (Закон о разрешении ЛГБТ-партнерств принят в 2001 г. коалицией СДПГ/«Зеленые», но «нетрадиционные» партнеры были ущемлены, например, в вопросах усыновления детей-сирот. Со вступлением в силу нового закона ЛГБТ-партнеры будут полностью приравнены в правах к гетеросексуальным супружеским парам. [См. об этом: Погорельская, 2017].)

Меркель успешно вытеснила из большой политики тему гомо-супружеств, согласие по которой три партии (СДПГ, «Зеленые» и СвДП), с подачи социал-демократа Манфреда Шульца, в июне 2017 г. выставили условием будущих коалиций. (Сближаясь с левыми, «зелеными» и либералами, СДПГ тем самым отвернулась от проекта «большой коалиции».) Положение канцлера казалось безвыходным: проявит твердость – повергнет страну в политический кризис, пойдет на поводу – потеряет христианский электорат,

а возможно, и власть. Но, поставив законопроект на немедленное голосование в бундестаге и освободив при этом голосующих от «фракционного долга» («голосуйте по совести»), Меркель буквально убила весь тот политический ажиотаж, который начал было раскручиваться вокруг гомо-супружеств в преддверии предвыборной борьбы. А проголосовав «против», пояснила, что новый закон, по ее мнению, не соответствует статье 6.1 Конституции ФРГ «о защите семьи». Тем самым христианским правоведам было дано «добро» на опротестовывание принятого закона в Конституционном суде ФРГ. По мнению министра внутренних дел Томаса де Мезьера (ХДС), подобные иски имеют шанс на успех.

Вероятно, дело дойдет до дебатов вокруг поправок в Конституцию. Процесс на месяцы, а то и на годы. За это время многое может измениться. В целом же, несмотря на решение бундестага в пользу нового закона, Меркель (в отличие от Шульца) улучшила свой имидж. Канцлер недвусмысленно дала понять: в Германии немало проблем куда более важных и срочных, чем благо ЛГБТ-супругов. Но раз уж политические соперники связали тему с внутривнутриполитической стабильностью, да еще пригрозили при этом правительственным кризисом, она может в чем-то уступить, в интересах Германии. Мастерским ходом ей удалось показать государственный стержень собственного мышления и, одновременно, узкопартийный эгоизм соперников, их неготовность взять на себя ответственность за страну. Из таких «мелочей» складывается реальная власть Меркель. Она многие годы делает ставку на образ добропорядочной, надежной прусской женщины, поставившей свои здравомыслие и прагматизм на службу государству. В нынешние непростые времена эта стратегия оправдывает себя у избирателей.

Проблема лишь в том, что адекватной смены ей в партии нет. Нет мощного лидера, который смог бы, как Меркель, назвать себя «канцлером всех немцев», и у других политических партий. Кто встанет у руля страны, когда «эра Меркель» закончится, и, главное, останется ли Германия такой же предсказуемой и стабильной в своей политике? Предугадать трудно.

Литература:

Погорельская С.В. «Где мы сильны...» // *Мировая экономика и международные отношения.* 2011. № 7. С. 44–57.

Погорельская С.В. «Похищение Европы»: германская политика в ходе преодоления Евросоюзом иммиграционного кризиса 2015 – начала 2016 г. // *Актуальные проблемы Европы.* 2016. № 4. С. 104–139.

Погорельская С.В. Ангела Меркель. Политический портрет. Москва. 2008.

Погорельская С.В. Германские свадьбы // *Литературная газета.* № 26 (6604). 05.07.2017. – URL: lgz.ru/article/-26-6604-5-07-2017/germanskie-svadby/ (дата обращения: 22.09.2017).

Dittberner J. Neuer Staat mit alten Parteien. Opladen. 1997.

Geißler R. Deutscher Goldschatz zurück aus den USA // *MDR Aktuell.* 28.08.2017. – URL: mdr.de/nachrichten/wirtschaft/inland/hmp-goldreserve-deutschland-100.html (date of access: 22.09.2017).

- Geringe Erwartungen an G20-Gipfel. Merkel wieder so beliebt wie vor der Flüchtlingskrise // Forschungsgruppewahlen E.V. Politbarometer Juli I 2017. – URL: forschungsgruppe.de/Umfragen/Politbarometer/Archiv/Politbarometer_2017/Juli_I_2017/ (date of access: 22.09.2017).
- Merkel A.* Mein Weg. Angela Merkel im Gespräch mit Hugo Müller-Vogg. – Hamburg, 2004.
- Merkel A.* Unsere gemeinsame Werte stärken // Die Bundesregierung. 23.11.2016. – URL: bundesregierung.de/Content/DE/Artikel/2016/11/2016-11-23-haushaltsrede-merkel.html (date of access: 22.09.2017).
- Merkel: Koalition wird weitere Mindestlohn-Regelungen prüfen. Interview mit Angela Merkel // Deutschlandfunk. 02.12.2007– URL: deutschlandfunk.de/merkel-koalition-wird-weitere-mindestlohn-regelungen-pruefen.868.de.html?dram:article_id=124464 (date of access: 22.09.2017).
- Pappenheim B. von.* Überzeugt davon, dass Jammern einfach nicht hilft // Stuttgarter Zeitung. Stuttgart 1991. 9 September.
- Rahr A.* Merkels Russlandpolitik // Welttrends. Außenpolitik im Zeichen der Raute. Nr 131, 09.2017. – URL: welttrends.de/res/uploads/WeltTrends-131-Aussenpolitik-im-Zeichen-der-Raute-Forum-Europ%C3%A4ische-Verteidigungsunion.pdf (date of access: 22.09.2017).
- Von “Kohls Mädchen” zur Kanzlerin. Der Weg von Angela Merkel // SVZ.de 21.11.2015. – URL: svz.de/deutschland-welt/politik/von-kohls-maedchen-zur-kanzlerin-id11262201.html (date of access: 22.09.2017).

УДК 32.019.5; 324; 329

ДАРЬЯ КАРПУХИНА

Эмманюэль Макрон: биография, личность, медийный образ

Аннотация. *Развернутая рецензия на книгу французского политического обозревателя Анны Фюльда посвящена новому президенту Франции Э. Макрону. На основании скрупулезно собранных фактов и уникальных свидетельств очевидцев делается попытка составить реальный портрет лидера Французской Республики в противовес его медийному образу. В фокусе внимания – обстоятельства, повлиявшие на становление Э. Макрона как человека и политика, его коммуникационный дар, а также роль в его судьбе влиятельных представителей финансовой, политической, медийной и интеллектуальной элиты.*

Ключевые слова: *Франция, Эмманюэль Макрон, семья Э. Макрона, биография, дар коммуникации, медийный образ, политический инструментарий.*

Рецензия на книгу: Fulda Anne. Emmanuel Macron, un jeune homme si parfait. – Paris: Editions Plon, 2017. – 288 p.

Из-под пера Анны Фюльда, известного французского политического обозревателя, постоянного автора рубрики «Портрет» газеты «Figaro», ранее выходили биографии Жака Ширака и французского сенатора Франсуа Баруэна. В этой книге, посвященной новому президенту Франции Эмманюэлю Макрону, А. Фюльда анализирует обстоятельства, повлиявшие на его становление как человека и политика, рисует психологический портрет самого молодого главы государства в истории Французской Республики. В фокусе внимания автора – личные связи президента, взаимоотношения с близкими, роль в его судьбе влиятельных покровителей (или, как он сам их называет, «старших братьев»), проложивших для него короткую дорогу к президентскому креслу.

Книга вышла в свет 6 апреля 2017 года, когда Эмманюэль Макрон был еще участником предвыборной гонки, но уже считался ее наиболее вероятным победителем. Издание быстро вошло в списки бестселлеров на территории Франции и оказалось в поле зрения ведущих мировых СМИ. После победы Э. Макрона на президентских выборах в мае 2017 года, цитаты из книги А. Фюльда появились в бесчисленном множестве статей и репортажей по всему миру. Критики высоко оценили проведенную автором серьезную журналистскую и аналитическую работу, ее талант интервьюера.

Сведения об авторе: *КАРПУХИНА Дарья Александровна – социолог, эксперт Фонда исторической перспективы; kardarya@gmail.com.*

В основе книги лежат многочисленные интервью с самим Макроном, подробные беседы с его приближенными, женой, родителями, знакомыми, коллегами и влиятельными сторонниками. В ней содержатся уникальные свидетельства очевидцев, проливающие свет на малоизвестные подробности биографии Макрона и его персональные качества. Задача автора – составить реальный портрет лидера Французской Республики в противовес медийному образу, который тщательно поддерживает сам новоизбранный президент; определить мотивы, подтолкнувшие этого «энарка» (выпускника элитарной Национальной школы администрации – ENA), бывшего банкира из дома Ротшильдов, неожиданно выставить свою кандидатуру на пост президента и позиционировать себя при этом как антисистемного кандидата. В издании подробно описано, как формировалась личность Макрона, что влияло на становление его характера, какие персональные качества способствовали его феноменальному успеху в политической карьере, какие средства будущий лидер Пятой республики использовал для достижения своих целей.

«Неуловимый Макрон»

В кратком введении А. Фюльда суммирует впечатления журналистов, избирателей, ближнего круга и свои собственные. «Под внешней приветливостью и улыбками, за гладким фасадом технократа, обучавшегося в лучших школах республики, настоящий Макрон неуловим. Множествен. Он твердо намерен не разглашать того, что хочет оставить при себе, однако щедро делится тем, что сам желает донести. Никто не знает его по-настоящему» [с. 11-12]. По словам жены, он никого не подпускает к себе близко: «Ему нужны все и никто. Внутри его мира не попасть. Он держит на расстоянии» [Fulda, с. 12].

Макрон похож на троплэй (обманку), на здание меняющейся конструкции. Писатель Мишель Уэльбек в эфире телеканала France-2 сравнил его с мутантом [Nonstop...]. «“Мутант” Макрон, – пишет А. Фюльда, – подкрался бесшумно. Он постепенно стал появляться в СМИ, показывая себя таким славным, раскованным технократом, позируя в рубашке с закатанными рукавами в своем кабинете в Елисейском дворце» [Fulda, с. 12]. Очень скоро имя Макрона стало широко известно в коридорах власти и в редакциях ведущих массмедиа. В отличие от других политиков и чиновников высокого ранга, он был всегда доступен: для бизнесменов, политиков и журналистов его двери были открыты до поздней ночи.

С бывшим президентом страны Франсуа Олландом политик вел себя так же, как и со всеми остальными покровителями, которые, признавая его очевидные таланты, помогали ему в рекордные сроки взобраться по карьерной лестнице. Макрон пристально наблюдал за Ф. Олландом, сделался незаменимым, безупречным во всем. «Он интегрировался в систему, которая идеально ему подошла. Чтобы потом удобнее было от нее дистанцироваться. И в довершение презентовать себя как антисистемного кандидата», – пишет А. Фюльда [Fulda, с. 13].

Став кандидатом в президенты, Макрон использовал в отношении Франции тот же прием: он показал избирателям, что прислушивается к ним, соперничает им. По мне-

нию автора, эта его особенность – основной инструмент «обольщения», главное мастерство нового главы государства.

Макрон с ранних лет был уверен в своем особом предназначении, хотя долгое время хранил свои мечты в секрете. «Все, кто знает его (или думают, что знают), уже давно почувствовали в нем твердую решимость, а вместе с тем едва заметное чувство собственного превосходства, непоколебимую уверенность в своем предназначении, проявления глубокого, но тщательно спрятанного эгоцентризма», – отмечает А. Фюльда, добавляя, что Макрона уже сравнивают с Кеннеди и Наполеоном, и сам он не протестует против таких сравнений [Fulda, с. 14].

Происхождение и семья

Подробный анализ биографии и личности новоизбранного президента открывает глава под названием «Сын божий» (таково одно из значений имени *Эмманюэль*), рассказывающая о рождении, раннем детстве и семье, в которой рос будущий политик.

Макрон родился 21 декабря 1977 г. в городе Амьен на севере Франции в семье врачей. Там же прошло его детство. Рождению сына в семье предшествовала смерть новорожденной дочери, что тяжело переживалось родителями и наложило отпечаток на воспитание Эмманюэля.

Родители Макрона описываются в книге как яркие приверженцы идей свободы. Оба они получили медицинское образование. Оба, будучи студентами, участвовали в протестах 1968 г., однако позднее разочаровались в политике и вновь почувствовали вкус к гражданской активности только в 1981 г., отдав свой голос на президентских выборах за Франсуа Миттерана.

Притом что родители Макрона называли себя агностиками и не крестили ни одного из своих детей, Эмманюэль в возрасте 12 лет сам настоял на том, чтобы быть крещеным.

Вопреки утверждениям некоторых журналистов, будущий президент вырос в типичной добропорядочной семье, где отец и мать работали, однако уделяли много внимания детям. Транслированная СМИ легенда о том, что будущего президента воспитывала исключительно бабушка, а родители вовсе отреклись от него после известия о его романе с учительницей, не соответствует реальности.

«Ему придумали детство с лубочной картинкой, которые так хорошо продаются. С бабушкой-учительницей и неграмотной прабабушкой. Это так в духе Третьей республики! А родители – они в эту схему не вписываются», – считает отец президента Жан-Мишель Макрон [Fulda, с. 30]. Хотя в последние годы он лишь изредка видится и говорит с сыном, их связывает, помимо прочего, схожесть интеллектуального склада. Именно Ж.-М. Макрон привил Эмманюэлю любовь к истории и литературе, обучал его древнегреческому языку (который к тому времени прекратили преподавать в коллеже) и фи-

лософии. Именно он познакомил сына с работами Фридриха Ницше, Мишеля Фуко, Клода Леви-Стросса, Луи Альтюссера.

Эмманюэль учился до 6-го класса в обычной государственной школе в Амьене. И его родители, и школьные учителя свидетельствуют о его одаренности, чрезвычайной работоспособности и упорстве в занятиях. Когда на вступительном экзамене в музыкальной школе его «завалила» одна из преподавательниц, Эмманюэль потребовал, чтобы именно она принимала у него экзамен в следующем году. «Признак гордыни? – задается вопросом автор. – Во всяком случае, невозможность признать свою неспособность завоевать любого! Эта же черта проявится через годы, когда Эмманюэль Макрон станет министром, всегда склонным к открытому противостоянию. К схватке идей» [Fulda, с. 37].

Еще одной особенностью Макрона-ребенка очевидцы называют его тягу к общению со взрослыми и к знаниям. По воспоминаниям учителя истории, он часто оставался после уроков, чтобы «обсудить что-то всерьез» [Fulda, с. 39]. Но при всей своей любознательности Макрон, по заверению родителей, не был ни вундеркиндом, ни интровертом, которому трудно даются человеческие отношения. «Нормальный ребенок, который любил играть... в семье никто никогда не говорил, что он какой-то необыкновенный», – вспоминает мать политика, Франсуаза Ногез-Макрон. Впрочем, одно отличие от других детей, по ее словам, все же имелось: «У него были прекрасные отношения со всеми, но я ни разу не видела, чтобы у него был близкий друг» [Fulda, с. 38].

После 6-го класса, по совету бабушки, Эмманюэль (так же как позже его младшие брат и сестра) покидает государственную школу и поступает в частный католический колледж La Providence.

Отношениям будущего политика с бабушкой посвящена отдельная глава. Бабушка Макрона по материнской линии Жермен Ногез (или Манетт, как ее называли в семье) умерла в 2013 г., однако до сих пор остается объектом культа для президента Франции. Макрон необычно много говорил о ней и в ходе своей предвыборной кампании.

«Бывшая директриса школы и маленький мальчик ангельского вида были связаны необычными узами. Исключительными. Очень тесными. Слишком тесными. Буквально экстраординарными. Узами любви, но и зависимости, которые продлились вплоть до смерти Манетт. Узами столь тесными, что сами они стеснялись их, а другие с трудом могли их понять» [Fulda, с. 46].

Дочь малограмотных родителей, Жермен была единственной в своей семье, кто смог получить образование и стать учителем, а затем и директором колледжа. По воспоминаниям родных, она обладала чрезвычайно сильным характером, была невероятно требовательна во всем, что касалось образования и работы. Ее пристрастием были литература и классическая музыка, а приготовление еды она считала пустой тратой времени. По свидетельству близких, бабушка была крайне требовательна к внуку, никогда не делала ему поблажек и притом всегда оставалась для будущего политика непререкаемым авторитетом.

Когда в 2013 году здоровье Манетт резко ухудшилось, Макрон, уже занимавший в то время пост заместителя главы президентской администрации, звонил ей ежедневно. А 13 апреля 2013 года, получив известие о том, что Жермен Ногез находится при смерти, Макрон срывается в Амьен прямо с важного совещания, чтобы успеть с ней проститься. Как утверждают, именно тогда была заложена основа разрыва Макрона с Франсуа Олландом. Глубоко переживавший смерть Манетт, Макрон был оскорблен равнодушием Олланда и с того момента перестал чувствовать себя обязанным ему.

Именно бабушка стала поверенной 16-летнего Макрона в его любви к замужней преподавательнице Брижит Озьер. По признанию супруги французского президента, «ничего не получилось бы, если бы не помощь Манетт» [Fulda, с. 48].

Истории отношений Эмманюэля Макрона с его супругой Брижит, которая старше его на 24 года, в книге А. Фюльда посвящена отдельная глава. По воспоминаниям самой Брижит, когда она пришла на работу в коллеж La Providence, «все преподаватели только об Эмманюэле и говорили» [Fulda, с. 58], как и ее собственная дочь, учившаяся с ним в одном классе. Учительница познакомилась с Макроном на занятиях в театральном кружке, которым она руководила в дополнение к преподаванию французского и латыни. Юноша произвел на нее впечатление своим «исключительным умом», их сближению способствовала совместная работа над театральной пьесой.

Рассказывая о своей реакции на роман сына с учительницей, родители Макрона признают, что были ошеломлены и встревожены, однако это не разрушило их отношения с сыном. Решение отправить Эмманюэля для завершения среднего образования в Париж вовсе не было «изгнанием» и вообще не было связано с его увлечением. Это было давнее намерение, и сам юноша его поддержал.

Учеба в престижном парижском Лицее Генриха IV стала тяжелым испытанием для молодого человека, несмотря на то, что сам он в своей книге «Революция» называет переезд в столицу «прекраснейшим приключением» [Macron]. «Вдобавок к отрыву от корней, он в одно мгновение оказался среди сверстников, чей уровень был выше. “Вундеркинд” лишился своего великолепия. Он впервые встретил соперников, он больше не лучший, не тот, кем все восторгаются, кому завидуют, кому хотят подражать», – отмечает автор книги [Fulda, с. 68]. Тем не менее, если верить Франсуазе Ногез-Макрон, уже через несколько месяцев Эмманюэлю удалось ликвидировать разрыв с другими учениками.

Что касается Брижит, родители Макрона поставили условие: ему было запрещено встречаться с ней до совершеннолетия. Однако тайные встречи Макрона с будущей женой не прерывались никогда. А после того как Эмманюэлю исполнилось 18 лет, он в ультимативной форме объявил родителям, что намерен продолжать отношения с любимой женщиной. Те, зная его решимость и упорство, уже даже не пытались этому препятствовать.

Лишь в 2007 г. Эмманюэль Макрон и Брижит Озьер смогли пожениться. Сегодня, как утверждается в книге, семейные страсти улеглись и окружающие приняли их выбор. Но

сам Макрон вспоминает о 15 годах, предшествовавших его женитьбе, как о тяжелом времени, и называет сегодняшнее положение вещей «завоеванием». По его словам, все эти годы ему приходилось жить в атмосфере непонимания и неодобрительных взглядов.

Непростая история любви, по собственной оценке Макрона, заставила его рано повзрослеть, сразу после детства окунуться во взрослую жизнь, минуя юность. «Вот, наверное, почему я так ничего и не смог понять о подростках... Это такой возраст неопределенности, я не желал в нем находиться», – делится с автором книги французский президент [Fulda, с. 66].

Брак Макрона действительно необычен. Но эта необычность, по мнению А. Фюльда, состоит отнюдь не в разнице в возрасте, о которой столько судачат. Необычнее всего то, что, судя по всему, Брижит – единственная женщина и единственная любовь в жизни французского президента, считает автор. По мнению матери президента, болезненно воспринявшей решение сына отказаться от перспективы иметь собственных детей, «любовь Эмманюэля и Брижит – это полное слияние» [Fulda, с. 72].

Как бы то ни было, после женитьбы Макрон «усыновил готовую семью» Брижит с ее размеренным, традиционным буржуазным укладом, который, видимо, вполне соответствует персональным вкусам французского президента. Автор книги подчеркивает, что семьей Макрона, в кругу которой он регулярно проводит уикэнды и праздники, стала именно семья жены, ее родители, ее дети (активные участники предвыборной кампании отчима) и внуки.

Рисуя портрет новой первой леди Франции, автор книги обращает внимание на ее происхождение. Брижит Тронье (девичья фамилия супруги президента) выросла в консервативной католической семье известных в Пикардии потомственных шоколатье, обучалась в католической школе. В возрасте 20 лет Брижит вышла замуж за Андре-Луи Озьера, директора Французского банка внешней торговли в Страсбурге, а затем в Амьене. В этом браке у нее родилось трое детей. О разводе с мужем, который официально состоялся только в 2006 г., она предпочитает публично не говорить.

Под классическими манерами выпускницы, а затем учительницы католической школы, под внешностью жизнерадостной блондинки, с наивным удовольствием окунувшейся в светскую круговерть и демонстрирующей свои наряды от Луи Виттона, скрывается более сложная натура, убеждена автор книги. Взгляды Брижит во многом решительнее, чем взгляды мужа. К примеру, она твердо выступает за запрет ношения хиджаба в учебных заведениях, считая этот предмет одежды насилием над женщинами и детям», – заявила Брижит Макрон в беседе с журналисткой [Fulda, с. 89].

Каково реальное влияние первой леди страны на супруга? Правда ли, что именно она подтолкнула его к занятию политикой и участию в президентских выборах? «По правде говоря, кажется, она скорее подчинилась, решив поддержать Эмманюэля Макрона в его политических амбициях, чем подталкивала его», – считает А. Фюльда

[Fulda, с. 91]. В беседах с журналисткой Брижит говорит о жестокости мира политики, о разрушительном эффекте, который он производит на людей. По ее признанию, сильное впечатление на нее произвела история Пенелопы Фийон, ставшей жертвой предвыборной борьбы и объектом всеобщего порицания.

При этом, утверждается в книге, часто именно к Брижит обращаются окружающие (включая членов семьи самого Макрона) для того, чтобы передать что-то политику или встретиться с ним. Супруга сопровождает Макрона всегда: во время рабочих совещаний, публичных выступлений, интервью; советует, подбадривает, критикует. И это дает некоторым повод считать ее присутствие чрезмерным.

«Я хожу на все встречи, слушаю, но не участвую. Я королева “дебрифинга”. Мы потом обсуждаем все вдвоем. Это не много и не мало. Мы всегда так действуем», – так оценила свое место сама Брижит [Fulda, с. 95-96].

Еще одна роль супруги нового президента, как считают многие, заключается в том, чтобы сдерживать амбиции Макрона, спускать его с небес на землю. Согласно некоторым источникам, Брижит упоминала о трудностях жизни с «Жанной д’Арк», а также признавалась, что Эмманюэль «мнит себя Иисусом» [Fulda, с. 96].

Образ «политика-философа»

Целая глава книги посвящена отношению Эмманюэля Макрона к литературе и литературству. Сам политик довольно часто упоминает о детстве, проведенном в мире книг, которые «придавали глубину реальности». Даже свой переезд в Париж в возрасте 16 лет Макрон описывает как приключение, позволившее ему «повторить путь героев Флобера и Гюго», быть «влекомым ненасытными амбициями бальзаковских молодых честолюбцев» [Fulda, с. 102]. По утверждению французского президента, еще подростком он считал своим призванием литературу.

В качестве иллюстрации литературных амбиций молодого Макрона упоминается роман «Вавилон, Вавилон» о Латинской Америке времен конкистадоров, написанный будущим президентом в возрасте 16–17 лет под впечатлением рассказов родителей об их поездке в Мексику. Юноша предлагал роман для публикации в несколько издательств, но везде получил вежливый отказ.

Брижит Макрон называет страсть мужа к книгам «патологической». По ее утверждению, он всегда дарит исключительно книги и ходит только в книжные магазины. Обращает на себя внимание обилие в речах Макрона литературных цитат и отсылок к произведениям Бенедикта Спинозы и Оноре де Бальзака. Это сигналы, по которым окружающие призваны опознать в нем политика-литератора, политика-философа, непохожего на других, считает автор книги.

Примечательно, что Макрон афиширует свою дружбу с писателями противоположного толка Эриком Орсенна и Франсуа Сюро, представляющими «левый» и «правый»

фланг современной французской литературы, произведения которых, по его словам, «созвучны французской душе». Странно слышать подобное от того, кто утверждает, что «французской культуры не существует» [Extrait du...; см. Jégo], язвительно комментирует автор, намекая на скандальное заявление Макрона-кандидата в Лионе.

Эмманюэль Макрон дважды потерпел неудачу в попытках поступить в Высшую нормальную школу в Париже – элитное учебное заведение, выпускниками которого в свое время были знаменитые писатели и философы, такие как, например, Жан-Поль Сартр, Мишель Фуко, Луи Альтюссер и др. В итоге его приняли лишь в менее престижную одноименную школу в Фонтенэ, но многие считают Макрона выпускником парижской нормальной школы, и он не спешит опровергать это заблуждение. Стоит обратить внимание на следующий факт, отмечаемый в книге. Макрон всегда предпочитал, чтобы его имя связывали именно с классической Нормальной школой, (существующей с конца XVIII в.), а не с такими порождениями второй половины XX в., как Национальная школа администрации или Институт политических исследований (Сьянс По в нынешнем формате), где он также впоследствии учился.

В начале карьеры Макрон, по его утверждению, работал ассистентом известного французского философа Поля Рикёра, о котором он восторженно говорит как о своем наставнике, подчеркивая, что это знакомство оказалось для него судьбоносным и что, познакомившись, они «больше не расставались» [Fulda, с. 119]. На самом деле, если верить сотруднице Фонда Рикёра М. Рево д'Авон, Макрон какое-то время был лишь помощником редактора при подготовке к публикации книги П. Рикёра «Память, история, забвение» [Рикёр], но эта «близость» «стала для него источником совершенно незаслуженной символической выгоды» [Fulda, с. 104].

Так или иначе, Макрон использовал этот факт своей биографии. Наряду с полученным им дипломом университета Париж-Х Нантер по философии, ассоциация с П. Рикёром дала основания именовать его «философом от политики». Именно так охарактеризовал Макрона журнал «1», одним из учредителей которого является медиа-магнат Анри Эрман, покровитель Макрона. Для Макрона это стало способом выделиться, привлечь к себе внимание, а к тому же «еще и показать многогранность души, ее романтическое измерение, предстать своего рода Шатобрианом цифровой эры» [Fulda, с. 105].

Политический инструментарий Эмманюэля Макрона: обольщение и видимость близости

Дар и жажда обольщения, подчеркивает А. Фюльда, – вот что более всего определяет натуру Макрона. В этой связи в книге анализируется показательный эпизод предвыборной кампании.

17 февраля 2017 г. бывшему министру экономики пришлось выступать перед полупустым залом в Тулоне. За несколько дней до этого он дал два интервью, за которыми последовало падение его рейтингов. В одном Макрон назвал колонизацию Алжира «преступлением против человечества» и «настоящим варварством» – в противоречии

с собственным заявлением, сделанным несколькими месяцами ранее в интервью еженедельнику «Le Point», где он сказал, что колонизация несла и «элемент приобщения к цивилизации» [Emmanuel Macron: «La colonization...»]. В другом интервью он сожалел, что при принятии закона о «браке для всех», вызвавшего миллионное движение протеста, позиция протестующих не была даже выслушана [Emmanuel Macron sur la Manif...]. Этими двумя выступлениями кандидат Макрон спровоцировал возмущение и правых, и левых [См.: En Algérie...; Chaulet; Paulet]. Кроме того, утверждает А. Фюльда, в Тулоне часть макронистов не смогли прийти на встречу со своим кандидатом, потому что им помешали активисты Национального фронта.

В итоге, вынужденный выступить перед публикой, которая не поддерживала его и не отзывалась на его слова, Макрон проявил смятение и растерянность, его величие померкло. «Как будто холодный прием был ему невыносим, невыносим для него», – так описывает состояние кандидата автор книги [Fulda, с. 112].

Тем не менее именно в ходе этой встречи Макрон произнес фразу, которую А. Фюльда сделала эпиграфом к своей книге: «Так как я хочу стать президентом, я понял вас¹, и я вас люблю» [Meeting à Toulon...]. Тем же вечером Макрон отправился дискутировать с так называемыми «черноногими», с франкоалжирцами и их потомками, то есть теми, кого особенно задела его слова об Алжире. Такое поведение для нового французского президента типично: ему важно лично переубедить собеседника, заставить его признать поражение. Коллеги бывшего министра экономики вспоминают и другие подобные эпизоды, приводимые в книге.

«Желание завоевывать и страх не понравиться тесно связаны в нем. Как будто он не допускает и мысли, что может услышать что-то, кроме одобрения и согласия. Как будто ему тяжело не видеть на себе восхищенных взглядов, какие он замечал с детства: так смотрели на него родители, бабушка, преподаватели и приятели. Позднее так же смотрели на него все те, кто помогал ему взбираться по парижской лестнице успеха», – пишет А. Фюльда [Fulda, с. 116]. Эту мысль подтверждают друзья и коллеги Макрона, называя желание завоевывать всеобщую любовь манией политика. А. Фюльда сравнивает нового президента с Дон Жуаном, с тем отличием, что Макрону важны не сами завоеванные сердца, а испытываемое после завоевания чувство нарциссической уверенности в себе.

Многие собеседники журналистки подметили, что лучше всего его чары действовали на представителей старшего поколения. «Он для них – молодильное яблоко. Им нравится, когда их обхаживает молодой честолюбец. Это впечатляющий процесс обольщения», – поделился с автором книги приятель Макрона студенческих времен [Fulda, с. 120].

Кроме того, Макрон всегда умел создать ощущение близости с собеседником, принести теплую ноту в профессиональные отношения. Это наблюдение многих, кто с ним

1 Э. Макрон делает отсылку к знаменитой фразе, произнесенной Шарлем Де Голлем 4 июля 1958 года в Алжире: «Я понял вас!».

работал, разделяет и отец президента Жан-Мишель Макрон: «Действительно, у него есть удивительная черта: он чрезвычайно одарен в том, что касается человеческих отношений. Он обладает силой обольщения, которая приносит плоды» [Fulda, с. 35].

И сокурсники Макрона по Национальной школе администрации, и коллеги, работавшие с ним в банке Rothschild, говорят о его манере проявлять внимание ко всем вокруг, включая технический и обслуживающий персонал, но уточняют, что речь шла о сугубо внешних, «фасадных» жестах. И уже во времена студенчества знакомствам и контактам молодого человека в политической, медийной и артистической сферах не было числа, хотя почти не было друзей.

Влиятельные покровители французского президента

Особый интерес представляют две главы, посвященные взаимоотношениям Макрона с покровителями, или «старшими братьями», проложившими ему, по мнению автора, дорогу в Елисейский дворец. «Благодаря своим личным качествам, удивительной работоспособности и юношескому задору, который нечасто встретишь у представителей властных кругов, Эмманюэлю удалось обратить на себя внимание нужных людей в нужный момент, – замечает А. Фюльда. – Тот, кто быстро забыл, что хотел стать писателем, таким образом нашел себе еще нескольких сменявших друг друга отцов в дополнение к собственному» [Fulda, с. 125].

После философа Поля Рикёра и бывшего премьер-министра Лорана Фабиуса Эмманюэль Макрон познакомился еще с одним человеком, чье значение в судьбе будущего президента трудно переоценить. Анри Эрмана часто называют наставником Макрона в области политики. Этот бизнесмен, скончавшийся в 2016 г., нажил состояние в сфере торговли и считался меценатом левых прогрессистов. В числе финансируемых им мозговых центров были «Республика идей» Пьера Розенваллона и «Terra Nova». Он также стал учредителем журнала «1», в котором регулярно печатался Эмманюэль Макрон.

А. Эрман познакомился с Макроном во время стажировки последнего в префектуре департамента Уаза. По воспоминаниям вдовы А. Эрмана, бизнесмен попал под чары молодого человека и позвал его в Париж, пообещав познакомить с нужными людьми. Меценат одолжил Макрону денег на покупку квартиры в Париже, «открыл ему все двери», помог ему устроиться на работу в банк Ротшильда. Именно А. Эрман одним из первых предложил Макрону выдвинуть свою кандидатуру на пост президента. Он же в свое время познакомил молодого человека с бывшим премьер-министром Мишелем Рокаром, дружбу с которым Макрон поддерживал вплоть до кончины последнего в июле 2016 г.

После А. Эрмана у Макрона было еще много покровителей, один влиятельнее другого. «Эмманюэль Макрон умел выбирать покровителей... С каждым из них он, обласканный приемный сын, преданно ловивший взгляд покровителя, умеет показать себя идеальным собеседником. Выслушать откровения, почти ничего не выдав из собственных секретов. Он очень хорошо понял, что для того, чтобы проложить себе

путь, нужно любить, выказывать живой интерес и неравнодушие. Проявлять эмпатию» [Fulda, с. 131]. А. Фюльда сравнивает в этом плане Макрона с Жаком Шираком, отмечая общее для них умение разыграть карту сыновней любви и сыграть на сентиментальной струне.

По данным автора, под обаяние будущего президента в свое время попало множество влиятельных людей, крупнейших бизнесменов и топ-менеджеров. В их числе руководитель банка Rothschild & Cie Давид де Ротшильд и вице-президент банка Франсуа Энро, адвокат Жан-Мишель Дарруа, глава крупнейшей фармацевтической компании Sanofi Серж Вайнбер, бизнесмен и советник Николя Саркози Ален Минк, известнейший во Франции публицист, экономист и финансист Жак Аттали, президент компании Nestle Петер Брабек.

Все они отмечали ум Макрона, его харизму, талант расположить к себе собеседника, умение слушать. Серж Вайнбер в интервью автору книги признался, что был поражен также «глубочайшей уверенностью Эмманюэля в себе». «Нужно обладать изрядной решимостью, непоколебимой уверенностью в себе внерационального порядка, чтобы участвовать в президентской гонке», – считает С. Вайнбер [Fulda, с. 138].

Со временем некоторые из старых покровителей уступали место новым. «И каждый раз, – заметил осведомленный собеседник А. Фюльда, имени которого она не называет, – практически со всеми покровителями или крестными отцами происходило одно и то же: сначала они радовались успехам своего подопечного в парижской жизни, а потом понимали, что Растиньяк их использовал» [Fulda, с. 140]. При этом, как считают знакомые Макрона, многие из его покровителей отдавали себе отчет, что молодой протеже использует их в своих целях, и все равно продолжали ему помогать.

В числе покровителей будущего президента был и Франсуа Олланд, назвавший Макрона «сыном, о котором мечтает каждый». В отношении Ф. Олланда предательство Макрона наиболее очевидно, считает Фюльда. Ведь самым фактом своего участия в выборах лидер движения «Вперед, Республика!» лишил кандидата партии бывшего президента малейших шансов хотя бы выйти во второй тур. По свидетельству приближенных Олланда, президент-социалист, очарованный молодым человеком, и представить себе не мог, что тот «обведет его вокруг пальца».

Среди множества других покровителей Макрона в банковской и политической сферах трое, по мнению А. Фюльда, заслуживают отдельного внимания: Жан-Пьер Жуйе, Жак Аттали и Ален Минк.

Ж.-П. Жуйе – политик, высокопоставленный чиновник, близко знающий всех «сильных мира сего», друг Ф. Олланда – сумел сделать своего протеже заместителем главы президентской администрации еще до того, как сам занял пост генерального секретаря Елисейского дворца. Именно Ж.-П. Жуйе направил взгляд Макрона в сторону Олланда и уговорил своего друга-президента взять молодого банкира из группы Rothschild на работу в Елисейский дворец, утверждает в книге.

Ж.-П. Жуйе познакомился с Макроном, когда был главой Генеральной финансовой инспекции – этого «реактора власти». Будущий президент Франции работал в том же учреждении инспектором. Посчитав Макрона «выдающимся» молодым человеком, Ж.-П. Жуйе в 2007 г. назначил его на должность руководителя проекта, требующую работы в тесном сотрудничестве с руководством. Начальник и подчиненный прекрасно ладят, отмечает А. Фюльда. Их сблизил интерес к политике, схожие вкусы в музыке (Макрон предпочитает шансон 1960-1970-х годов) и литературе, темперамент (оба бонвиваны), а также опыт обучения в частных католических школах и взгляды на религию.

В 2009 г., в период, когда Макрон был близок к Лорану Фабиусу, Ж.-П. Жуйе посоветовал своему протеже переключить внимание на более перспективного левоцентристского политика – Ф. Олланда, с которым Макрон познакомился еще в комиссии Ж. Аттали. Именно после встречи, организованной Ж.-П. Жуйе, Макрон «занимает свое место во вселенной Олланда». Он регулярно устраивает неформальные заседания группы влиятельных экономистов, близких к социалистической партии, таких как Жильбер Сет, Жан Пизани-Ферри и др.

Перед выборами 2012 г., после известной речи Ф. Олланда, в которой тот назвал своим «настоящим врагом» мир финансов, на работающего в банке Ротшильдов Макрона была возложена особая миссия. Как рассказывается в книге Марка Эндевельда, Макрон был одним из тех, кому было поручено успокоить международных инвесторов, напуганных риторикой кандидата-социалиста [Endeweld]. Он отправился в Лондон с целью объяснить реальные намерения финансистам из Сити (и в том числе то, что объявленное Олландом повышение подоходного налога на доходы свыше 1 млн евро до 75% может быть обойдено безболезненно).

Сразу после избрания Олланда, продолжает А. Фюльда, Ж.-П. Жуйе уговорил его взять Макрона в президентскую администрацию для курирования вопросов экономики. Именно Ж.-П. Жуйе боролся за назначение своего ставленника сначала министром бюджета, в чем Олланд ему отказал, а потом, в 2014 г., министром экономики, на что Олланд согласился.

В свою очередь, Ж. Аттали утверждал, что именно он «открыл» и даже «изобрел» Макрона, что это «его творение».

В свое время ассистентами Ж. Аттали, как он сам подчеркивает, были и Сеголен Руаяль, и Франсуа Олланд, и Манюэль Вальс. Макрона он взял в возглавляемую им Комиссию по улучшению экономического роста, созданную по решению Николя Саркози в 2007 г. Раздосадованный тем, что бывший подопечный отдалился от него, Ж. Аттали не склонен преувеличивать роль Макрона в работе комиссии: его задачей была техническая координация работы групп. Однако именно эта должность стала ускорителем карьеры Макрона, утверждает его бывший шеф. И она действительно открыла перед ним многие двери.

В ходе работы в Комиссии Ж. Аттали Макрон познакомился с Сержем Вайнбером и знаменитым адвокатом Жаном-Мишелем Даруа, ставшими его близкими друзьями-

ми, с главой Nestle Петером Брабеком, с помощью которого он проведет свою самую большую сделку в банке Rothschild. Там же он познакомился с бывшим генеральным секретарем Французской демократической конфедерации труда Жаном Каспаром, с основателем крупнейшей страховой компании AXA Клодом Бебеаром, с президентом ведущей компании французской атомной промышленности Areva Анной Ловержон, а также с президентом европейского биржевого оператора Euronext Стефаном Буйна, который представил будущему президенту Кристиана Дарнья. Позднее Дарнья занимался сбором средств на предвыборную кампанию Макрона.

Ж. Аттали настаивает, что это он уговаривал Олланда назначить Макрона министром экономики, чему Олланд долго сопротивлялся. Аттали отдает должное бывшему протеже, признавая его высокую компетентность, открытость, ясность суждений и трудолюбие. При этом еще в период избирательной кампании он критиковал будущего президента за бессодержательность, нарциссизм и отсутствие определенного мировоззрения.

Третьим в числе могущественных покровителей Макрона А. Фюльда называет Алена Минка. «Олицетворение системы», «один из парижских королей, который дергает за все ниточки» – так характеризует она этого влиятельного персонажа, который оказывал поддержку не одному кандидату на пост президента Франции (при этом в политических кругах ходит поговорка, что кандидат А. Минка всегда проигрывает).

Встреча Минка с будущим лидером Франции также состоялась еще в бытность Макрона молодым финансовым инспектором. По словам А. Минка, на дежурный вопрос «Кем вы видите себя через 30 лет?» Макрон ответил: «Президентом Республики!» Минк был в числе тех, кто посоветовал Макрону работать в банке Ротшильдов.

«Rothschild был и остается особенным банком, который все еще смешивает бизнес и политику. Это центр влияния, самое сердце власти», – считает автор [Fulda, с. 164]. В книге отмечается, что самым блистательным выходцем из дома Ротшильдов до сего дня оставался Жорж Помпиду – генеральный директор банка, ставший впоследствии президентом Франции.

«Назначение Эмманюэля Макрона на пост заместителя генерального секретаря Елисейского дворца, после – министра экономики, а затем участие в президентских выборах 2017 г., очевидно, приятно Дому. Это свидетельство продолжения традиции. Проходят годы, сменяются президенты, но власть этого престижного коммерческого банка... остается прежней», – убеждена А. Фюльда [Fulda, с. 164-165].

Макрон один из немногих людей в Париже, кто может называть Давида де Ротшильда, главу банка, по имени и на «ты». Бизнесмен, по словам А. Минка, стал еще одним «старшим братом» политика, попавшим под его обаяние.

Почему Эмманюэль Макрон, с детства мечтавший стать писателем, предпочел карьере банкира? Самым правдивым ответом на этот вопрос А. Фюльда считает фразу, про-

изнесенную политиком в интервью газете «Wall Street Journal»: «Наша работа – обольщать» [Fulda, с. 168]. А обольщение, напоминает обозреватель «Figaro», – это спорт, в котором Макрону нет равных.

Давид де Ротшильд не отрицает, что взять на работу Макрона ему порекомендовали «близкие друзья Дома Ротшильдов», в числе которых были Серж Вайнбер, Жан-Мишель Даруа и Жак Аттали.

Карьера будущего президента в банке Rothschild развивалась стремительно, однако он далеко не сразу занял высокий пост. Сделку, принесшую Макрону наибольший доход, он совершил в 2012 г., в год своего ухода из банка. Речь идет о покупке компанией «Nestle» подразделения детского питания у компании «Pfizer» за 11,9 млрд долларов. По мнению автора, этот контракт Макрон заключил благодаря своим связям с главой «Nestle» Петером Брабеком, «несомненным почитателем Эмманюэля». В это же время Макрон работал над экономической программой Франсуа Олланда, о чем Давид де Ротшильд не мог не знать.

«Эмманюэль Макрон – в начале своей кампании имевший невероятную смелость представить себя антисистемным кандидатом – с головокружительной скоростью поднялся наверх благодаря этой самой “системе”», – резюмирует автор [Fulda, с. 140]. Сам же Макрон в ответ на такие утверждения подчеркивает, что он был «принят в систему благодаря своему труду, но не остался в ней», «не принял системный комфорт» [Fulda, с. 141].

Медийный образ Э. Макрона и его влияние на ход предвыборной кампании

Отдельная глава книги посвящена светской и медийной жизни кандидата, избранного в мае 2017 г. президентом Франции.

«Еще до назначения на пост министра молодой и активный бывший банкир из Дома Ротшильдов, влекомый к свету, как мотылек, совсем не избегал внимания СМИ», – сообщает автор книги [Fulda, с. 173]. Но в ту пору Макрон появлялся только в специализированных изданиях и один. Однако довольно быстро он понял, что его «вторая половина» – это козырь. Действительно, благодаря медийному интересу к этой супружеской паре рейтинг узнаваемости Макрона взлетел на 30% за несколько месяцев [Bourmaud].

А. Фюльда с иронией замечает, что Макрон позиционировал себя как политик нового поколения, однако выбранные им методы повышения собственной известности (например, неоднократное появление вместе с женой на первой полосе еженедельника «Paris Match») нередко были консервативны, если не архаичны. Во всяком случае, к эпохе интернета они не имели никакого отношения.

«Так не является ли современность Макрона мнимой?» – задается вопросом автор [Fulda, с. 177]. Она приводит интересное свидетельство пиар-советника Ф. Олланда Гаспара Ганцера. Оказывается, до назначения министром экономики в 2014 г. Макрон,

вроде бы олицетворяющий новое поколение политического класса, даже не имел ни аккаунта в Twitter, ни страницы в Facebook.

По признанию Брижит Макрон, медийным образом их пары занималась Мишель (Мими) Маршан, создательница сайта Purepeople и директор крупного французского фотоагентства Bestimage, специализирующегося на фотографиях звезд. «Мата Хари папарацци, самый осведомленный, блестящий и опасный информатор прессы о жизни знаменитостей от Парижа до Голливуда», – так отзывается об этой влиятельной даме газета Le Monde [Renterghem]. Влиятельные источники утверждают, что Мими нет равных в деле распространения «правильных снимков», создания нужного медийного образа. «Доверить управление своим имиджем... специалисту по “beautiful people” – выбор, который говорит о многом», – замечает по этому поводу А. Фюльда [Fulda, с. 179]. И прежде всего о вкусе к «звездным тусовкам» и «желтой прессе», довольно странном для политика, считающего себя философом, последователем П. Рикёра.

В покорении таблоидов Макрону снова помог покровитель – Паскаль Узело, бизнесмен, медиаменеджер, основатель телеканалов, борец против СПИДа и за «брак для всех», «король обходительности и лоббирования», как характеризует его автор. Именно П. Узело, знакомый с Макроном со времени работы последнего в банке Rothschild, представил будущего президента влиятельным фигурам из мира моды, шоу-бизнеса и популярной прессы.

Как отмечается в книге, любовь Макрона к светским выходам и его знакомства с представителями шоу-бизнеса, мира театра, кино и литературы сыграли ему на руку как кандидату в ходе президентской кампании: многие знаменитости публично заявили о поддержке лидера движения «Вперед, Республика!»

«И вновь тот, кто утверждает, что является политиком другой породы, идет проторенным путем Николя Саркози и Жака Ширака. Он устанавливает связи, наводит мосты, приглашает и соблазняет налево и направо», – подчеркивает А. Фюльда [Fulda, с. 184].

Э. Макрон как политик: продукт системы или представитель новой генерации?

В последней главе под заголовком «Политический НЛО» автор пытается ответить на ключевой вопрос: что на самом деле представляет собой новый президент Французской Республики? Является ли он «продуктом системы» или представителем нового, неизвестного ранее типа политических деятелей?

В книге показано, что желание заниматься политикой у Макрона появилось не вдруг. Еще в юности он, по его признанию, зачитывался, помимо классических романов, биографиями Ш. де Голля, П. Мендес Франса, Ф. Миттерана, читал книги Ж. Аттали и М. Рокара. В семье, где он рос, интересовались политикой и симпатизировали левым, хотя и не были активистами.

Что действительно отличает Макрона от других политиков, так это наличие в его политическом арсенале инструментов из области иррационального: он много говорит о чувствах, о неизмеримых, мистических материях, признается французам в любви и делает это вполне осознанно. «Это огромная ошибка – не говорить в политике о любви, поскольку, считаю, у политики есть эмоциональная, иррациональная сторона, нужная людям», – приводит автор слова самого будущего президента по этому поводу [Fulda, с. 194].

Макрон верит в свое особое предназначение, полагают те, кто знает его. Об этом говорил, в частности, Ж. Аттали, сравнивший нового французского президента с избалованным ребенком, уверенным в том, что все ему должны, и вместе с тем сразу после знакомства увидевший в нем «президентский калибр».

Необычность Макрона, по мнению автора, заключается в том, что он одновременно соединяет в себе расчетливость политика, умеющего обольстить, тщательно продумывающего свой имидж, и веру в иррациональное, в «силу момента», в собственное «предназначение». Макрон полон парадоксов и, похоже, сменяющих друг друга идентичностей. А. Фюльда приводит слова писателя, члена Французской Академии Жана д'Ормессона, которые тот однажды сказал министру Макрону: «Вы – летучая мышь. Смотрите, я птица, вот мои крылья. Смотрите, я мышь, вот мои лапы». Но в какой-то момент вам придется выбрать» [François Fillon – Jean d'Ormesson...].

«Для Пятой республики он пришелец. Продукт *sui generis* (единственный в своем роде). Который, в отличие от большинства своих предшественников, строил свою карьеру не вокруг фигуры одного влиятельного покровителя, а, скорее, в духе де Голля. Как человек, посланный провидением. Как человек, который говорит “нет” корпорациям, традиционным партиям, президенту Республики. Каждый раз – на государственной службе, в банковском деле, в правительстве – он занимал место в самом сердце политической и экономической системы, чтобы изучить ее, не становясь до конца ее частью», – делает вывод А. Фюльда в эпилоге книги [Fulda, с. 204–205].

Ценность книги Анны Фюльда в том, что она позволяет читателю проникнуть в личное пространство Эмманюэля Макрона, нового президента Франции, который до последнего времени оставался для мировой общественности загадкой. Автор деконструирует гладкий образ «идеального молодого человека», нарисованный СМИ и поддержанный самим Макроном. На основании скрупулезно собранных фактов и свидетельств автор демонстрирует, как умение обаять собеседника и уверенность в собственном предназначении, вкупе с интеллектом и поддержкой элиты, в рекордные сроки привели Макрона на вершину политического Олимпа. Выходец из добропорядочной семьи, интеллектуал, получивший самое престижное образование, протеже влиятельных персон Парижа, добившийся их расположения благодаря своему природному дару обольщения, и в то же время решительный и упорный человек, всегда добивающийся своих целей, всегда готовый отразить прямое противостояние, – таким предстает Макрон в книге А. Фюльда. При этом автор не считает нужным говорить о предвыборной программе Макрона, его политических взглядах или достижениях как политика.

Книга не дает ответа на вопрос о том, каким президентом будет Эмманюэль Макрон, предоставляя читателю возможность сделать самостоятельные выводы.

Литература:

Рикёр П. Память, история, забвение. М. 2004.

Aubel F. Anne Fulda: Macron enfant du système ou ovni politique? // Le Figaro. 09.05.2017. – URL: lefigaro.fr/livres/2017/05/09/03005-20170509ARTFIG00137-emmanuel-macron-un-jeune-homme-si-parfait-vraiment.php (date of access: 20.09.2017).

Bourmaud F.X. Macron, l'invité surprise. Paris. 2017.

Chaulet P. 35h, nationalité, mariage gay... Le slalom droite-gauche d'Emmanuel Macron // L'Express. 17.02.2017. – URL: leexpress.fr/actualite/politique/elections/35h-nationalite-mariage-gay-le-slalom-droite-gauche-d-emmanuel-macron_1880281.html (date of access: 20.09.2017).

Emmanuel Macron sur la Manif pour tous: «On a humilié cette France-là» // L'Obs. 16.02.2017 – URL: tempsreel.nouvelobs.com/presidentielle-2017/20170216.OBS5392/emmanuel-macron-hollande-etait-un-bon-peintre.html (date of access: 20.09.2017).

Emmanuel Macron: «La colonisation est un crime contre l'humanité» // Le Point. 16.02.2017. – URL: lepoint.fr/presidentielle/apres-les-propos-de-macron-la-colonisation-s-invite-dans-la-presidentielle-16-02-2017-2105255_3121.php (date of access: 20.09.2017).

En Algérie, Macron qualifie la colonisation de « crime contre l'humanité », tollé à droite // Le Monde. 16.02.2017. – URL: lemonde.fr/election-presidentielle-2017/article/2017/02/15/macron-qualifie-la-colonisation-de-crime-contre-l-humanite-tolle-a-droite-et-au-front-national_5080331_4854003.html (date of access: 20.09.2017).

Endeweld M. L'Ambigu Monsieur Macron. Paris. 2015.

Extrait du discours prononcé par Emmanuel Macron à Londres, le mardi 21 février 2017 // YouTube. – URL: youtube.com/watch?v=xncCLi6EabU (date of access: 20.09.2017).

François Fillon – Jean d'Ormesson: «La France que nous voulons» // Le Figaro. 20.04.2017. – URL: lefigaro.fr/elections/presidentielles/2017/04/20/35003-20170420ARTFIG00243-francois-fillon-jean-d-ormesson-la-france-que-nous-voulons.php (date of access: 20.09.2017).

Jégo Y. Emmanuel Macron et le reniement de la culture française // Le Figaro. 06.02.2017. – URL: lefigaro.fr/vox/politique/2017/02/06/31001-20170206ARTFIG00209-emmanuel-macron-et-le-reniement-de-la-culture-francaise.php (date of access: 20.09.2017).

Macron E. Revolution. Paris. 2016.

Meeting à Toulon du 18 Février | Emmanuel Macron // YouTube. – URL: youtube.com/watch?v=YRnbFYj6wRg&t=701s (date of access: 20.09.2017).

Nonstop politique. France 2. 17.01.2017. – URL: linternaute.com/video/510296/michel-houellebecq-dezingue-emmanuel-macron-c-est-un-mutant/ (date of access: 20.09.2017).

Paulet A. Macron estime que les opposants au mariage pour tous ont été «humiliés» // Le Figaro. 17.02.2017. – URL: lefigaro.fr/elections/presidentielles/2017/02/17/35003-20170217ARTFIG00165-macron-estime-que-les-opposants-au-mariage-pour-tous-ont-ete-humilies.php (date of access: 20.09.2017).

Renterghem M. Van Michèle Marchand, la Mimi des paparazzi // Le Mond. 21.02.2014. – URL: lemonde.fr/a-la-une/article/2014/02/21/michele-marchand-la-mimi-des-paparazzi_4370951_3208.html?xtmc=mata_hari_paparazzi&xtcr=1 (date of access: 20.09.2017).

УДК 327; 338; 33

ЛЕВ КЛОЧКОВСКИЙ

Будущее мировой экономики и Латинская Америка

Аннотация. *Мировая экономика находится на рубеже фундаментальных изменений. Трансформируются движущие факторы экономического развития, их действие приобретает все более противоречивый характер. Меняющаяся общая расстановка основных центров силы оказывает усиливающееся воздействие на мирохозяйственные процессы. На этом фоне Латинская Америка сталкивается с комплексом кризисных явлений, что ставит регион перед необходимостью трудных, но безальтернативных решений.*

Ключевые слова: *мировая экономика, глобализация, научно-технический прогресс, инновационное развитие, внешние экономические факторы, обострение хозяйственных противоречий.*

Мировая экономика вступила в сложный этап эволюции. Ее современное положение, ближайшие и среднесрочные перспективы являются объектом острых дискуссий. Большинство специалистов признает, что речь идет о формировании принципиально новых условий мирохозяйственного развития. Авторы подготовленного ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова «Глобального прогноза. МИР 2035», в частности, констатируют, что «предстоящие 20 лет можно охарактеризовать как период глубокой перестройки мирохозяйства... Мировая экономика будет переживать период повышенной турбулентности, связанной с поисками более действенных инструментов обеспечения устойчивого роста» [Мир 2035..., с. 13, 14, 31].

Что лежит в основе этих важных изменений? Как повлияют они на положение ведущих стран и регионов? Предлагаемая статья является попыткой дать некоторые ответы и конкретизировать их на примере латиноамериканского региона.

Трансформация движущих сил мирохозяйственного развития

Развитие мировой экономики в последние десятилетия определяли процессы глобализации и ускоренного научно-технического прогресса. Они воплощались прежде всего в расширении трансграничных потоков товаров, услуг, капитала, людей и информации, в повышении роли внешнеэкономических связей. За три десятилетия (1980–2010) объем международного товарооборота возрос более чем в 7 раз (с 4,5 трлн до

Сведения об авторе: *КЛОЧКОВСКИЙ Лев Львович – главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук; reu.icb@yandex.ru.*

31,5 трлн долл.), а прямые накопленные иностранные инвестиции увеличились почти в 30 раз (с 701 млрд до 20,1 трлн долл.). Мировая экспортная квота повысилась с 16,7% до 23,3%, инвестиционная квота (отношение прямых иностранных инвестиций к ВВП) – с 5,7% до 30,8% [UNCTAD 2016, с. 2, 200, 222]. Еще более высокими темпами росла система международных финансовых связей, превратившаяся в главное направление мирохозяйственного сотрудничества. Объем активов мирового финансового рынка в 1980–2014 гг. возрос с 12 трлн до 294 трлн долл., а операции с деривативами повысились с 1 трлн до 692 трлн долл. Если в 1980 г. общий объем международных финансовых операций был примерно сопоставим с мировым ВВП, то в середине текущего десятилетия он превосходил его более чем в 12 раз [Panorama de..., с. 52]. Ускоренное развитие внешнеэкономических связей выступало мощным стимулятором мирового общехозяйственного роста.

Масштабное воздействие оказывал также научно-технический прогресс. Он предопределил революцию на транспорте (контейнеризация и скачкообразный рост воздушных перевозок) и в системе связи (внедрение быстродействующих информационно-коммуникационных технологий и соответствующего оборудования). В новейший период (с середины первого десятилетия XXI в.) главной формой воздействия НТП становится цифровизация глобального производства и всей сферы международных экономических связей. Как отмечают специалисты, цифровая экономика заняла лидирующее положение в процессах глобализации: трансграничные цифровые потоки с 2005 по 2014 г. возросли в 43 раза [Digital Globalization...].

На этом фоне во второй половине текущего десятилетия в мировой экономике появились признаки торможения производственной сферы и снижения динамизма мирохозяйственных связей (табл. 1).

Таблица 1

Динамика мирового ВВП, экспорта и прямых иностранных инвестиций

	2000	2010	2014	2015	2016
Мировой ВВП	33299	65645	78038	74753	73500
Мировой экспорт	6452	15302	18996	16552	15500
Накопленные ПИИ	7489	20190	25113	24983	24000

*Оценка.

Источник: UNCTAD, Handbook of Statistics, New York and Geneva, 2017.

Как видно, речь идет об осязаемом падении ключевых показателей активности. Отражает ли это краткосрочные колебания рыночной конъюнктуры, или речь идет о фундаментальных переменных, способных повлиять на перспективы мирохозяйственного развития? Мнения расходятся. Некоторые авторитетные международные экономические организации оценивают текущую обстановку как достаточно устойчивую, обеспечивающую стабильный хозяйственный рост в ближайшие годы. Например, эксперты Всемирного банка квалифицируют ситуацию так: «Глобальный рост укрепляется, способствуя повышению доверия. Восстановление промышленной активности совпало с возобновлением роста торговли после двухлетнего сокращения, несмотря на зна-

чительную неопределенность политики, глобальный рост в 2017 г. ускорится до 2,7% по сравнению с 2,4% в 2016 г., а в последующее двухлетие (2018–2019 гг.) повысится до 2,9%» [Global Economic..., с. 3]. Российские эксперты в рамках уже упоминавшегося прогноза «Мир 2035» дают еще более оптимистичную оценку. По их расчетам, средний темп роста мирового ВВП в 2015–2020 гг. достигнет 3,7%, т.е. останется почти на уровне благополучного первого десятилетия (когда он составил 3,8%) [Мир 2035..., с. 188].

Противоположная точка зрения сформулирована, в частности, в концепции «новой нормы» или «новой нормальности», а также в концепции «вековой стагнации». Эти теоретические разработки предусматривают вероятность существенного замедления мирохозяйственного развития. Они являются в последнее время предметом широкого обсуждения. Сложность процессов, лежащих в их основе, требует проверки достаточно продолжительным временем. Однако было бы неверно рассматривать эти концепции как маргинальные. Большая неустойчивость, неопределенность современной обстановки, неясность ближайшей и среднесрочной перспективы диктуют необходимость внимательного и углубленного анализа основных движущих сил мирохозяйственного развития.

Важная особенность сил, определяющих эволюцию мировой экономики, состоит в том, что по своей природе они носят глубоко противоречивый характер и оказывают разнонаправленное воздействие на развитие хозяйственных процессов. Глобализация сопровождалась частичным свертыванием производственных мощностей в центрах капитализма и их перемещением на периферию, ограничением занятости и уровня зарплат, поляризацией доходов и снижением динамизма спроса. По имеющимся оценкам, в странах группы Север (США, Западная Европа, Япония) большие массы занятых – около 560 млн чел. (до 70% всех хозяйств в 25 промышленно развитых странах) столкнулись в 2009–2014 гг. со снижением или торможением реальных доходов [Poorer than...]. Усилившееся в результате этого социальное недовольство стало почвой для возникновения ряда неожиданных политических явлений – в частности, брекзита по итогам референдума, состоявшего в Великобритании в 2016 г., и избрания Дональда Трампа президентом США. Резко возросли стихийность и неуправляемость мировых экономических процессов. Это с собой силой дало себя знать на мировом финансовом рынке и привело в 2008–2009 гг. к острейшему кризису, отдельные последствия которого не преодолены до сих пор. Как констатируют авторитетные эксперты, «мировая экономика переживает фазу финансиризации, которая означает возрастание роли финансовых рынков и институтов и финансовой элиты в функционировании хозяйств и институтов управления на национальном и международном уровне» [Panorama de..., с. 53].

Общим итогом процессов глобализации, которая была инициирована центрами капитализма и осуществлялась преимущественно авангардом промышленно-финансового капитала, стало заметное торможение хозяйственной динамики промышленно развитых стран. В текущем десятилетии средний темп их экономического роста снизился до 1,7% (с 2,7% в 1990-е годы) [Мир 2035..., с. 188].

Не менее противоречивым представляется воздействие научно-технического прогресса и так называемого «инновационного развития». Его главным результатом ста-

ло быстрое повышение наукоемкости экономик центров и прогрессирующее технологическое отставание основного ядра группы Юг (за исключением Китая, Индии и так называемых «азиатских тигров»). Качественные разрывы в экономическом прогрессе центров капитализма и большинства развивающихся стран резко возросли и превратились в ключевую критерий, определяющий их позиции в мировой экономической системе. По уровню наукоемкости (Япония – 3,45%, США – 2,75%, ЕС – 1,91%) и, главное, объему финансовых ресурсов, расходуемых на обеспечение инновационного развития, страны-лидеры далеко опережают отстающие звенья мировой системы. Как отмечают эксперты ЭКЛАК, «в условиях технологической революции, которая дает возможность значительных рывков в повышении производительности труда и качестве выпускаемой продукции, отвечающей новым технологическим параметрам, отрыв стран-лидеров от периферийных экономик имеет тенденцию к возрастанию» [Panorama de..., с. 64]. Цифровизация всех сфер экономической жизни ведет к дальнейшему углублению этого разрыва.

Противоречивость технологических, инновационных сдвигов проявилась и на мировых рынках сырья и топлива. Вкупе с действием других факторов (ограничением платежеспособного спроса, снижением импортных потребностей Китая, просчетами в контрциклической политике производителей и др.) они привели к дестабилизации обстановки на этих рынках и поставили под удар важные экономические интересы широкого круга экспортеров из числа развивающихся государств и стран переходной экономики, чьи экспортные доходы в силу резкого падения мировых цен на сырье, топливо и продовольствие существенно сократились.

Эксперты ЭКЛАК делают вывод: «Движущие силы, которые предопределили эффект торможения, продолжают проявлять себя в ближайшие годы. Это обусловит понижающие тенденции как в развитии торговли, так и в динамике мирового ВВП» [Panorama de..., с. 43]. Не менее четко формулируют свою позицию и российские исследователи: «На передний план выйдут факторы, воздействие которых на глобализацию будет преимущественно тормозящим: наряду с тенденцией формирования глобального сознания существует прогрессирующая контртенденция к его фрагментации, к выдвиганию на первый план региональной и национальной самоидентификации отдельных частей мирового сообщества и мирового хозяйства, отмечается оживление националистических и изоляционистских сил и настроений» [Мир 2035..., с. 273].

Парадокс, однако, состоит в том, что признание в качестве объективной реальности серьезных изменений в динамике и характере основных движущих сил фактически не учитывается в прогнозных оценках, разрабатываемых как российскими, так и зарубежными специалистами. Так, в основу уже цитированного прогноза «Мир 2035» на предстоящий двадцатилетний период заложены темпы мирового хозяйственного роста, совпадающие с показателями первого десятилетия XXI в., которое характеризовалось преобладанием высокой рыночной конъюнктуры (3,7–3,8%). Аналогичным образом построен и прогноз развития мировой торговли. Ее темпы роста определены на ближайшее двадцатилетие на уровне примерно 7% и лишь немногим уступают рекордным темпам роста начала века [Мир 2035..., с. 139, 187].

Представляется, что эволюция мирохозяйственных процессов может быть значительно более сложной. Трансформация основных движущих сил, видимо, в первую очередь способна повлиять на международные хозяйственные связи, в частности – мировую торговлю. Обращает на себя внимание снижение динамики товарооборота. На протяжении последнего пятилетнего периода (2012–2016 гг.) темпы роста его физического объема не превышали 3%, они заметно отставали от темпов роста мирового производства [Ехатен..., с. 122]. Стоимостные показатели, как уже отмечалось, существенно сократились. Эти явления связаны с рядом причин. Речь идет, в частности, о торможении процессов транснационализации международной торговли, которые остаются на протяжении последних 20 лет на примерно одном уровне. Наблюдается также тенденция к определенному ограничению функционирования международных производственных комплексов (глобальных ценовых цепочек). Их торговые обороты возрастают, о чем свидетельствует увеличение объема поставок промежуточных товаров (за 2005–2014 гг. он возрос с 4,5 трлн до 7,9 трлн долл.), но доля этих поставок в мировом экспорте сократилось с 43% до 42% [World Trade...]. Особенно заметна эта тенденция в Китае, где доля компаний, находящихся в собственности зарубежных ТНК, в высокотехнологичном экспорте снижается. К 2035 г. она может уменьшиться вдвое – до 34% (по сравнению с 68% в 2010 г.) [Мир 2035..., с. 105].

Все это говорит о существенной неопределенности перспектив развития международной торговли и вероятности утраты этим сектором функции локомотива экономического роста. Подобные изменения не могут не отразиться на динамике мирового производства. В целом мирохозяйственная обстановка может остаться сложной, усугубляя и без того острые проблемы, существующие в системе отношений центров и периферии.

Новая расстановка основных мировых сил

В XXI в. обозначился ряд важных подвижек в международной обстановке. Одна из них состоит в относительном ослаблении мировых позиций США. Этот процесс носит постепенный характер. США сохраняют за собой ведущую роль в военной и политической сферах, экономике, научно-техническом прогрессе. Структура мира пока остается преимущественно однополярной. Тем не менее абсолютная гегемония и неоспоримое лидерство США, характерные для начала постсоветской эпохи (1990-е годы), в определенной степени утрачены. Это подтверждают и развитие ряда международных событий, и динамика ключевых хозяйственных показателей.

Другой существенной тенденцией стало стремительное возвышение Китая, нарастившего за последние десятилетия экономическую и военную мощь и превратившегося во второй после США мировой центр силы.

На этой основе началось формирование мировой двухполярной системы. Одним из полюсов является блок промышленно развитых государств, возглавляемый США. Другой полюс представлен Китаем, поддерживаемой его Россией и их ближайшими союзниками.

Главное отличие нового миропорядка от двухполярного мира, существовавшего во второй половине прошлого века, определяется принципиально иным соотношением сил. Тогда имело место противостояние двух мировых систем – социализма и капитализма, что обеспечивало поддержание паритета на важнейших направлениях (в первую очередь – военно-стратегическом) и вместе с тем сопровождалось непримиримыми противоречиями, прежде всего в сфере идеологии. В современных условиях Китай значительно уступает США по уровню экономического и, особенно, научно-технического развития. Социально-экономические процессы, протекающие в Китае, его ориентация на использование рыночных принципов развития экономики если и не полностью снимают, то ослабляют фактор идеологической непримиримости. В целом Китай не заинтересован в противостоянии, а тем более в конфронтации полюсов, хотя и стремится к повышению своего мирового статуса. Это, в частности, подтвердило выступление генерального секретаря КПК Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 г., где он заявил о готовности Китая взять на себя роль лидера в глобализации и предложил стратегию инклюзивной, всеобъемлющей глобализации, отвечающей интересам всех стран. Как отмечают специалисты, для реализации этой роли во взаимодействии с развитым миром Китаю нужны позитивные партнерские отношения с глобальным экономическим лидером – США [МЭиМО, с. 29].

Важным явлением становится тенденция многополярности в современном мире. Она связана со стремлением довольно широкого круга государств укрепить свои внешнеполитические позиции, повысить международный авторитет, добиться ослабления существующих экономических и политических привязок и иных форм зависимости от мировых центров силы. Многополярность активно поддерживается Россией, ибо оптимально соответствует ее стратегическим интересам. Значение этой тенденции постепенно возрастает, но она пока не является фактором, определяющим международную обстановку.

Наконец, возрастающую роль в международно-политическом и мирохозяйственном развитии приобретают процессы дифференциации группы Юг, в которую входят развивающиеся государства и страны переходной экономики. Усугубляется разрыв между авангардом группы, куда входят Китай, Индия и ряд динамично растущих стран Юго-Восточной Азии, и основной массой развивающихся стран, которые все больше отстают в хозяйственном и технологическом развитии. Это наглядно демонстрирует доля отстающего арьергарда в ключевых производственных показателях. Если в 1990 г. его удельный вес в суммарном ВВП группы Юг составлял 85%, то в 2000 г. он снизился до 70%, а в 2014 г. – до 60%. По прогнозным оценкам, к 2025 г. он упадет до 55%, к 2035 г. – до 50% [расчеты автора на основе: Мир 2035..., с. 190]. В развивающемся мире идет образование многочисленных «слабых звеньев», которые испытывают возрастающие трудности.

Указанные сдвиги интенсифицировали важные системообразующие процессы. Одним из главных стало усиление неравномерности развития отдельных стран и сопутствующее ему углубление противоречий. Этот процесс приводит к серьезной дестабилизации многих секторов мировой экономики и принципиально меняет соотношение сил

между хозяйственными партнерами. Фактор китайской и – шире – азиатской конкуренции предопределяет, в частности, масштабные перемены на рынках сбыта потребительской продукции в развитых странах (США, страны ЕС). Эти потери международный монополистический капитал центров частично компенсировал – за счет форсирования концентрации и централизации производства и капитала, а также за счет преимуществ, получаемых в системе международных финансовых отношений и в сфере высокотехнологичных производств, где доминирование Запада остается достаточно прочным. Однако итогом этой эволюция является постепенное нарастание в мировой системе элементов неустойчивости и нестабильности.

Не менее важен пересмотр центрами стратегии взаимодействия с группой Юг, в основном с развивающимися странами. Здесь прослеживаются две ключевые линии. С одной стороны, США и их ближайшие союзники пытаются в определенной степени сгладить существующие противоречия: демонстрируют готовность к частичным уступкам в пользу периферии, активно пропагандируют идеи общности интересов промышленно развитых и развивающихся государств. Эти идеи лежат в основе разработанных экспертами Всемирного банка и Международного валютного фонда «Концепции автономизации развивающегося мира» и «Концепции превращения развивающихся стран в главную движущую силу мирохозяйственного развития». В одном из недавних исследований Всемирного банка это сформулировано следующим образом: «Возвышение Юга, т.е. рост экономического влияния развивающихся стран, изменило глобальный хозяйственный ландшафт. Сдвиги глубоки и, скорее всего, необратимы. Они отражают не только растущую экономическую мощь Юга в связи с более высокими темпами роста по сравнению с Севером, но и структурные сдвиги. Юг стал лидером глобального экономического развития, причем он играет по сравнению с Севером качественно отличную роль» [Global Economic...]. Однако, как представляется, такое маневрирование является не более чем формой прикрытия. Основная ставка делается на усиление давления на периферию, прежде всего ее слабые звенья.

Центры капитализма располагают системой рычагов для оказания силового давления на периферию. К таким рычагам относится прежде всего сеть международных производственных комплексов ТНК (глобальных ценовых цепочек), глубоко интегрированная в хозяйство большинства развивающихся стран. Не менее мощным инструментом являются многообразные привязки периферии к мировому финансовому рынку, где надежно доминирует финансовая олигархия центров. Возрастающее значение приобретает и большой арсенал средств технологической зависимости. Перспективы использования этих рычагов расширяются в силу углубляющегося технологического отставания периферии. Оценивая итоги этой эволюции и ее перспективы, российские эксперты отмечают: «С учетом ускоряющихся темпов инновационного развития и требований к его ресурсам, активам и институтам разрыв между странами-лидерами и догоняющими экономиками вырастет» [Мир 2035..., с. 112].

Главная цель усиливающегося давления центров – изменить в свою пользу условия хозяйственного взаимодействия с развивающимися странами. Первый раунд этого противостояния был выигран Западом в середине текущего десятилетия, когда прои-

зошел масштабный обвал мировых цен на сырьевые товары и энергоносители. В повестку дня выдвигаются задачи закрепления периферии на положении поставщика дешевого сырья и топлива, блокирования процессов деиндустриализации центров, повышения темпов их хозяйственного роста. Одновременно расширяется арсенал инструментов давления. Особое значение, в частности, придается так называемому «решорингу» – политике реиндустриализации центров на базе возвращения производственных мощностей.

К числу ключевых перемен, связанных с происходящими сдвигами, несомненно относится и появление некоторых новых закономерностей в мировом развитии. Уже начальная фаза становления двухполярной системы вызвала к жизни необходимость поддержания равновесного баланса во взаимодействии с полюсами. Нарушение этой закономерности способно создать серьезные проблемы, тогда как ее последовательное соблюдение может содействовать успешному обеспечению интересов национального развития. Реальная практика, однако, нередко оказывается сложнее теоретических схем: попытки балансирования между плюсами не дают желаемого эффекта и оборачиваются существенными трудностями.

Таковы некоторые общие контуры изменений, происшедших в мире за первые полтора десятилетия XXI в. Они в решающей мере определяют особенности современного положения Латинской Америки.

Перед лицом кризисных тенденций

В середине текущего десятилетия латиноамериканский регион столкнулся с многочисленными неблагоприятными последствиями осложнений в мировой экономике. В 2015–2016 гг. произошло сокращение производственной сферы (объем ВВП упал на 2%), снизились инвестиции, уменьшился агрегированный спрос, наметилось падение занятости, возросла безработица. ЭКЛАК в своем аналитическом обзоре 2016 г. так характеризовал состояние экономики региона: «В 2016 г. ВВП Латинской Америки снизился на 1,1%. Это падение является продолжением тенденции торможения и свертывания экономической активности, которые захватили регион с 2011 г. ... Многочисленные риски и колебания, которые будет испытывать мир в 2017 г., будут оказывать воздействие на хозяйственную эволюцию региона. Сохранится сценарий замедленного развития мировой экономики, который может растянуться на десятилетия» [Balance Preliminar..., с. 11, 16].

Истоки кризисных тенденций и перспективы их преодоления – объект острой полемики. Однако ключевые выводы, сделанные некоторыми российскими и зарубежными латиноамериканистами, сводятся к следующему:

- во-первых, в Латинской Америке создались условия для устойчивого динамичного развития. Она может рассчитывать на возвращение высоких темпов развития начала века;
- во-вторых, латиноамериканские страны эффективно использовали в своих интересах высокую конъюнктуру, сложившуюся на мировом рынке в первом десяти-

летию XXI в., и добились существенного укрепления своих внешнеэкономических позиций;

- в-третьих, произошла трансформация движущих сил экономического развития: роль внутренних факторов заметно возросла, наметилась тенденция к их превращению в главный мотор хозяйственного роста;
- в-четвертых, процессы модернизации экономики ускорились, ведущие страны региона на ряде направлений обнаружили способность к переходу на инновационный путь развития и уже вступили в фазу формирования целостных инновационных систем.

Эти выводы легли в основу двух заключений: 1) кризисная ситуация, возникшая в Латинской Америке, является неожиданностью и своего рода случайностью; 2) она будет носить краткосрочный характер, а имеющиеся возможности предполагают возвращение региона на траекторию высоких темпов роста [Яковлев; Давыдов, с. 72; 16].

Реальная ситуация, с которой сталкиваются латиноамериканские страны, противоречит указанным выводам и заключениям и требует принципиально иной оценки. Главный просчет авторов состоит в том, что они недооценивают решающее значение внешнеэкономических факторов в хозяйственной эволюции региона. Высокая конъюнктура, сложившаяся на мировых рынках сырья, топлива и продовольствия, и беспрецедентный взлет цен на эти товары, равно как и расширение возможностей привлечения внешнего финансирования и инвестиционных ресурсов, способствовали резкому улучшению условий развития латиноамериканских стран. Но одновременно существенно усилилась зависимость региона от внешнеэкономических факторов. Слом благоприятной мирохозяйственной конъюнктуры радикально изменил обстановку, дестабилизировал положение во многих странах, вызвал большую неустойчивость развития их экономик.

Не менее важной представляется и корректная оценка внутренних движущих сил экономического развития. Их значимость несомненно возросла. За истекшие годы заметно повысились объемы государственного финансирования, увеличилась численность среднего класса, сократились масштабы бедности, вырос объем потребительского спроса, внутренних накоплений и инвестиций. Но в основе всех этих изменений лежал масштабный приток внешних ресурсов. Данные процессы не имели прочной национальной базы, а внутренние движущие силы экономического развития не могли стать ведущим мотором хозяйственного роста. И кризисная ситуация середины десятилетия наглядно подтвердила эту реальность. Внутренние факторы оказались не в состоянии компенсировать падение мировой конъюнктуры, что обернулось не только хозяйственными потерями, но и определенным попятным движением благоприятных социальных процессов (ограничением государственной поддержки беднейшего населения, ухудшением материального положения среднего класса, разворотом в сторону повышения бедности).

Взвешенного анализа требуют и процессы модернизации и инновационного развития. В истекшем десятилетии благоприятные внешнеэкономические условия позволили многим латиноамериканским компаниям увеличить расходы на научные исследе-

дования и разработки. Научно-техническое развитие региона несколько ускорилось. Одновременно существенный технологический рывок обозначился и в секторе иностранного предпринимательства (прежде всего в автомобильной промышленности). Однако отставание региона в сфере инновационного развития прогрессирует. Этот итог определяется двумя составляющими. Прежде всего – огромным разрывом в объемах инвестируемых средств. Если в 2001 г. США и Канада израсходовали на НИОКР 298,3 млрд долл., причем отрыв от Латинской Америки составлял 278,2 млрд долл., то в 2013 г. их затраты возросли до 427 млрд долл., а разрыв с латиноамериканским регионом – до 375,2 млрд долл. Другой составляющей является качественная сторона инновационного процесса. Он носит имитационный (ассоциативный) характер. Страны Латинской Америки выступают в основном в качестве потребителей, а не производителей инновационной продукции. В результате усиливается технологическая зависимость, которая во многом определяет и общехозяйственную эволюцию латиноамериканских стран, и их мирохозяйственные позиции.

Обозначенные проблемы и будут во многом формировать латиноамериканскую экономику. Это, разумеется, не означает остановку экономического прогресса в регионе. Хозяйственный рост, несомненно, возобновится, но он скорее всего будет носить заторможенный и недостаточно устойчивый характер. Именно такой ожидается динамика до конца текущего десятилетия, которое рассматривается многими специалистами как потерянное для экономического развития. Так, один из ведущих экспертов ЭКЛАК Освальдо Росалес отмечает: «Даже если предположить, что в 2017–2020 гг. среднегодовой темп роста региона составит 3%, что представляется чрезмерным оптимизмом, средняя динамика за десятилетие не превысит 2%. Этот результат близок к показателям «потерянного десятилетия» 80-х годов, когда средний темп роста составил 1,4%» [Rosales, с. 40].

Что касается среднесрочной перспективы, она будет зависеть от перестройки системы внешнеэкономических связей региона, которые, несмотря на кризисные тенденции, во многом определяют хозяйственную эволюцию большинства латиноамериканских стран.

Между двумя мировыми полюсами

Внешняя торговля и система внешнеэкономических связей выступает эпицентром кризисных явлений. Латиноамериканский экспорт демонстрирует понижательную тенденцию уже четыре года: его суммарное падение за 2013–2016 гг. составило 22,5%. Импорт, хотя и с некоторым лагом, снизился за 2015–2016 гг. на 20% (Таб. 2). Объем поступивших в регион кредитных ресурсов в 2015 г. уменьшился на 40%, до 80 млрд долл. (со 140 млрд долл. в 2014 г.), а в 2017 г. – еще примерно на треть. Приток прямых иностранных инвестиций в 2015–2016 гг. упал на 20%. Спекулятивный капитал сократил свои операции почти наполовину. Понижательную тенденцию показала и такая статья, как переводы мигрантов [Estudio Económico... 2016, с. 44, 45, 47, 159].

Таблица 2

Латинская Америка и Карибский бассейн: основные экономические показатели

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016 ¹
Годовой темп роста										
Общий валовой внутренний продукт ²	5,8	4,1	-1,7	6,2	4,5	2,8	2,9	0,9	-0,5	-1,1
Валовой внутренний продукт на одного жителя ²	4,5	2,7	-2,9	4,9	3,3	1,7	1,7	-0,2	-1,6	-2,2
Цены для потребителей ³	5,6	7,0	3,5	5,4	5,8	4,9	5,0	6,3	7,9	8,4
Проценты										
Открытая городская безработица	8,6	8,0	9,2	8,6	7,8	7,4	7,2	7,0	7,4	9,0
Общий валовой внешний долг / ВВП ⁴⁻⁵	31,9	29,0	29,9	27,6	26,5	28,4	30,2	32,6	34,9	36,4
Общий валовой внешний долг / экспорт товаров и услуг	82,5	75,8	99,4	96,4	89,2	96,9	102,6	113,2	133,5	150,4
Миллионы долларов										
Платежный баланс⁵										
Сальдо счета текущих операций	-8 599	-27 581	-34 487	-107 366	-122 850	-132 729	-158 445	-188 849	-179 185	-105 314
Экспорт FOB	766 565	881 042	714 303	896 126	1 099 819	1 116 240	1 099 371	1 083 333	924 085	864 955
Импорт FOB	735 930	849 178	676 877	864 779	1 045 732	1 079 149	1 099 696	1 105 630	984 700	879 484
Баланс услуг	-17 907	-33 258	-37 009	-51 729	-67 387	-73 821	-73 372	-75 298	-52 864	-38 185
Баланс дохода	-101 006	-113 856	-107 864	-148 300	-172 339	-158 148	-146 933	-157 068	-133 735	-124 741
Баланс текущих переводов	66 009	67 211	59 364	59 315	62 789	62 149	62 457	65 854	68 029	71 722
Капитальный и финансовый баланс⁶										
Капитальный и финансовый баланс ⁶	144 090	63 600	85 833	187 526	210 919	185 728	168 060	219 328	150 938	125 098
Чистые прямые иностранные инвестиции	96 000	103 021	72 157	110 405	153 484	148 447	142 086	142 354	134 795	499
Другие движения капитала	48 090	-39 421	13 676	77 121	57 436	37 281	25 974	76 973	16 143	124 599

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016 ¹
Глобальный баланс	134 933	38 879	51 712	83 160	91 758	58 688	16 477	37 907	-26 345	6 981
Изменение резервных активов ⁷	-135 600	-42 872	-57 543	-80 270	-97 146	-59 217	-19 195	-40 175	23 780	-21 559
Другое финансирование	667	3 993	5 831	-3 032	5 048	407	2 206	2 272	2 543	0
Чистая передача ресурсов	43 751	-46 263	-16 201	36 195	43 628	27 986	23 333	64 531	19 737	392
Валовые международные резервы	459 581	512 727	567 444	656 305	773 632	835 735	830 018	857 438	811 762	829 202
Проценты ВВП										
Налоговый сектор⁸										
Общая оценка	0,1	-0,4	-2,7	-1,9	-1,4	-1,9	-2,6	-2,8	-3,0	-3,0
Первичный результат	2,1	1,3	-0,9	-0,3	0,3	-0,2	-0,9	-1,0	-0,9	-0,8
Общий доход	17,8	18,1	17,0	17,6	17,8	18,0	17,9	17,8	17,8	17,6
Налоговые поступления	14,2	14,2	13,6	13,9	14,4	14,7	14,8	14,8	15,1	14,9
Общие расходы	17,6	18,5	19,7	19,5	19,2	20,0	20,5	20,6	20,7	20,5
Капитальные затраты	3,1	3,7	3,8	4,0	3,8	4,2	4,3	4,0	3,8	3,5
Государственный долг центрального правительства	30,3	28,8	30,9	29,8	29,0	30,5	32,3	33,6	36,5	37,9
Государственный долг нефинансового государственного сектора	32,3	30,9	33,2	32,4	31,3	32,7	34,6	36,2	39,4	40,7

Источник: Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), sobre la base de cifras oficiales.

См.: Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe. CEPAL. 2016. – URL: repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/40825/91/S1601333_es.pdf (date of access: 02.10.2017).

- 1 Предварительные данные.
- 2 На основе официальных цифр, выраженных в долларах 2010 года.
- 3 Изменение с декабря по декабрь. Средневзвешенный, исключая Боливарианскую Республику Венесуэлу.
- 4 Оценки на основе показателей доллара в текущих ценах.
- 5 Исключая Карибский бассейн, Кубу и Боливарианскую Республику Венесуэла.
- 6 Включает ошибки и упущения.
- 7 Знак минус (-) указывает на увеличение резервных активов.
- 8 Центральное правительство. Простые средние показатели из 19 стран.

«Будущее мировой экономики и Латинская Америка», 02.10.2017

В основе этих негативных явлений лежит комплекс многообразных причин. Но решающее воздействие оказывают система взаимоотношений с ведущими партнерами, их общая стратегия и тактика, специфика их подходов к региону. Тут за последние полтора десятилетия произошли существенные изменения. Наиболее важное – значительное расширение экономического присутствия Китая в Латинской Америке. Китайский импорт из региона возрос более чем в 11 раз (с 9,8 млрд долл. в 2000 г. до 110 млрд долл. в 2011 г.), а экспорт – в 15 раз (соответственно, с 10 млрд долл. до 150 млрд долл.). По объему торговых операций Китай выдвинулся на второе место после США, оставив позади страны Евросоюза.

В официальных и деловых кругах большинства латиноамериканских стран развитие хозяйственного сотрудничества с Китаем получило широкое одобрение. Оно рассматривалось как фактор ослабления зависимости от США, стимулятор повышательного движения мировых цен на сырье, товары, продовольствие и топливо, серьезная возможность увеличения сбыта и привлечения внешних финансовых ресурсов. С перспективами взаимодействия с Пекином связывались немалые надежды на дальнейшее развитие и качественную перестройку всей системы внешнеэкономических связей региона.

Однако реальные итоги сотрудничества оказались неоднозначными. КНР в своем подходе к региону исходила из известной схемы «центр – периферия», где роль центра отводилась Китаю, а латиноамериканским странам – место периферии. Последние рассматривались преимущественно как поставщики аграрно-сырьевой продукции и рынок сбыта китайских товаров потребительского назначения. По этой схеме жестко строилась вся система торгово-экономических отношений. 75% китайских закупок приходилось на долю пяти сырьевых и продовольственных товаров (соя, железная руда, сырая нефть, медь и медный концентрат, цветные металлы). На сырьевые отрасли пришлось свыше 90% общей суммы китайских инвестиций, они стали преимущественным объектом кредитования (крупные китайские кредиты предоставлены венесуэльской нефтяной компании «Petroleos de Venezuela» S.A. (PDVSA), бразильской «Petróleo Brasileiro S.A.» (Petrobras) и эквадорской «Empresa Estatal Petróleos» (Petroecuador)) и др. Все это способствовало «сырьевизации» латиноамериканского экспорта и шло вразрез с национальными интересами стран региона. К тому же усилилась зависимость ряда стран от сбыта на китайском рынке. В Китай направляется половина чилийского экспорта меди. Бразилия сбывает на китайском рынке 40% всей вывозимой сои и треть общего экспорта железной руды.

Сложные последствия несет с собой и китайская экспортная экспансия. По объемам китайский экспорт примерно в полтора раза превышает китайский импорт. Это оборачивается для региона крупным дефицитом в торговле с Китаем. Значительная часть этого дефицита приходится на долю Мексики, дефицитными являются и торговые балансы других латиноамериканских стран (за исключением Бразилии, Чили и Венесуэлы). Однако дело не только в этом. Китайская потребительская продукция на многих латиноамериканских рынках остро конкурирует с национальными предприятиями и наносит им немалый ущерб. В Бразилии, Мексике, Чили, Аргентине, Колумбии за-

фиксированы массовые случаи банкротства национальных компаний, не выдерживающих напора китайских конкурентов.

Представители латиноамериканского экспертного сообщества, деловых и общественных кругов регулярно обращали внимание на упомянутые проблемы. Пекин пытался снять напряжение ссылками на скачкообразный рост взаимного сотрудничества и обещаниями его дальнейшей интенсификации. В январе 2015 г. на саммите КНР – Латинская Америка была выдвинута программа удвоения оборотов взаимной торговли к 2025 г. (до 500 млрд долл.) и повышения китайских инвестиций в регионе до 250 млрд долл. [Estudio Económico... 2015, с. 70, 71, 73, 75]. Но с середины текущего десятилетия наметилось определенное сужение возможностей дальнейшего развития хозяйственных связей с Китаем.

Речь прежде всего об изменении динамики взаимной торговли. С 2014 г. началось сокращение стоимостных объемов китайского импорта. В 2015–2016 гг. они снизились более чем на четверть. Одновременно, хотя и в меньшей степени, уменьшился китайский экспорт. Это отражало изменения в социально-экономическом развитии Китая, его внешнеэкономической стратегии и тактике: поворот в сторону наукоемкого производства и сферы услуг, снижение роли ресурсоемких отраслей и соответствующее ограничение потребностей в некоторых видах минерального сырья и энергоносителей, активизацию усилий для обеспечения поставок дешевого сырья, топлива и продовольствия. Наметилась тенденция к смещению Латинской Америки на периферию внешнеэкономических интересов КНР. Ключевым элементом китайской внешнеэкономической стратегии становится проект «шелковый путь», предполагающий разворот в сторону среднеазиатских и центральноазиатских партнеров.

Разумеется, все это не означает ухода Китая из Латинской Америки. Пекин заинтересован в удержании завоеванных позиций в регионе. Однако динамичное наращивание китайского присутствия становится, скорее всего, достоянием прошлого. И с этой реальностью латиноамериканским странам придется в полной мере считаться.

Сложный комплекс проблем формируется и во взаимодействии с США [Более подробно см.: Клочковский, 2016]. Истекшее пятнадцатилетие было насыщено событиями, серьезно повлиявшими на латиноамериканскую стратегию США. Переломным рубежом стал провал вашингтонского проекта «Общеамериканской зоны свободной торговли», инициированный руководителями левых режимов и активно поддержанный Бразилией. В итоге – курс США на углубление раскола Латинской Америки, превращение Мексики, стран Центральной Америки и Карибского бассейна в своего рода привилегированных партнеров, активная маргинализация леворадикальных латиноамериканских режимов. Наметилась тенденция снижения значимости региона на шкале внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов США.

Спровоцированные «сланцевой революцией» в США фундаментальные потрясения на мировом рынке сырья и топлива в существенной мере предопределили масштабные политические подвижки в Южной Америке: уход с политической сцены левых сил

в Аргентине и Бразилии, резкую дестабилизацию обстановки в Венесуэле, заметное сужение электоральной базы левых радикалов. Обозначилась заинтересованность Аргентины и Бразилии к налаживанию более тесного взаимодействия с Вашингтоном.

Что касается США, то они продолжают занимать преимущественно выжидательную позицию, рассматривая регион как слабое, маргинализирующееся звено мировой системы. Важным элементом экономической стратегии США становится усиление давления на «привилегированных союзников», прежде всего Мексику. Предполагаемое строительство стены вдоль границы, ужесточение миграционного законодательства представляют собой первые шаги по реализации «нового курса», провозглашенного Д. Трампом. Впереди пересмотр «Соглашения о Североамериканской зоне свободной торговли», что может осложнить для Мексики торговые отношения с США и ограничить активность американских инвесторов. По оценкам специалистов, давление Вашингтона уже негативно отразилось на состоянии мексиканской экономики. В 2016 г. динамика ВВП Мексики снизилась до 2%. В 2017 г. ожидается дальнейшее снижение до 1,8% [Balance Preliminar..., рис. A13].

Таким образом, Латинская Америка стоит перед угрозой возрастающего давления мировых центров силы. Национальные интересы латиноамериканских стран требуют принятия неотложных мер, призванных обеспечить стабилизацию хозяйственной обстановки в регионе и устойчивое развитие внешнеэкономических связей.

Трудные решения

Латиноамериканские страны нуждаются в выработке экономической стратегии, отвечающей современным требованиям. Суть проблемы состоит в фундаментальном изменении условий развития. На предыдущем этапе его основу составляли произвольное перераспределение финансовых ресурсов в пользу экспортеров сырья, топлива и продовольствия, огромный приток в Латинскую Америку внешних средств в форме экспортной выручки, иностранного кредитования, прямых инвестиций. Эти благоприятные внешние условия стали достоянием прошлого. На передний план выходит задача мобилизации и рационального использования собственных внутренних финансовых ресурсов. Ее решение представляется достаточно сложным и требует нового видения хозяйственной и политической обстановки, пересмотра утвердившихся подходов.

В этой связи обращают на себя внимание новейшие разработки ЭКЛАК, в которых содержатся ориентиры на ближайшую перспективу хозяйственного развития региона. Они сводятся к двум основным положениям: 1) продолжение социально ориентированного экономического курса с целью выравнивания доходов и 2) обеспечение устойчивого развития на базе активной охраны окружающей среды.

Указанные цели имеют несомненную значимость. Но они не учитывают в полной мере сложность реального положения и не могут стать основой эффективной экономической стратегии. Ее сердцевину должен составлять комплекс мер, обеспечивающих в приоритетном порядке экономическое развитие, включая интенсификацию инвестицион-

ной сферы, масштабное расширение государственного участия в экономике, активное использование всех форм государственно-частного партнерства, борьбу за повышение их эффективности и решительное пресечение коррупции и других злоупотреблений.

Формирование нового курса, уже начавшееся в ряде стран, сталкивается с немалыми препятствиями (отсутствием ясных целей, острой внутривнутриполитической борьбой, противоречивостью экономических интересов). Но все более очевидно, что реальной альтернативы этому курсу нет.

Не менее важными являются меры, нацеленные на укрепление внешнеэкономических позиций стран Латинской Америки. В обстановке усиливающегося давления, с которым сталкивается регион, принципиальное значение приобретает отказ от прежней пассивной линии во взаимодействии с ведущими партнерами и переход к активным акциям по защите национальных интересов. Ключевыми элементами новой стратегии должны стать усилия по обеспечению координации и единства действий латиноамериканских стран и эффективному использованию новых закономерностей, формирующихся в условиях становления двухполярного мира.

На первом направлении латиноамериканским сообществом уже предприняты усилия. Они частично материализовались на саммите 2015 г. в Пекине и на переговорах с ЕС в 2016 г. в Брюсселе. Однако их результативность пока остается невысокой. Задача повышения эффективности коллективных действий латиноамериканского сообщества представляется исключительно актуальной.

Со вторым направлением, связанным, в частности, с поддержанием баланса во взаимоотношениях с мировыми центрами силы, дело обстоит сложнее. Ни Мексике, ни Бразилии, предпринимавшим попытки такого рода, существенных экономических или политических дивидендов это не принесло [Более подробно см.: Клочковский 2017].

Латинская Америка стоит на рубеже трудных, но исторически важных решений, от характера которых будет зависеть экономическое и социальное будущее региона.

Литература:

Давыдов В.М. Детерминация развития Латино-Карибской Америки. Сопряжение глобальной и региональной проблематики. М. 2016.

Клочковский Л.Л. Латинская Америка и мировые центры силы // Латинская Америка. 2016. № 08.

Клочковский Л.Л. Латинская Америка: к новым рубежам экономического и социального прогресса// Латинская Америка. 2017. № 04.

Латинская Америка на пути экономической модернизации. М. 2016.

Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. А.А. Дынкина; ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. М. 2017.

ИМЭМО. №6. 2017.

Яковлев П.П. «Эффект Трампа» или конец глобализации? М. 2017.

- Balance Preliminar de las Economías de América Latina y el Caribe. CEPAL. 2016. – URL: repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/40825/91/S1601333_es.pdf (date of access: 02.10.2017).
- De La Torre A., Didier Brandao T., Ize A., Lederman D., Schmukler S. L.* Latin America and the Rising South: Changing World, Changing Priorities . World Bank Group. 2015.
- Digital Globalization: The New Era of Global Flows New York. McKinsey Global Institute. 2016. – URL: mckinsey.com/business-functions/digital-mckinsey/our-insights (date of access: 02.10.2017).
- Estudio Económico de América Latina y el Caribe. CEPAL. 2015.
- Estudio Económico de América Latina y el Caribe. CEPAL. 2016.
- Examen Estadístico del Comercio Mundial 2016. OMC. Julio 2016.
- Global Economic Prospects. The World Bank. June 2017.
- Panorama de la Inserción Internacional de América Latina y el Caribe. La región frente a las tensiones de la globalización. CEPAL. 2016.
- Poorer than their parents? Flat or Falling Incomes in Advanced Economies. McKinsey Global Institute. 2016. – URL: mckinsey.com/search?q=Poorer%20than%20their%20parents%3F%20Flat%20or%20Falling%20Incomes%20in%20Advanced%20Economies (date of access: 02.10.2017).
- Rosales V. Osvaldo*, Crisis y debates sobre globalización en Europa y los Estados Unidos: implicaciones para América Latina. CEPAL Serie Comercio Internacional. N°129. 2017.
- UNCTAD. Handbook of Statistics. New York and Geneva. 2017.
- UNCTAD. Handbook of Statistics. New York–Geneva. 2016. – URL: unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdstat41_en.pdf (date of access: 02.10.2017).
- World Trade Statistics Review 2016. WTO. Geneva. 2016.

УДК 338; 339; 327

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Азиатско-Тихоокеанский регион и будущее глобальной экономики

Аннотация. Развитие мировой экономики и торговли во все большей степени зависит от положения дел в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где в последние годы происходят хозяйственные сдвиги планетарного масштаба. Крупные изменения ожидают этот район мира в связи с приходом администрации Дональда Трампа, которая существенным образом трансформирует внешнеэкономический курс Вашингтона.

Ключевые слова: АТР, мировая экономика, мировая торговля, регионализм, Китай, АТЭС, американо-китайские отношения, внешняя торговля США, внешняя торговля ЕС.

Процесс глобализации, в течение десятилетий определявший основной вектор развития мировой экономики и торговли, начал пробуксовывать. Впервые признаки торможения дали о себе знать в период кризиса 2008–2009 гг., когда десятки государств прибегли к протекционистским мерам, чтобы защитить своих производителей от внешней конкуренции. Практика протекционизма вошла в клинч с политикой многосторонней либерализации торговых отношений, проводимой с середины XX столетия.

То, что дальнейшая либерализация международной торговли (прежде всего в интересах главных игроков глобальной экономики – транснациональных корпораций) застопорилась, в Вашингтоне было воспринято как провал политики «глобального мультилатерализма». Альтернативой ему США решили сделать «региональный мультилатерализм» – формирование интеграционных объединений, способных на практике реализовать либеральные нормы и правила трансграничной торговли в отдельно взятых регионах [The Geopolitics...]. Таким образом планировалось придать дополнительный импульс угасающей глобализации, дать жизнь «новому глобализму».

В период президентства Барака Обамы в фокусе внешнеэкономического курса США было формирование торгово-экономических мегаблоков нового поколения в регионах Атлантики и Тихого океана. В первом случае речь шла о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП) с государствами Европейского союза, во втором – о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) с группой стран Азиатско-Тихооке-

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович – руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук; yakovlev@yandex.ru.

анского региона (АТР). По замыслу Вашингтона, эти гигантские объединения должны были стать своего рода «гравитационным центром» глобальной экономики и усилить позиции американских корпораций в системе будущих мирохозяйственных связей [Яковлев. Политико-экономическое...]. Однако приход в Белый дом администрации Дональда Трампа внес существенные коррективы в международную торгово-экономическую политику Вашингтона. В частности, резким поворотом была отмечена стратегия США на ключевом для судеб глобальной экономики азиатско-тихоокеанском пространстве. Именно в отношении государств АТР Д. Трампом были приняты первые радикальные решения, имеющие далеко идущие последствия для всего мира.

Страны АТР в мировой экономике и торговле

Глобальный финансово-экономический и воспроизводственный кризис 2008–2009 гг. придал дополнительную динамику хозяйственным процессам, развивавшимся на азиатско-тихоокеанском экономическом пространстве, ускорил его превращение в крупнейший центр мировой экономики и торговли. Это и не удивительно, поскольку к этому району планеты примыкает свыше 50 государств и территорий, включая крупнейшие экономические державы: Индию, КНР, США, Японию, Канаду, Россию, Южную Корею, Тайвань, Сингапур, Индонезию, Мексику, Австралию, Вьетнам, Таиланд и т.д. Именно АТР уверенно лидирует по темпам прироста ВВП и объема внешнеторгового оборота, интенсивно наращивает промышленное производство, демонстрирует выдающиеся достижения в эффективном коммерческом использовании результатов научно-технического прогресса, активно внедряет инновации. В основе общепризнанных хозяйственных успехов многих стран АТР лежат их конкурентные преимущества, обеспеченные высоким уровнем накоплений, сравнительно низкой (в большинстве случаев) стоимостью рабочей силы, курсом на форсированную индустриализацию, четко выраженной экспортной ориентацией национальных экономик.

По данным Всемирного банка на 2015 г., в числе 30 крупнейших мировых экономик (топ-30) фигурировали 11 ведущих азиатско-тихоокеанских стран (АТР-11), на долю которых приходилось около 59% мирового ВВП (табл. 1).

Таблица 1

Топ-30 стран по размеру ВВП в 2015 г. (текущие цены, млрд долл.)

№	Страна	ВВП	№	Страна	ВВП
1	США	18037	18	Турция	718
2	КНР	11008	19	Швейцария	671
3	Япония	4383	20	Саудовская Аравия	646
4	Германия	3364	21	Аргентина	583
5	Великобритания	2858	22	Швеция	496
6	Франция	2419	23	Нигерия	481
7	Индия	2095	24	Польша	477
8	Италия	1822	25	Бельгия	455
9	Бразилия	1775	26	Иран	425
10	Канада	1551	27	Таиланд	395

№	Страна	ВВП	№	Страна	ВВП
11	<i>Южная Корея</i>	1378	28	Норвегия	387
12	<i>Австралия</i>	1339	29	Австрия	377
13	<i>Россия</i>	1331	30	ОАЭ	370
14	Испания	1199	Мировой ВВП		74153
15	Мексика	1144	ВВП стран топ-30		63796
16	Индонезия	862	Доля АТР-11 в мировом ВВП		58,7%
17	Нидерланды	750	Доля АТР-11 в ВВП топ-30		68,2%

Источник: [The World Bank] (Страны АТР выделены курсивом).

Разумеется, среди очень разных азиатско-тихоокеанских государств имеются свои лидеры и аутсайдеры. В решающей степени своим геоэкономическим возвышением АТР обязан КНР, ставшей второй экономикой мира и крупнейшим мировым экспортером товаров, прежде всего промышленных.

В 1980–2015 гг., за три с половиной десятилетия, ВВП Китая в текущих ценах вырос со 191 млрд до 11 трлн долл. (почти в 58 раз!), что является беспрецедентным явлением в мировой экономической истории, изменившим соотношение сил в системе мирохозяйственных связей (рис. 1).

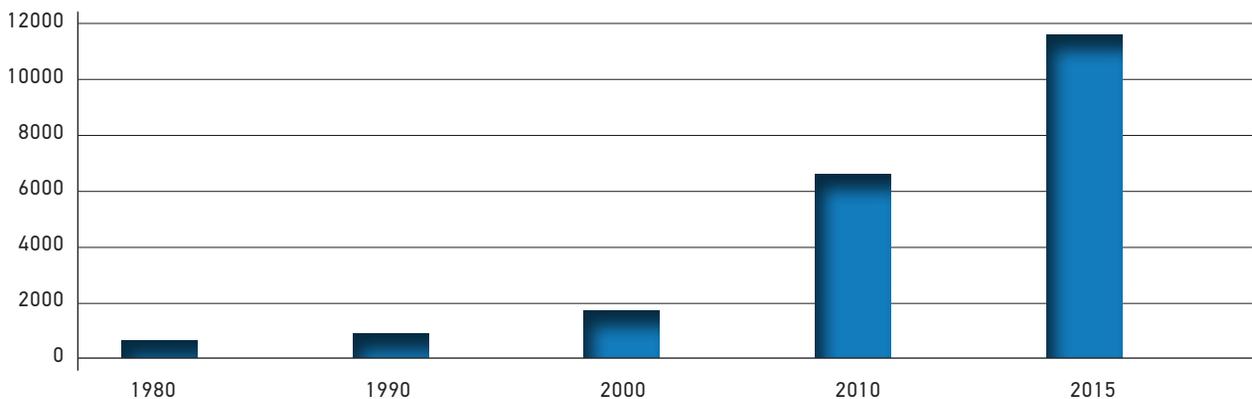

Рис. 1. Динамика ВВП Китая (млрд долл.)

Источник: [China GDP]

Но если по объему ВВП, рассчитанному по официальному обменному курсу национальных валют, Китай еще уступает Соединенным Штатам (хотя и «наступает им на пятки»), то по размеру товарного экспорта Поднебесная уже ряд лет не знает себе равных и уверенно занимает первое место в глобальной таблице о рангах, далеко опережая все другие государства-экспортеры, включая традиционных «чемпионов» международной торговли: США, Германию и Японию. Доля Китая в мировом товарном вывозе повысилась с 1,2% в 1983 г. до 14% в 2015 г. (рис. 2). Подобного экспортного спурта не было никогда.

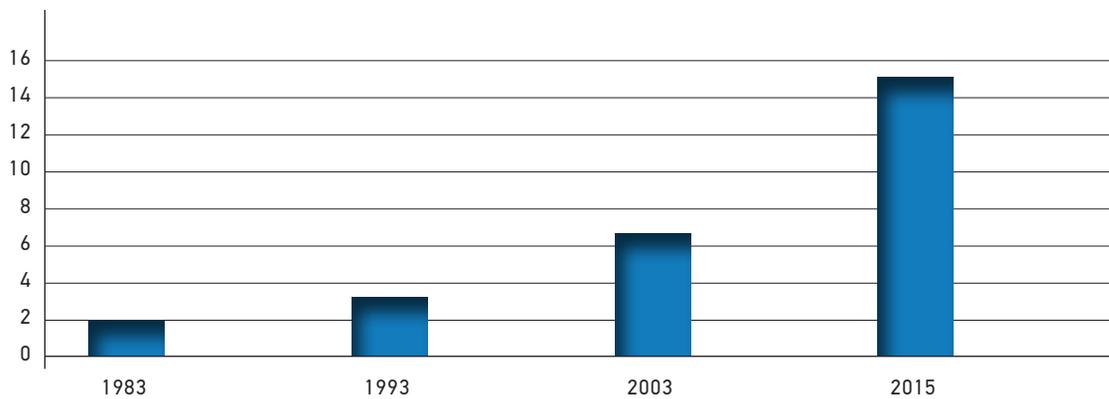

Рис. 1. Доля КНР в мировом товарном экспорте (%)

Источник: [WTO. P. 92].

Что касается других стран АТР, они представляют значительное разнообразие национальных экономических систем и природных ресурсов. В том числе: высокие технологии Японии, Южной Кореи, Сингапура, Тайваня и западного побережья США, индустриальные хабы Мексики, Вьетнама и Малайзии, энергетическое сырье России, Канады и Индонезии, полезные ископаемые Австралии, Перу, Чили и Филиппин, продовольствие Новой Зеландии, Колумбии, Таиланда, Эквадора и центральноамериканских стран, неисчерпаемые людские ресурсы Индии и т.д. Такого рода «единство в многообразии» является существенным фактором дальнейшего укрепления конкурентных позиций АТР в мировом хозяйстве и международной торговле.

В 2015 г. в списке топ-30 ведущих стран-экспортеров больше половины (ИТС) составили азиатско-тихоокеанские государства (АТР-16), причем на их долю пришлось свыше 60% совокупного объема экспортных поставок этих стран и почти 51% общемирового показателя (табл. 2).

Таблица 2

Топ-30 стран-экспортеров в 2015 г. (товары, млрд долл.)

№	Страна	Экспорт	№	Страна	Экспорт
1	Китай	2275	18	Испания	282
2	США	1505	19	Индия	267
3	Германия	1329	20	ОАЭ	265
4	Япония	625	21	Таиланд	214
5	Нидерланды	567	22	Саудовская Аравия	202
6	Южная Корея	527	23	Малайзия	200
7	Гонконг	511	24	Польша	198
8	Франция	506	25	Бразилия	191
9	Великобритания	460	26	Австралия	188
10	Италия	459	27	Вьетнам	162

№	Страна	Экспорт	№	Страна	Экспорт
11	<i>Канада</i>	408	28	Чешская Республика	158
12	Бельгия	398	29	Австрия	152
13	<i>Мексика</i>	381	30	<i>Индонезия</i>	150
14	<i>Сингапур</i>	351	Мировой экспорт		16482
15	Россия	340	Экспорт стран топ-30		13849
16	Швейцария	290	Доля АТР-16 в мировом экспорте		50,9%
17	Тайвань	285	Доля АТР-16 в экспорте топ-30		60,6%

Источник: [WTO. – P. 94]. (Страны АТР выделены курсивом).

Несмотря на впечатляющий прогресс в хозяйственном развитии и наращивании внешнеторгового оборота, важной геоэкономической и геополитической характеристикой этого обширнейшего региона остается «феномен чистого листа» [Салин]. Другими словами, на пространстве АТР (во многом в силу его гигантских масштабов) до настоящего времени не создана сеть устойчивых стратегических интересов и прочных взаимных обязательств ведущих мировых держав, отсутствуют торгово-экономические объединения интеграционного типа с участием если не всех, то, по крайней мере, основных региональных игроков. По сути, здесь только формируются многосторонние механизмы взаимодействия, без которых невозможно эффективно задействовать весь совокупный потенциал региона. Опыт других районов мира (прежде всего Европы) да и сама жизнь подсказывают, что торгово-экономическое сотрудничество в АТР должно осуществляться по двум трекам: межнациональному (двусторонние контакты между странами) и наднациональному (многостороннему), который играет особую роль в разработке и продвижении общерегиональных проектов, развитии объединительных процессов.

Насущная необходимость создания интеграционных блоков давно признана политическим истеблишментом и деловыми сообществами азиатско-тихоокеанских государств [Воронова, Пермякова]. Нельзя сказать, что на этом направлении до настоящего времени ничего не было сделано. Напротив, страны тихоокеанского бассейна предприняли немалое количество попыток экономического объединения, образования интеграционных группировок и создания региональных банков развития. Вот наиболее известные из них:

- АТЭС – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (учреждено в 1989 г. в Канберре, Австралия, штаб-квартира находится в Сингапуре, насчитывает 21 участника);
- АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (создана в 1967 г. в Бангкоке, Таиланд, секретариат расположен в Джакарте, Индонезия, объединяет 10 стран-членов);
- Тихоокеанский альянс – образован в 2012 г. четырьмя латиноамериканскими странами: Мексикой, Колумбией, Перу и Чили. Насчитывает 49 государств-наблюдателей;
- АБР – Азиатский банк развития (основан в 1966 г., штаб-квартира находится в Маниле, Филиппины. Включает 48 региональных и 19 нерегиональных членов);

- АБИИ – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (образован в 2014 г. в Пекине, где представители 21 страны подписали «Меморандум о взаимопонимании». Впоследствии число государств-членов возросло до 57, штаб-квартира находится в Пекине).

Тем не менее, уровень интеграции в АТР явно недостаточен. Актуальна задача формирования мегарегиональных объединений нового поколения («углубленного типа») [Саламатов]. Решить ее вознамерилась администрация Б. Обамы, пролоббировавшая создание ТТП, поскольку считала жизненно важным для торгово-экономических и стратегических интересов США консолидацию и расширение их позиций в тихоокеанском регионе.

Значение деловых связей с государствами АТР для американского бизнес-сообщества убедительно иллюстрируют данные о торговле Вашингтона с участниками АТЭС. На их долю в последние годы приходилось 64–66% всего товарооборота Соединенных Штатов (табл. 3). Другими словами, речь идет о регионе, где сконцентрированы колоссальные интересы американских ТНК.

Таблица 3

Торговля США с участниками АТЭС (товары, млрд долл.)

Показатель	2013	2014	2015	2016
Товарооборот США в целом	3905	4031	3811	3705
Экспорт в целом	1578	1620	1504	1454
Импорт в целом	2327	2411	2307	2252
Товарооборот с АТЭС	2490	2591	2497	2431
Экспорт на рынки АТЭС	970	1001	936	906
Импорт из стран АТЭС	1520	1590	1561	1524
Сальдо в торговле с АТЭС	-550	-589	-625	-618
Доля АТЭС в товарообороте США (%)	64	64	66	66
Доля АТЭС в экспорте (%)	62	62	62	62
Доля АТЭС в импорте (%)	65	66	68	68

Источник: [ITC].

Именно АТР рассматривался Вашингтоном как главное географическое направление торгово-экономической экспансии. В качестве наиболее эффективного инструмента стратегии в этом районе мира администрация Б. Обамы избрала формирование ТТП – интеграционного мегаблока, предложение о создании которого было выдвинуто Новой Зеландией, Сингапуром и Чили еще в 2003 г. [Яковлев.Трансатлантическое]. После длительных переговоров 12 государств АТР во главе с США, но без участия Китая, сумели преодолеть бесчисленные разногласия и прийти к соглашению, подписанному 4 февраля 2016 г. в Окленде, Новая Зеландия. Практическая реализация достигнутой договоренности должна была открыть путь к формированию межрегионального торгово-экономического объединения нового типа [Office...]. Главная особенность ТТП – беспрецедентное расширение бизнес-возможностей транснационального капитала

и принятие правил, защищающих интересы ТНК во взаимоотношениях с суверенными государствами.

В торговле с подавляющим большинством азиатско-тихоокеанских государств у Соединенных Штатов стабильно наблюдался значительный дефицит (в товарообороте с АТЭС в 2013–2016 гг. он суммарно составил свыше 2382 млрд долл.). Особенно неблагоприятно для Вашингтона складывался товарообмен с Китаем: в 2010–2016 гг. при общем объеме товарооборота в 3175 млрд долл. отрицательное сальдо для США превысило 2390 млрд долл., или более 60% (табл. 4). Именно колоссальный дисбаланс в американско-китайской торговле послужил для Д. Трампа одним из самых сильных аргументов в пользу отстаивания политики протекционизма.

Таблица 4

Торговля США с КНР (товары, млрд долл.)

Год	Экспорт	Импорт	Объем	Сальдо
2010	91,9	383,0	474,9	-291,1
2011	104,1	417,3	521,4	-313,2
2012	110,5	444,4	554,9	-333,9
2013	121,7	459,1	580,8	-337,4
2014	123,7	486,3	610,0	-362,6
2015	116,2	502,6	618,8	-386,4
2016	115,8	481,8	597,6	-366,0
2010–2016	783,9	3174,5	3958,4	-2390,6

Источник: [ИТС].

По утверждению нынешнего американского президента, реализация проекта ТТП могла, с одной стороны, привести к опережающему росту экспорта промышленной продукции азиатских и латиноамериканских компаний на рынок США, а с другой – еще больше стимулировать американские ТНК к вывозу капиталов в те развивающиеся государства, которые предоставляют иностранным компаниям наиболее благоприятные условия для ведения бизнеса (дешевое сырье, низкая стоимость рабочей силы, слабая социальная защищенность наемных работников, гибкое налоговое законодательство и т.д.). Все это дало повод Д. Трампу категорически выступить против участия Соединенных Штатов в транстихоокеанском партнерстве.

Итоги саммита АТЭС в Лиме

В условиях растущего беспокойства по поводу судьбы ТТП в столице Перу Лиме во второй половине ноября 2016 г. собрался очередной, XXIV саммит АТЭС, в работе которого приняли участие первые лица ключевых государств, входящих в это крупнейшее межрегиональное объединение: Австралии, Канады, Китая, Мексики, США, России, Японии и др. Саммит в Лиме прошел под девизом «Качественный рост и развитие человеческого капитала», но на практике в центре дискуссий были вопросы, связанные с кризисом процесса глобализации и усилением неустойчивости

сложившейся системы мирохозяйственных связей. Значительное внимание было уделено поиску новых источников экономического роста, обеспечению его инклюзивного характера, а также перспективам интеграции на азиатско-тихоокеанском пространстве.

В итоговой декларации лимского форума отмечалось, что мировая экономика сталкивается с серьезными проблемами и вызовами, а ситуация во многих государствах характеризуется неравномерностью экономического роста, увеличением социального неравенства, деградацией окружающей среды. В данной связи делался вывод, что глобализация и связанные с ней социально-экономические процессы все чаще «ставятся под вопрос», а «усиливающаяся неопределенность лишает уверенности в ближайшем будущем» [Asia-Pacific... 2016]. Вместе с тем документ предостерегал от увлечения критикой глобализации вместо ее корректировки и совершенствования, от тотального протекционизма и экономического изоляционизма.

В Лиме участники АТЭС договорились поддерживать открытость национальных рынков и «бороться со всеми формами протекционизма». Специально подчеркивалось, что обращение к протекционистским практикам «ослабляет международную торговлю» и «замедляет прогресс в деле экономического восстановления». Более того, поскольку судьба ТПП в связи с победой Д. Трампа становилась туманной, в Лимскую декларацию был включен пункт о поддержке членами АТЭС предложения Пекина создать Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство или, как это фигурирует в документах АТЭС, Зону свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе (ЗСТАТ). Напомним, что решение о начале работы по формированию ЗСТАТ было пролоббировано китайским руководством на XXII саммите АТЭС в ноябре 2014 г. в Пекине, где стартовала выработка «дорожной карты» нового регионального интеграционного объединения [Asia-Pacific... Free Trade].

Уже в самом начале проект ЗСТАТ воспринимался в политических и экспертных кругах как «китайский ответ» планам Вашингтона по созданию ТПП. Не случайно в состав ЗСТАТ не предполагалось включать США, а в рамках ТПП не было места для Китая (впрочем, как и для России). Пекину было ближе формирование ЗСТАТ путем постепенного расширения уже существующей с 2010 г. зоны свободной торговли между КНР и странами АСЕАН.

Таким образом, в середине 2010-х годов на огромном пространстве АТР возникла конкуренция двух геоэкономических и геополитических концепций дальнейшей эволюции интеграционных процессов в этом районе мира. Подписание соглашения о ТПП означало переход стратегической инициативы к США, но победа Д. Трампа смешала все карты и предоставила китайскому руководству возможность с удвоенной энергией педалировать идею расширения зоны АСЕАН-КНР в сторону ее превращения в ЗСТАТ. Не случайно председатель КНР Си Цзиньпин, выступая в Лиме, подчеркнул, что перед лицом протекционистских планов нового хозяина Белого дома Китай будет проводить политику большей торгово-экономической открытости и еще активнее «участвовать в глобализации» [Сиé].

По утверждениям международных наблюдателей, китайский лидер стал главным действующим лицом на саммите АТЭС. На полях и в кулуарах форума политиками и экспертами широко обсуждались варианты продвижения вперед в развитии интеграционных процессов в АТР без участия Соединенных Штатов [Asia-Pacifico...]. Ряд руководителей государств официально подтвердили свою приверженность принципам регионального экономического сотрудничества и продемонстрировали заинтересованность в расширении зон свободной торговли и формировании мегаблоков. «Если США не хотят участвовать в ТТП, мы будем добиваться подписания соглашения без них, но с Китаем и Россией», – без обиняков заявил хозяин форума, президент Перу Педро Пабло Кучински [Cué].

Проблема интеграционных мегаблоков и новых зон свободной торговли тесно связана с задачей создания транспарентной системы международного движения товаров и услуг на основе норм и правил ВТО и специальных многосторонних соглашений. Россия вместе с Китаем выступает в пользу такой системы, что нашло свое подтверждение в ходе дискуссий в Лиме. Но Москва и Евразийский экономический союз (ЕАЭС) еще не готовы к переговорам по участию в будущей ЗСТАТ. Для этого необходимо прежде решить ряд внутренних проблем ЕАЭС и придать ему больший международный вес, чтобы эффективнее отстаивать свои интересы в ходе переговорного процесса.

Итоги лимского саммита АТЭС зафиксировали начало охлаждения в международных экономических отношениях США после победы Д. Трампа на президентских выборах. Практически сразу после инаугурации новый хозяин Белого дома перешел от слов к делу и отозвал подпись США под учредительным документом ТТП.

Китай в год Огненного Петуха

Выход Вашингтона из проекта транстихоокеанского мегаблока вызвал разочарование в большинстве государств АТР, которые выступают против политики протекционизма и считают необходимым добиваться прорывных договоренностей в интеграционной области, создавать прочный институциональный каркас азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества. В новых условиях сложились предпосылки для значимых геополитических перемен: у Китая появились неплохие шансы потеснить США и занять место лидера в АТР, а у России – найти свое достойное место в будущих региональных структурах.

Разумеется, Вашингтон (кто бы ни был американским президентом) не собирается без боя уступать Пекину роль локомотива азиатско-тихоокеанской интеграции и, следовательно, главного игрока глобальной экономики и мировой торговли. Но если прежде главным инструментом в арсенале США была игра на опережение – приоритетное выстраивание межрегиональных мегаблоков в интересах американских ТНК, – то сейчас стратегический курс Вашингтона на биконтинентальном пространстве АТР предстает в видоизмененной геополитической ипостаси. Соединенные Штаты будут не столько инициировать создание новых мегаблоков, сколько тормозить развитие интеграционных процессов, сжимать зоны многостороннего торгово-финансового со-

трудничества в этом районе мира, строить отношения с партнерами на двусторонней основе, добиваясь максимально выгодных для себя условий.

Острие этого курса направлено против Китая. Многократно обвиняя Пекин в «валютных манипуляциях» и других грехах, Д. Трамп еще в ходе предвыборной кампании четко дал понять, что он своей международной финансово-экономической политикой намерен создать проблемы развитию Поднебесной, ограничить ее глобальную внешнеторговую экспансию и остановить каток китайского хозяйственного роста. В частности, Вашингтон может продолжить наступление на китайскую валюту – юань, чтобы ее ослабление побудило зарубежных инвесторов к массивному вывозу капиталов из КНР. Собственно, это уже и происходит. В августе 2015 г. Народный банк Китая (Центробанк этой страны) был вынужден ослабить курс юаня к доллару на 3%, что потрясло мировые фондовые рынки. За 2016 г. юань подешевел еще на 7%. В результате, по имеющимся оценкам, в 2015–2016 гг. из Китая «убежало» порядка 1,6 трлн долл. [Financial...]. Китайские власти с помощью ужесточения валютного контроля пытались остановить этот процесс, но, как показали факты, чем больше было ограничений, тем активнее инвесторы стремились вывести свои активы. Одновременно происходило сокращение валютных резервов КНР (в ноябре 2016 г. – почти на 70 млрд долл.), а попытки Пекина ограничить отток капиталов вызвали нарекания многих западных компаний, у которых возникли проблемы с перечислением дивидендов из Китая в свои головные офисы за рубежом. Как отметила Торговая палата Евросоюза в КНР, подобные рестриктивные действия китайских властей «создают помехи бизнес-операциям» [China's...].

Ответ Пекина на обвинения со стороны Д. Трампа не заставил себя долго ждать и был вполне предсказуемым. На Всемирном экономическом форуме в Давосе в середине января 2017 г. Си Цзиньпин (он стал первым высшим руководителем КНР, посетившим это знаковое ежегодное мероприятие) не только подтвердил китайскую позицию, озвученную на саммите АТЭС в Лиме, но и выступил с предупреждением относительно возможных разрушительных последствий политики развязывания торговых и валютных войн. Одновременно лидер Китая отверг утверждения Д. Трампа о «манипуляциях» обменным курсом юаня. Повышенный интерес мировых средств массовой информации привлекла оценка, данная Си Цзиньпином процессу глобализации и его эффектам. «Многие из проблем, с которыми сталкивается глобальная экономика, не вызваны глобализацией», – подчеркнул председатель КНР и пояснил, что главной причиной кризисных потрясений является отсутствие адекватного международного финансово-экономического регулирования, а также стремление банков и промышленных компаний к получению прибыли «любой ценой» [González].

В конце января 2017 г. в авторитетном деловом журнале «Bloomberg Businessweek» появилась статья премьер-министра КНР Ли Кэцзяна, лейтмотив которой сводился к тому, что «экономическая глобализация сделала возможным создание и распределение беспрецедентного богатства», а имеющиеся проблемы могут и должны быть решены совместными усилиями всех стран. «В мире, полном неопределенностей, – подчеркнул премьер, – Китай являет собой символ стабильности и роста благодаря постоянной приверженности реформам, открытости в экономике и принципам свобод-

ной торговли» [China Premier...]. Тем самым идея о новой международной миссии КНР – стать «якорем стабилизации» глобальной экономики – была вброшена китайскими руководителями в мировое информационное пространство.

Разрыв Вашингтона с проектом ТТП и твердая позиция Пекина в пользу сохранения процесса глобализации и продолжения интеграционных усилий в АТР вызвали во всем мире шквал комментариев, общим знаменателем которых стал тезис о том, что из-за позиции Белого дома на транстихоокеанском торгово-экономическом пространстве неизбежны кардинальные трансформации. Сложилось впечатление, что в 2017 г. – в год Огненного Петуха по восточному календарю – Китай сделал заявку на лидирующую роль в ключевом районе мира.

ТТП умер, да здравствует пост-ТТП!

Новая геоэкономическая ситуация заставила страны АТР обратить пристальное внимание на лидерские возможности Китая. В частности, премьер-министр Австралии Малколм Тернбулл допустил возможность того, что Китай займет место США в ТТП. С другой стороны, руководство Японии (страны, которая первой ратифицировала соглашение о транстихоокеанском партнерстве) считает, что выход Соединенных Штатов из проекта «делает бессмысленной» его реализацию, а приглашение КНР присоединиться к ТТП таит в себе «стратегические риски» [Larrouy].

Для правительства Синдзо Абэ решение Д. Трампа о выходе из проекта ТТП, призванного стать одной из опор нового либерального международного экономического порядка, явилось особенно болезненным ударом. Дело в том, что для промышленных корпораций Японии именно американский рынок является приоритетным в силу его объема и значительного профицита в товарообмене. Достаточно сказать, что в 2010–2016 гг. суммарное отрицательное сальдо США в торговле с Японией превысило 500 млрд долл. (табл. 5). Относительно свободный доступ на американский рынок был тем главным призом, который ориентированные на экспорт японские компании рассчитывали получить после вступления в силу соглашения о ТТП [Швыдко].

Таблица 5

Торговля США с Японией (товары, млрд долл.)

Год	Экспорт	Импорт	Объем	Сальдо
2010	60,5	123,8	184,3	-63,3
2011	65,8	132,6	198,4	-66,8
2012	70,0	150,5	220,5	-80,5
2013	65,2	142,1	207,3	-76,9
2014	66,8	137,5	204,3	-70,7
2015	62,5	134,8	197,3	-72,3
2016	63,3	135,3	198,6	-72,0
2010–2016	454,1	956,6	1410,7	-502,5

Выход США из процесса формирования ТТП, скорее всего, означает, что в обозримом будущем вашингтонская администрация не собирается пересматривать свою негативную позицию в отношении многосторонних усилий по координации национальных торговых и инвестиционных режимов. Иначе говоря, окончательное закрытие транстихоокеанского проекта даст старт новым переговорам, но уже на двусторонней основе. В этих условиях страны, подписавшие соглашение о ТТП, должны будут предпринять дополнительные усилия, чтобы на межстрановом уровне сохранить достигнутый в многостороннем формате баланс между полученными преимуществами и вынужденными уступками. Судя по всему, Япония на этот путь уже встала, о чем свидетельствовал визит С. Абэ в Вашингтон в первой половине февраля 2017 г. По итогам американо-японских переговоров подчеркивалось, что в сфере торгово-экономических отношений обе страны будут стремиться к «взаимной выгоде» (расхожий эвфемизм, скрывающий твердое намерение хозяина Белого дома добиваться более сбалансированного товарообмена и со Страной восходящего солнца, и с другими государствами АТР) [Remarks...].

Представляется очевидным, что для целого ряда крупных индустриально развитых тихоокеанских стран, заинтересованных в продвижении своих товаров на американский рынок, ставки в двусторонних переговорах чрезвычайно высоки, а сложности – исключительно большие. Нет сомнений в том, что США займут жесткую позицию, оказывая нажим на партнеров и выторговывая для себя максимально выгодные условия.

И еще одно обстоятельство стратегического характера, в свете усилий США по сдерживанию КНР и сокращению потенциала ее геоэкономического возвышения. Возможное относительное экономическое ослабление Китая (вне зависимости от того, произойдет оно под влиянием политики администрации Д. Трампа либо в результате критического накопления внутренних дисбалансов) не будет означать фронтального отступления АТР. Этот регион уже обладает столь значимым потенциалом хозяйственного, демографического и цивилизационного развития, что способен выдвигать новых лидеров роста. Ими могут стать Индия, Вьетнам, Индонезия, латиноамериканские члены Тихоокеанского альянса, другие страны, располагающие серьезными демографическими, природными и промышленными ресурсами. Не собираются сдавать позиции и государства, уже достигшие высокого уровня социально-экономического и технико-технологического развития (Канада, Австралия, Южная Корея и др.). Если Соединенные Штаты захотят сохраниться в роли ведущей глобальной державы, им будет необходима эффективная стратегия присутствия в АТР, что неизбежно обострит геоэкономическое и геополитическое соперничество на азиатско-тихоокеанском пространстве.

В марте 2017 г. с важной и своевременной дипломатической инициативой выступило правительство Чили – страны, проводящей открытую торгово-экономическую политику либерального толка и последовательно выступающую за создание максимально обширной зоны свободной торговли в АТР. Чилийские власти пригласили министров иностранных дел и торговли государств, подписавших соглашение о ТТП (исключая США), а также Китая, Южной Кореи и Колумбии, которые в настоящее время проявля-

ют интерес к участию в тихоокеанской интеграции [Países...]. Тем самым на развалинах проекта транстихоокеанского партнерства, похороненного администрацией Д. Трампа, может быть дан старт переговорам о создании нового мегарегионального объединения – пост-ТТП.

Два лидера лицом к лицу

6–7 апреля в частном клубе Mar-a-Lago во Флориде состоялись переговоры президента США Д. Трампа с председателем КНР Си Цзиньпином. Этот саммит рассматривался многими американскими и китайскими экспертами как шанс наладить личный контакт двух мировых политических тяжеловесов и снизить риски хозяйственных и геополитических конфликтов.

За участниками переговоров, наряду с задачами стратегического порядка, стояли конкретные интересы китайских и американских предприятий. Если китайских предпринимателей в первую очередь беспокоило озвученное Д. Трампом намерение ввести запретительные таможенные пошлины на товары из КНР, то пожелания американских бизнесменов были более разнообразными. В частности, бизнес-сообщество США не удовлетворяют правовые условия доступа иностранных компаний на китайский рынок (особенно в наиболее перспективных отраслях), а также практика «несправедливой» государственной поддержки в Китае национальных экспортеров, «заполонивших мировой рынок субсидированной продукцией». В ходе консультаций с помощниками президента, готовившими встречу с Си Цзиньпином, представители деловых кругов США, с одной стороны, демонстрировали интерес к участию в реализации масштабных инфраструктурных проектов на территории Китая, а с другой – приводили различные примеры дисбалансов в американо-китайских отношениях. Так, если в США импортируемые китайские автомобили облагаются таможенной пошлиной в размере 2,5%, то в Китае аналогичный налог на американские машины в 10 раз выше – 25%. Высокотехнологичные компании США указывали на опасность того, что новый закон КНР о кибербезопасности (принят 7 ноября 2016 г. и должен вступить в силу в июне 2017 г.) может носить дискриминационный характер в отношении американских фирм [Que...].

Давая общую оценку реальным торгово-экономическим результатам первого американо-китайского саммита, можно применить формулу «первый блин комом». Похожим образом охарактеризовали итоги встречи во Флориде многие международные средства массовой информации, зафиксировавшие сохраняющуюся «пропасть между позициями двух мировых лидеров» [Mars]. В том же духе высказался и сам Д. Трамп, который перед торжественным ужином в честь китайских гостей как бы в шутку заметил: «У нас (с Си Цзиньпином. – П. Я.) был долгий разговор, до сих пор не давший никакого результата, абсолютно никакого» [Presidente...].

Так или иначе, отказ США от планов создания тихоокеанского интеграционного мегаобъединения неизбежно приведет к усилению американо-китайского соперничества и окажет воздействие на будущее глобальной экономики.

Литература:

- Воронова Т.А., Пермякова Е.В.* Перспективы расширения и диверсификации экономических отношений России и АТЭС. Москва. 2012.
- Саламатов В.Ю.* Мегарегиональные торговые соглашения // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. № 9. С. 17-27.
- Салин П.Б.* Россия и Азия или Россия в Азии? – Режим доступа: globalaffairs.ru/print/ (дата обращения: 10.02.2017).
- Швыдко В.* Отказ США от ТТП: значение для Японии. 1 февраля 2017. – Режим доступа: russiancouncil.ru/inner/?ib_4=8650 (дата обращения: 08.03.2017).
- Яковлев П.П.* Политико-экономическое наследие Б. Обамы: европейский взгляд // *США * Канада: экономика, политика, культура*. 2016. № 12. С. 110-119.
- Яковлев П.П.* Трансатлантическое партнерство: контекст, значение, проблемные аспекты // *Перспективы*. Электронный журнал. 2016. № 4. С. 25-40.
- Asia-Pacific Economic Cooperation. 2016 Leaders' Declaration. Lima, Peru 20 Nov 2016. – Mode of access: apec.org (date of access: 10.12.2016).
- Asia-Pacific Economic Cooperation. Free Trade Agreements / Regional Agreements. – Mode of access: apec.org/Groups/Other-Groups/FTA_RTAs.aspx (date of access: 12.01.2017).
- Asia-Pacífico se moviliza ante el proteccionismo de Trump // *Cinco Días*. Madrid. 20.11.2016.
- China GDP (current US\$). – Mode of access: data.worldbank.org/country/china (date of access: 11.03.2017).
- China Premier Li Keqiang: 'Economic Openness Serves Everyone Better'. – Mode of access: bloomberg.com/news/articles/27-01-26/ (date of access: 12.02.2017).
- China's forex reserves drop \$70bn as outflow accelerates // *Financial Times*. London. 07.12.2016.
- Cué C.E.* Las grandes potencias económicas amenazan con unirse para aislar a Trump // *El País*. Madrid. 19.11.2016.
- Financial policy 2017 outlook. December 1, 2016. – Mode of access: bloomberg.com/ (date of access: 5.11.2016).
- González A.* Xi advierte en Davos de que no hay vencedores en una guerra comercial // *El País*. 17.01.2017.
- ITC. Trade Map. Trade Statistics for International Business Development. – Mode of access: trademap.org/Bilateral_TS.aspx (date of access: 24.02.2017).
- Larrouy D., Bayón A.* El proteccionismo de Trump abre la puerta a un nuevo orden comercial // *Cinco Días*. 25.01.2017.
- Mars A., Vidal Lij M.* Un abismo separa a Trump y Xi en su primera reunión // *El País*. Madrid. 07.04.2017.
- Office of the United States Trade Representative. TPP Full Text. – Mode of access: ustr.gov/trade-agreements/ (date of access: 05.09.2016).
- Países del Pacífico propondrán caminos para nuevo acuerdo post TPP en próxima cumbre. 9 marzo, 2017. – Mode of access: infolatam.com/ (date of access: 11.03.2017).
- Presidente chino insta a la cooperación comercial en su primera reunión con Trump. 7.04.2017. – Mode of access: americaeconomia.com/ (accessed: 15.04.2017).
- ¿Qué le piden los empresarios a Donald Trump para su reunión con el presidente chino? 4 de abril de 2017. – Mode of access: americaeconomia.com/ (date of access: 23.03.2017).
- Remarks by President Trump and Prime Minister Abe of Japan in Joint Press Conference. February 10, 2017. – Mode of access: whitehouse.gov/the-press-office/2017/02/10/ (date of access: 11.03.2017).

The Geopolitics of TTIP. Repositioning the Transatlantic Relationship for a 21. Changing World. Washington: Center for Transatlantic Relations, 2014.

The World Bank. Gross domestic product 2015. – Mode of access: databank.org/data/download (date of access: 11.03.2017).

WTO. World Trade Statistical Review 2016. Geneva: WTO, 2016.

УДК 94; 342

АЛЕКСАНДР РЕПНИКОВ

Русский консерватизм: Константин Победоносцев (к 190-летию со дня рождения)

Аннотация. Статья посвящена видному представителю русского консерватизма К.П. Победоносцеву (1827–1907), который стал символом целой эпохи – царствования Александра III. Рассматриваются основные факты жизни и общественно-политические взгляды этого государственного деятеля, его место в истории русской мысли, характеристики, которые давали ему современники и последующие исследователи.

Ключевые слова: Победоносцев, Константин Победоносцев, Александр III, русский консерватизм, русская мысль, власть.

«Горький исторический опыт показывает, что демократы, как скоро получают власть в свои руки, превращаются в тех же бюрократов, на коих прежде столь сильно негодовали, становятся тоже властными распорядителями народной жизни, отрешенными от жизни народной, от духа его и истории, произвольными властителями жизни народной, не только не лучше, но иногда еще и хуже прежних чиновников»

Константин Победоносцев
[Победоносцев, с. 183]

Этот человек являлся символом целой эпохи. Одни современники поносили его, изображая на карикатурах в виде страшного чудовища; другие восторгались им. Мало кто из них мог равнодушно произносить его фамилию. В советской историографии за ним прочно закрепилась характеристика «мракобес». В современной России его жизни и взглядам посвящены диссертации, монографические исследования и множество статей [Подробнее см.: Репников]. Кем же был этот человек, про которого А. Блок написал знакомые с детства строки:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи
А только тень огромных крыл;

Сведения об авторе: РЕПНИКОВ Александр Витальевич – доктор исторических наук, заместитель начальника Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории; repnikov@mail.ru.

Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна
[Блок, с. 421–422.].

Константин Петрович родился в Москве 21 мая 1827 года. Его отец Петр Васильевич был профессором российской словесности Московского университета, а дед – приходским священником¹. Семья была глубоко религиозной, и это оказало сильное влияние на формирование охранительных взглядов будущего обер-прокурора, вспоминая, что он был «воспитан в семье благочестивой, преданной царю и отечеству, трудолюбивой».

По окончании Императорского Училища правоведения (1846) Победоносцев был определен в канцелярию 8-го департамента Сената в Москве. Одновременно он изучал источники по истории русского гражданского права, выступал с публикациями и читал лекции в Московском университете. Продолжая нести службу, он в 1860 г. становится профессором Московского университета и почти два десятка лет работает над своим «Курсом гражданского права». Правительственная газета «Россия» после смерти Победоносцева так оценила этот труд: «Этой своей книгой Победоносцев создал науку русского гражданского права; он по справедливости может называться отцом и родоначальником этой науки». Видные правоведы Г.Ф. Шершеневич и А.Э. Нольде, расходившиеся в своих политических взглядах с Победоносцевым, признавали значимость его труда. На протяжении ряда лет Победоносцев преподавал законоведение членам императорской фамилии, в том числе будущим императорам Александру III и Николаю II, что способствовало его приближению к царской семье. Покинув Москву, он переехал в Петербург, где его карьера получила дальнейшее развитие: с 1868 года он сенатор, с 1872 – член Государственного совета по департаменту гражданских и духовных дел, с апреля 1880 по октябрь 1905 – обер-прокурор Святейшего Синода и одновременно с октября 1880 член кабинета министров.

В тридцатилетнем возрасте Победоносцев сотрудничал в «Голосах из России», издаваемых в Лондоне А.И. Герценом и Н.П. Огаревым. В опубликованном там памфлете «Граф В.Н. Панин. Министр юстиции» будущий апологет консерватизма показал себя поборником гласности, инициативы и свободы судов. Его привлекали к подготовке судебной реформы 1864, и его деятельность на этом поприще получила высокую оценку Александра II. Все это свидетельствует, что на определенном этапе жизни Победоносцев искренне верил в возможность либеральных преобразований сверху и лишь затем его взгляды эволюционировали в сторону консерватизма. Еще в ходе разработки судебной реформы он выступил против «безрассудного заимствования» не свойственных России юридических норм из французского кодекса, позднее критиковал военные

¹ Современные монархисты не слишком хорошо разбираются в биографии обер-прокурора. В статье о Победоносцеве некий В. Федоров в статье о Победоносцеве пишет, что тот «сын приходского священника» [Федоров, с. 576]. На самом деле он был внуком священника и сыном профессора Московского университета. В этой же статье дается отсылка к «Московскому сборнику» Победоносцева, но в издании мы находим только «Московский сборник» нашего современника Л. И. Бородина [Там же, с. 464].

реформы, осуществленные под руководством Д.А. Милютина, и даже подверг осуждению действия императора Александра II. Пересмотрев свою точку зрения на Великие реформы 1860–70-х годов в целом, Победоносцев, однако, никогда не отказывался от положительной оценки Крестьянской реформы 1861 года. При Александре III он оказывал значительное влияние на внутреннюю политику. В 1896 г. вышел его «Московский сборник», где он изложил свои общественно-политические и религиозные взгляды.

Критикуя либерализм и нигилизм, Победоносцев подчеркивал, что представительные учреждения имеют прямую связь с историей страны: «Не всякому быту, не всякой истории, не всякому народу свойственны эти учреждения. Они могут в порядке действовать только там, где есть для того условия в быте народном и в учреждениях прежнего времени (Англия)» [Записки, с. 78]. В Великобритании демократия оправдала себя, поскольку органично вписалась в государственную систему и укоренилась на исторически подготовленной почве. Но это вовсе не означает, что британские государственные формы являются эталоном и могут быть скопированы в России. Победоносцев полагал, что наиболее успешно британская система управления (исключая королевскую власть и аристократию) прижилась в Соединенных Штатах. Парламентаризм, по его мнению, мог существовать и развиваться в странах англосаксонского ареала и таких небольших европейских государствах, как Бельгия и Голландия. Попытки перенесения парламентских форм в остальную Европу и на Балканы он находил искусственными и неудачными.

Победоносцев негативно относился к процедуре выборов, считая их игрой на чувствах и эмоциях толпы, в которой побеждает более удачливый, но не всегда более профессиональный политик, а «ослепленная» предвыборными обещаниями масса даже не помышляет о соотношении этих обещаний с реальными возможностями. «История свидетельствует, что существенные, плодотворные для народа и прочные меры и преобразования исходили от центральной воли государственных людей или от меньшинства, просветленного высокою идеей и глубоким знанием; напротив того, с расширением выборного начала происходило принижение государственной мысли и вульгаризация мнения в массе избирателей; что расширение это в больших государствах или вводилось с тайными целями сосредоточения власти, или само собою приводило к диктатуре» [Победоносцев, с. 278].

В России парламентаризм, по убеждению Победоносцева, не мог позитивно обновить общественную жизнь, а сторонники этой идеи в лучшем случае были движимы наивным утопизмом и в худшем – стремлением к личной выгоде. «Выдавливание» монарха из реального политического процесса, неизбежное в случае развития представительных институтов, олицетворяло для Победоносцева десакрализацию мировоззренческих ценностей, стоящих за монархией.

Самодержавная власть, как ее видел Победоносцев, – это, прежде всего, огромная личная ответственность монарха перед Богом. «Власть не для себя существует, но ради Бога, и есть служение, на которое обречен человек... Дело власти есть дело непрерывного служения, а потому, в сущности, – дело самопожертвования» [Победоносцев,

с. 426, 427]. Любая власть (а тем более власть самодержца) – это жертва, приносимая во имя Отечества. О людях, которые, участвуя в управлении государством, не понимают сущность власти, Победоносцев писал: «Если б они понимали, что значит быть государственным человеком, они никогда не приняли бы на себя страшного звания: везде оно страшно, а особенно у нас в России. Ведь это значит – не утешаться своим величием, не веселиться удобством, а приносить себя в жертву тому делу, которому служишь, отдать себя работе, которая сжигает человека, отдавать каждый час свой и с утра до ночи быть в живом общении с живыми людьми, а не с бумагами только» [Письма Победоносцева..., с. 207.].

Власть самодержца «не есть привилегия, не есть простое сосредоточение человеческой власти, а есть тяжкий подвиг, великое служение, верх человеческого самоотвержения, крест, а не наслаждение». Следовательно, эта власть не может ограничиваться, «ибо всякое ограничение власти царя людьми освобождало бы его от ответа перед совестью и перед Богом. Окружаемый ограничениями, он уже подчинялся бы не правде, а тем или иным интересам, той или иной земной силе» [Тихомиров, с. 532, 531].

Ограничителем деспотизма власти, по Победоносцеву, должно быть не народное представительство, а религиозно-нравственные нормы. Стремясь подготовить наследника к «служению», Победоносцев писал Александру Александровичу (будущему Александру III): «Вся тайна русского порядка и преуспевание – наверху, в лице верховной власти... Где вы себя распустите, там распустится и вся земля. Ваш труд всех подвинет на дело, ваше послабление и роскошь зальет всю землю послаблением и роскошью – вот что значит тот союз с землею, в котором вы родились, и та власть, которая вам суждена от Бога» [Письма Победоносцева..., С. 53–54]. Схожие рассуждения содержатся в обращении к великому князю Сергею Александровичу в день его совершеннолетия: «Где всякий из граждан, частных людей, не стесняет себя, как частный человек, там Вы обязаны себя ограничивать, потому что миллионы смотрят на Вас как на Великого Князя, и со всяким словом и делом Вашим связаны честь, достоинство и нравственная сила Императорского Дома» [Победоносцев, с. 121].

В быту Победоносцев был скромным, неприязнительным человеком. В отведенном ему казенном доме на Литейном проспекте он занимал десять комнат из сорока, остальные пустовали. Его смущал блеск дворцовых приемов, и он даже предлагал Тютчевой начать движение против роскоши в одежде светских дам. Негативное отношение к «свету» сочеталось в его мировоззрении критикой интеллигенции. Петербург он сравнивал с большим рынком, где бессмысленно суетится толпа людей, «умеющих только кричать и пустословить». Откровенное неприятие интеллигенции встречается в письме Победоносцева С.А. Рачинскому: «Самые злодеи... суть не что иное, как крайнее искажение того же обезьянского образа, который приняла в последние годы вся наша интеллигенция» [Победоносцев К. П. в письмах..., с. 277]. В качестве положительного образца Победоносцев противопоставлял «свету» и образованной интеллигенции «простой» и «темный» народ, видя в нем опору существующего миропорядка, хранилище «запаса духовной силы и глубокой веры».

Православную церковь Победоносцев считал единственной истинной христианской церковью и всемерно ратовал за усиление ее роли, за организацию масштабных церковных торжеств, строительство храмов в «русском стиле», способствовал ужесточению репрессий против старообрядцев, баптистов (штундистов), униатов. Особым покровительством обер-прокурора пользовались церковно-приходские школы, которые, по его мнению, служили «единственным надежным средством к воспитанию нового поколения» в «смутное время, когда со всех сторон испорченные и безумные люди стараются поселить в народе разврат мысли ...». В этом же ключе – его деятельность по организации массового выпуска религиозной литературы и ужесточению цензуры. И.С. Аксаков предостерегал Победоносцева, сетуя на его негативное отношение к печати: «Страшный вред производит она, но и большое добро, – и добро это обусловливается допущением той свободы, которая дает место и вреду... Исторгая плевелы, не следует исторгать и пшеницу, и лучше не исторгать плевел, чем исторгнуть хоть один колос пшеницы. Так и во всем. Твоя душа слишком болезненно-чувствительна ко всему ложному, нечистому, и потому ты стал отрицательно относиться ко всему живому, усматривая в нем примесь нечистоты и фальши. Но без этого ничто живое в мире и не живет, и нужно верить в силу добра, которая преизбудет лишь в свободе» [К.П. Победоносцев..., с. 284].

Победоносцев внимательно относился к расстановке на ключевых постах людей из своей «команды». В кризисные дни марта 1881 он добился отклонения проекта так называемой конституции графа М.Т. Лорис-Меликова, что повлекло за собой отставку последнего с поста министра внутренних дел, а также уход со своих постов военного министра Милютина и министра финансов А.А. Абазы. Победоносцев содействовал назначению министром внутренних дел графа Н.П. Игнатьева, последующей его замене графом Д.А. Толстым и другим кадровым перестановкам. В период царствования Александра III Победоносцев взвалил на себя непосильное бремя власти. Как верно отметил В.В. Розанов, «Он соображал, что “делать”, это – значило именно самому делать». Письма обер-прокурора, обращенные к самодержцу, и доверительные письма к друзьям полны сетований на усталость, безысходность, тягостность его бытия.

Победоносцев стремился все регламентировать, за всем уследить, все «пропустить» через себя, но его действия оказывались малоэффективными. Осознавая это сам, он пессимистично отмечал, что «никакая страна в мире не в состоянии была избежать коренного переворота, что, вероятно, и нас ожидает подобная же участь и что революционный ураган очистит атмосферу». Великий князь Александр Михайлович зафиксировал, как Победоносцев сказал Николаю II: «Я признаю, что продление существующего строя зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии. Малейшее теплое дуновение весны – и все рухнет». В 1903 году, встретившись с Д.С. Мережковским по поводу закрытия Религиозно-философских собраний, Победоносцев произнес: «Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек» [Гиппиус, с. 230–231]. В.В. Розанов передает высказывание обер-прокурора несколько иначе: «Россия, это – бесконечный мир разнообразий, мир бесприютный и терпеливый, совершенно темный: а в темноте этой блуждают волки... дикое темное поле и среди него гуляет лихой человек... – А коли так, – кончил он, – то ничего в Рос-

сии так не нужно, как власть; власть против этого лихого человека, который может наделать бед в нашей темноте и голодье пустынной». В декабре 1904, наблюдая предреволюционные события, Победоносцев предрекал в письме к С.Д. Войту: «Пишите об уличных беспорядках. Еще будет! Увидите...».

После подписания Николаем II манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» Победоносцев ушел в отставку с тяжелым сердцем («Плачу об учреждениях и людях, коих оставляю»). Он чувствовал себя человеком, к которому относятся «как к зачумленному». В письме от 1 декабря 1905 г. он писал Шереметеву: «Власти нет никакой!» [«Мать мою...», с. 12]. Забастовки, созыв и роспуск 1-ой Государственной думы только усиливали мрачные прогнозы. В 1901 г. Победоносцев еще ободрял Никольского: «Дай Бог, если не при мне, то после меня, лучшего времени и лучшего настроения умов». Письма к Шереметеву представляют разительный контраст с этими надеждами. За четыре месяца до смерти, 3 ноября 1906 г., словно подводя итоги своей жизни, Победоносцев писал: «Тяжко сидеть на развалинах прошедшего и присутствовать при ломке всего того, что не успели еще повалить...» [Там же, с. 27].

10 марта 1907 г. на восьмидесятом году жизни Победоносцев скончался. Он был похоронен у северной стороны алтаря Введенской церкви при Свято-Владимирской женской церковно-учительской школе. В.О. Ключевский зафиксировал в дневнике: «К.П. Победоносцев. Презирал все, и что любил, и что ненавидел, и добро, и зло, и народ, и самого себя» [Ключевский, с. 391]. В. Ф. Джунковский откликнулся иначе: «... умер ... честнейший государственный деятель светлой памяти царствования Александра III. С его воззрениями, не соответствовавшими переживаемой эпохе, можно было не соглашаться, но относиться к нему иначе как с уважением нельзя было» [Джунковский, с. 209].

По словам С.Ю. Витте, сам Александр III отзывался о Победоносцеве: «...отличный критик, но сам никогда ничего создать не может» [Витте, с. 246]. Михаил Меньшиков дал сходную характеристику Победоносцеву: «Все хорошее, положительное оставалось у него безжизненным. Раз вылилось на бумагу, он бросал вопрос, считал поконченным. Между тем отрицательные – я хотел бы сказать: разрушительные – его идеи заставляли его действовать... В качестве критика-разрушителя он беспощаден» [Меньшиков, с. 313]. Генерал Н.А. Епанчин заметил по поводу «Московского сборника»: «Все положительное, что там изложено, бледнее отрицательного; положительное изложено в виде принимаемых на веру аксиом и является наглядным доказательством большей силы автора в анализе и в отрицании, нежели в синтезе и творческой работе» [Епанчин, с. 161]. А вот что писал французский посол Морис Палеолог: «Выдающийся юрист, ученый богослов, фанатичный поборник православия и самодержавия, Победоносцев вносил в защиту своих реакционных взглядов пламенную веру, экзальтированный патриотизм, глубокую и непреложную убежденность, широкое образование, редкую силу диалектики... простоту и великое обаяние манер и речи» [Палеолог, с. 180]. По оценке историка Б.Б. Глинского, обер-прокурор «явил собою в высшей степени своеобразный тип русского ученого государственного мужа, необычайно сильного своим анализом и скепсисом и слабого как творца жизни и форм этой жизни» [Победоносцев К.П..., с. 389].

Боязнь обсуждения проблем и путей их решений в сочетании со скептическим умом приводила к тому, что созидательные теории выглядели в работах К.Победоносцева блеклыми и невзрачными на фоне ниспровергаемых им нигилистических и разрушительных концепций. Вместе с тем мы никак не можем согласиться со ставшими модными сравнениями знаменитого обер-прокурора с М. А. Суловым. И уж совсем смешны аналогии между Победоносцевым и современными политтехнологами, проповедующими «консервативную стабилизацию» (а «Комсомольская правда» вообще сравнила Победоносцева с Ясиным). Все это говорит о том, что о реальном Победоносцеве у нас все еще очень мало знают, довольствуясь старыми мифами и стереотипами. При всех своих реальных и мнимых недостатках, Константин Петрович был образованным человеком, неординарным ученым и, что самое главное, действительно любил Россию.

Литература:

- Блок А.А. Избранное. Стихотворения и поэмы. М. 1973.
- Витте С.Ю. Избранные воспоминания (1849–1911). М. 1991.
- Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси. 1991. Т. 2.
- Джунковский В.Ф. Воспоминания. М. 1997. Т. 1.
- Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М. 1996.
- Записки по законоведению К.П. Победоносцева // Известия вузов. Правоведение. 1997. № 1.
- К.П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары. Минск. 2003. Т. 1.
- Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М. 1993.
- «Мать мою, родимую Россию, уродуют». Письма К. П. Победоносцева С. Д. Шереметеву // Источник. 1996. № 6.
- Меньшиков М.О. Выше свободы: Статьи о России. М. 1998.
- Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М. 1991.
- Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. М. 1925.
- Победоносцев К. П. в письмах к друзьям / Публ. и прим. О. Майоровой // Вопросы литературы. 1989. № 4.
- Победоносцев К. П. Сочинения / Вступ. ст., прим. А. И. Пешкова. СПб. 1996.
- Победоносцев К.П.: pro et contra. СПб. 1995.
- Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М. 1999.
- Тихомиров Л. А. Критика демократии. М. 1997.
- Федоров В. Победоносцев К. П. // Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа / под ред. О. А. Платонова. М. 2004.

УДК 371; 37.01; 37.05; 37.06

Татьяна Кутаренкова

Азбука на чужбине

Аннотация. Рецензия на монографию кандидата исторических наук В.А. Шевченко, посвященную феномену русского начального и среднего образования в эмиграции. Книга дает широкий обзор развития русской школы в 1920–1930-х годах в Болгарии, Сербии, Греции, Чехословакии, Франции, Германии, Польше, Финляндии, Литве, Латвии, Эстонии и Китае. Исследование основано на документах дореволюционных и эмигрантских организаций, воспоминаниях и дневниках, периодике, неопубликованных архивных источниках (документы ГА РФ, РГИА), учебных программах и учебниках, трудах деятелей русской эмиграции, публикациях современных российских и зарубежных ученых.

Ключевые слова: русская эмиграция, русский язык, образование, идентичность, П.П. Игнатъев, В.А. Шевченко.

Рецензия на книгу: **Шевченко В.А. Русская школа в эмиграции. От Белграда до Харбина. М.: АЙРИС-Пресс. 2017. 576 с.**

Русская эмиграция первой волны жила надеждами на возвращение и потому бережно относилась к родному языку, культуре и вере. Особенно важным для русских эмигрантов было воспитание своих детей. Изгнанники верили, что если не они сами, то их дети обязательно когда-нибудь вернутся в Россию, будут жить и работать на благо своей страны. Подрастающему поколению старались привить любовь к русскому языку, литературе, дать знания об истории и географии отечества. Задача не из простых: ведь именно молодежь легче всего ассимилируется и теряет свои корни. На педагогах-эмигрантах, преподавателях русских школ за рубежом, лежала особая ответственность – воспитать своих учеников в рамках национальных традиций, одновременно помогая им встраиваться в новую, порой не всегда благоприятную социальную среду.

Феномену русского начального и среднего образования в эмиграции и посвящена монография В.А. Шевченко.

Книга дает широкий обзор развития русской школы в 1920–1930-х годах в таких странах, как Болгария, Сербия, Греция, Чехословакия, Франция, Германия, Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония и Китай. Автор опирался на документы дореволюционных и эмигрантских организаций, воспоминания и дневники, периодику, не-

Сведения об авторе: КУТАРЕНКОВА Татьяна Сергеевна – старший преподаватель кафедры вспомогательных и специальных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ, кандидат филологических наук; kutarenkova@yandex.ru.

опубликованные архивные источники (документы ГА РФ, РГИА), учебные программы и учебники, труды деятелей русской эмиграции, исследования современных российских и зарубежных ученых.

Шевченко констатирует, что в 1920-х годах за границей русскими эмигрантами фактически была создана «альтернативная Россия, со своим видением мира, пониманием образовательных и воспитательных задач» [с. 497]. Причем русское образование на чужбине началось в эти годы не с нуля. У него существовал определенный фундамент – тот педагогический опыт и та система образования, которые сложились к 1917 г. в самой России. Так, в первой главе книги речь идет о школьной реформе 1915–1916 гг. министра народного просвещения П.П. Игнатьева. В условиях роста национальной экономики, развития общественных институтов, повышения социальной мобильности нужна была единая дифференцированная образовательная модель, которая бы обеспечивала всеобщий доступ к начальному и среднему образованию. Некоторые наработки этой реформы были впоследствии использованы как в России, так и в русском зарубежье.

Еще один немаловажный фактор – изменения, произошедшие в российском образовании после Февральской революции 1917 г. Этот вопрос разбирается во второй главе. Тут и реформа правописания, и попытки передать учебные заведения под контроль ведомств министерства народного просвещения, и отношение к преподаванию Закона Божия в школах, и многое другое. Автор отмечает, что реформирование системы образования Временным правительством все же носило довольно осторожный характер.

Рассматривая в дальнейшем положение русских школ в разных странах русского рассеяния, автор каждый раз дает справку, в какие годы прибывали основные потоки беженцев из России в эту страну, какова была численность русской диаспоры, анализирует ключевые аспекты социальной адаптации и правового положения беженцев, особенности взаимоотношений диаспоры и местных властей. Представлены статистические данные по численности школ и ее динамике в течение определенного периода. Подробно описана система финансирования учебных заведений, дана информация об организациях, которые брали на попечение русские школы. Есть сведения о численности классов (в том числе о соотношении в них девочек и мальчиков), об условиях, в которых обучались дети, особенностях учебной программы и учебного плана.

Одна из глав посвящена эмиграции с юга России, работе русских школ в Турции и на островах. Турция стала «колыбелью» эмигрантского быта, культуры выживания, социальной адаптации. Здесь были восстановлены существовавшие в России организации – к примеру, Всероссийский земский союз и Земгор (который в эмиграции взял на себя функцию помощи российским гражданам за границей). Они занимались не только оказанием материальной помощи беженцам, но и просветительской работой. Благодаря им, а также помощи международных благотворительных организаций и частных лиц было открыто несколько учебных заведений для детей из России.

Автор сообщает интересный факт: во многих школах-приютах для русских мальчиков большое внимание уделялось практической подготовке. Дети учились работать в мастерских, садах и огородах, на кухне, ежедневно получали наряд по уборке помещений. Русские беженцы не гнушались никакого труда и к этому приучали своих детей. В наши дни нередко заводят разговор об отмене уроков труда в школе. Основной аргумент, как правило, такой: умный и успешный человек заработает и на уборщицу, и на сантехника – так зачем же ему учиться работать руками? Опыт русской эмиграции первой волны демонстрирует, как губительны такие заблуждения и насколько легко из состоятельного человека превратиться в бедного, голодного, никому не нужного беженца. Вчера – дворец на Мойке, сегодня – голая и бесплодная земля Галлиполи, тесная сырая каморка... Генералы шли в таксисты, княгини и княжны мыли посуду, казаки брали в руки лопаты – и никто не считал подобный труд постыдным. Потому и подрастающему поколению эмигранты прививали уважение к труду: ведь неизвестно, куда завтра может забросить судьба.

После ликвидации лагерей беженцев в Галлиполи русские школы были переведены в Болгарию и Чехословакию.

Русское рассеяние охватило большое число стран. Можно ли было сформировать единое образовательное пространство в условиях изгнания? Очевидно, что для этого требовалось создать некий координационный центр. Так появилось Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. Оно позволило организовать учебно-методическую работу и консолидировать педагогов из России, разбросанных по разным странам Европы и Азии. О работе этого органа подробно рассказывает еще одна глава книги.

Автор отмечает, что многое в работе русских эмигрантских школ зависело от местного законодательства и решений национальных правительств. Правовое и материальное положение русских учебных заведений в разных странах не было одинаковым, что значительно усложняло формирование единого образовательного стандарта и общего подхода к учебно-воспитательному процессу. Педагогическое бюро, обладая определенным авторитетом, на самом деле выполняло лишь консультативную функцию.

Основная финансовая нагрузка по содержанию русской эмигрантской школы пришла на славянские государства.

Так, в Чехословакии русские школы получили хорошую поддержку со стороны правительства. Русская гимназия в Моравской Тржебове, по словам автора, «долгие годы считалась образцовым средним учебным заведением среди других русских эмигрантских школ» [с. 217]. Достойным было и положение Пражской русской гимназии. Но чтобы поступить в эти учебные заведения, необходимо было сдать вступительный экзамен и владеть чешским языком на определенном уровне. Новоприбывшим из-за границы предоставлялась отсрочка на один год для его изучения.

(В контексте разговора о русских школах в Чехословакии рассматривается вопрос, касающийся национальных меньшинств, в частности – русинов. В течение многих лет

учителя из русинских школ боролись за право преподавать на русском языке и по русским учебникам.)

Большое число русских школ работало в Королевстве СХС. После Гражданской войны сюда эвакуировались из России три кадетских корпуса и два девичьих института. Открывались новые школы. С самого начала эмигранты выступили за принятие учебной программы дореволюционных школ и сохранение русской национальной школы в изгнании. Однако высший надзор за русскими школами осуществляло местное министерство народного просвещения, которое настаивало на изменении учебной программы согласно требованиям сербской системы образования. Эта проблема вызвала серьезную дискуссию в кругах русских педагогов и ученых. В годы Второй мировой войны и оккупации Югославии число русских школ значительно сократилось. В сентябре 1944 г. было объявлено о закрытии гимназий и Русского кадетского корпуса. Двумя годами ранее перестал существовать Мариинский Донской институт.

В Болгарии уже в 1920 г. русские эмигранты начали предпринимать попытки организовать обучение детей и создать свои национальные школы. Как и в Королевстве СХС, попытки педагогов увеличить число часов на преподавание русских национальных предметов (при сохранении числа уроков болгарских дисциплин) вызвали неодобрение со стороны министерства народного просвещения, которое настаивало на необходимости унификации учебных программ.

В Греции в 1921 г. открылись гимназия в беженском лагере в Харилау и прогимназия в Афинах. Обе школы выживали в условиях финансовой нестабильности (например, педагоги нередко вынуждены были работать без зарплаты), имели трудности с легализацией. Безработица вынуждала многих эмигрантов уезжать в другие европейские страны и увозить с собой семьи, отчего учеников в русских школах Греции становилось меньше.

Мировой экономический кризис и миграция русских беженцев в поисках лучшей жизни усложняли положение русских школ в Греции и славянских странах. Но все же, как отмечает автор книги, «русская акция трех славянских стран обеспечила долгосрочное существование эмигрантской школе» [с. 374].

Отдельная глава посвящена организации общего среднего образования для русских детей в Германии, Франции, Бельгии и вольном городе Данциг, который имел особый статус с 1920 по 1945 г. Если Турция, Болгария, Греция, Королевство СХС и Чехословакия для многих эмигрантов были «транзитным пунктом», то в этих странах русские колонии обосновывались прочно и надолго (единственное исключение – Германия, из которой дважды происходил массовый отток беженцев, преимущественно во Францию: из-за подорожания жизни и из-за прихода к власти нацистов). Но именно здесь эмиграция сильнее всего столкнулась с проблемой денационализации образования и интенсивной ассимиляции молодого поколения.

В Германии, несмотря на наличие русских школ, многие родители-эмигранты предпочитали отдавать детей в немецкие школы: это гарантировало знание немецкого языка и облегчало поступление в высшие учебные заведения.

Похожая ситуация наблюдалась и во Франции. Страна отличалась разнообразием русских учебных заведений: гимназия в Париже, школа «Александрино» в Ницце, Корпус-лицей Императора Николая I, многочисленные начальные школы, воскресно-четверговые школы, а также различные курсы по русскому языку, истории и географии России. Большое распространение получили летние колонии, где дети не только занимались спортом и трудом, но изучали Закон Божий, русский язык, историю, географию. При французских учебных заведениях создавались русские курсы и отделения по русским национальным предметам. Однако плата за обучение в большинстве русских школ была выше, чем во французских школах. Поэтому многие родители-эмигранты отдавали детей обучаться по французской программе.

В Бельгии среднее образование на русском языке эмигрантские дети получали преимущественно в школах-приютах и интернатах. Важную роль сыграло местное русское духовенство: школы действовали при Свято-Никольском храме и храме Воскресения Христова в Брюсселе.

Казалось бы, в этих странах должны были быть лучшие условия для развития русских школ и успешного воспитания подрастающего поколения в рамках национальной культуры и традиции. Однако, по мнению автора, в Германии, Франции и Бельгии русские учебные заведения существовали скорее как исключение.

Еще сложнее была ситуация с русскими школами в лимитрофах (Финляндии, Румынии, Польше, Латвии, Литве и Эстонии). В Финляндии школы для местных русских появились еще до 1917 г. С началом притока беженцев из России стали открываться новые учебные заведения. Автор показывает, в каких непростых условиях выживало здесь русское образование. По его словам, «некоторые финские чиновники находили угрозу для национальной безопасности в самом наличии русской школы» [с. 409]. А в финских школах русские дети нередко становились изгоями.

С притеснениями русские учителя и школьники сталкивались и в Румынии. Особенно это касалось частных русских школ. Несмотря на значительный процент русскоговорящего населения в присоединенной Бессарабии, многие русские школы на этой территории агрессивно «румынизировались». Русский язык был переведен в разряд необязательных предметов. А румынское правительство рассылало в высшие учебные заведения других европейских стран извещения с просьбой не принимать в качестве абитуриентов выпускников бессарабских школ.

Похожую практику использовали против русских школ в Польше. Школы, отказавшиеся вести преподавание на польском языке, переходили в разряд частных. Вместо аттестатов зрелости такие школы могли выдавать только свидетельства. На видном месте этих документов указывалось, что они не дают право поступать в высшее учебное заведение.

Обозревая деятельность русских школ в Прибалтике, автор отмечает: исследований, касающихся Латвии, где в 1923–1924 гг. действовали 206 начальных и 23 средних школы, в отечественной и зарубежной науке на сегодняшний день довольно мало. Интересен опыт того, как в этой стране, где положение русских школ было незавидным, однажды удалось отстоять школьную автономию нацменьшинств. В 1932 г. Сейм отменил распоряжения министра Кениньша, требовавшего, чтобы во всех школах преподавание велось исключительно на латышском языке. Однако после государственного переворота 1934 г., когда началось активное наступление на права школ нацменьшинств, ситуация ухудшилась.

В Литве политика правительства также не способствовала развитию русских школ, и большинство русских детей в 1920–1930-х годах вынуждены были обучаться не на родном языке. Дети от смешанных браков, у которых один из родителей был литовец, и вовсе не имели права учиться в какой-либо другой школе, кроме литовской.

В Эстонии существовали государственные русскоязычные гимназии, но, как и в Латвии, с приходом к власти националистов образование на русском языке было сведено к минимуму.

В Маньчжурии с русскими школами сложилась поистине уникальная ситуация. По словам автора книги, «"полоса отчуждения" стала своеобразной экспериментальной площадкой, где сталкивались различные идеологии и политические системы» [с. 496]. Здесь существовали бок о бок старые русские школы, возникшие еще в конце XIX в. (в них учились дети российских поданных, проживавших по линии КВЖД), эмигрантские и советские (появившиеся после 1924 г., когда КВЖД получила статус совместного советско-китайского коммерческого предприятия). Серьезным испытанием для русских школ стала японская оккупация: советские школы начали массово закрываться, а эмигрантские подверглись обязательной реорганизации (введение уроков японских языка и истории, военно-воспитательной подготовки). Все школы должны были подчиняться требованиям оккупационных сил.

В книге освещены и общие тенденции и проблемы всех русских средних учебных заведений в изгнании. Например, сложный, неоднородный состав школьных классов. За одной партией могли оказаться ученики совершенно разного возраста. Исследователь приводит такой факт: в Пражской гимназии в 1925/26 учебном году в одном классе обучались школьники, младшие из которых родились в 1919 г., а старшие – в 1901! И даже учащиеся одного возраста имели порой совершенно разные уровни подготовки: они прибывали в школы в разное время из разных областей России, принадлежали к разным социальным слоям.

Примечательны продолжительные диспуты, в какие выливалось обсуждение вопросов о реформировании учебной программы. Как и многие другие полемики, они демонстрировали все разногласия, существовавшие в эмигрантских кругах. (Можно вспомнить в качестве примера Российский Зарубежный Съезд, прошедший в Париже в 1926 г.: объединения так и не получилось, более того – даже коалиции единомыш-

ленников раскололись в ходе споров на разные фракции.)¹ Нежелание прислушаться друг к другу – вот главная «болезнь», подтачивавшая силы русского зарубежья.

Но, несмотря на все разногласия, недружественное отношение властей, финансовые и материальные трудности, русская школа за рубежом выполнила свою главную миссию. В большинстве своем эмигрантские дети первого поколения (те, кого увезли из России младенцами, и те, кто родился уже на чужбине) помнили о своих корнях и считали себя русскими.

В.А. Шевченко на страницах своей книги выражает надежду, что педагогический опыт русских эмигрантов будет востребован в современной России. Сегодня, как он пишет, образовательный уровень определяется стремлением успешно «социализировать» молодое поколение, научить приспосабливаться к жизненным реалиям. При этом духовно-нравственная составляющая школьного воспитания остается в качестве лишь «надстройки над экономическим базисом» [с. 5]. Русские педагоги-эмигранты смогли выстроить такую систему обучения, в которой обе эти составляющие были равноправны.

Издание адресовано не только историкам, занимающимся изучением феномена русского зарубежья и, в частности, русского образования в эмиграции, но и всем, кто неравнодушен к прошлому, настоящему и будущему российской школы.

¹ Подробнее об этом см.: Кутаренкова Т.С. Журналистская и редакторская деятельность П.Б. Струве в контексте периодики русской эмиграции первой волны во Франции (1925–1934 гг.): Дис. канд. филол. наук. М. 2013. С.116. (стоит оставлять один пункт в списке литературы?)

Authors

Vladimir VASILIEV — Chief Researcher, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Economics; vsvasiliev@mail.ru.

Ekaterina NAROCHNITSKAYA — Leading Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) RAS; Director of the Research Centre, Foundation for Historical Outlook; Editor in chief of «Perspectives and prospects. E-journal»; Ph.D in history; ye_naroch@inbox.ru.

Daria KARPUHINA — sociologist; Expert, Foundation for Historical Outlook; kardarya@gmail.com.

Lev KLOCHKOVSKY — Leading Researcher, Institute of Latin America RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; reu.icb@yandex.ru.

Tatyana KUTARENKOVA — Senior Lecturer, Russian State University for Humanities; Ph.D. in Philology; kutarenkova@yandex.ru.

Svetlana POGORELSKAYA — Senior Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION), RAS; Senior Researcher, Institute of Europe, RAS; Ph.D in Political Science; Doctor of Philosophy, the University of Bonn; pogorels@mail.ru.

Aleksander REPNIKOV — Vice-Director, Center of documentary publications, the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI); Doctor of History; Professor; repnikov@mail.ru.

Petr YAKOVLEV — Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Latin America RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; yakovlev@yandex.ru.

Abstracts and Keywords

Ekaterina NAROCHNITSKAYA

2017 ELECTIONS IN FRANCE: AN UNPRECEDENTED PRESIDENTIAL CAMPAIGN

Abstract. *The article focuses on the main election of the 2017 electoral cycle in France. Culminating in E. Macron's victory the struggle for the country's presidency broke all records in terms of hot news, scandals and unpredictability. The author analyzes the pre-election situation, programs of the main candidates, unprecedented features of the last presidential campaign, its unforeseen turns and outcomes. The resulting picture sheds a lot of light on the current trends and issues in French politics and society.*

Keywords: *contemporary France, Fifth Republic, 2017 presidential election, French presidential campaign, primary elections, Fillon, Macron, Marine Le Pen, Melenchon.*

Petr YAKOVLEV

SPANISH-STYLE BREXIT: CAUSES AND CONSEQUENCES OF THE CATALAN CRISIS

Abstract. *In the autumn of 2017 Spain ran into the most acute political and institutional crisis during the 40-year-old history of its democratic development counting from the demise in November 1975 of its dictator F. Franco. An attempt by the authorities of one of the regions in Spain – Catalonia – to achieve independence and create an independent state with a republican form of government questions the very existence of the Kingdom of Spain in its modern form, and challenges the European Union.*

Keywords: *Catalonia, Spain, economic crisis, separatism, Catalonia referendum, Montreal effect, European Union, political dialogue.*

Vladimir VASILIEV

ANATOMY OF TRUMPISM: THE TEAM OF THE 45TH PRESIDENT OF THE UNITED STATES

Abstract. *The fate of Donald Trump's presidency and his political agenda directly depend on his team, on his inner and extended circle. Examining presidential appointees and nominees' background, the author concludes that politicized views on Trumpism as an American version of today's economic nationalism tend to be inconsistent with political and professional profiles of key personalities in Trump's administration.*

Keywords: *USA, Trump's administration, trumpism, Wall Street, shadow cabinet, clannishness, economic nationalism.*

Svetlana POGORELSKAYA**THE MERKEL ERA**

Abstract. *The case of A. Merkel is one of the most interesting among contemporary political leadership. The author examines keys to success of the female politician who has become chancellor of Germany for the fourth time, and traces the story of her political ascent and rule. The focus is on Angela Merkel's political style, various changes she introduced within the CDU, as well as on key points of Merkel's domestic and foreign policies at the head of united Germany, aware of its new national interests.*

Keywords: *political leadership, Germany, Angela Merkel, CDU, political style, German foreign policy, German leadership.*

Daria KARPUHINA**EMMANUEL MACRON: BIOGRAPHY, PERSONALITY, MEDIA IMAGE**

Abstract. *An extensive review of the book by Anne Fulda, a French political columnist and writer, is devoted to the new French president E. Macron. Based on numerous facts and exclusive interviews the book is an attempt to draw a realistic profile of the French head of state, as opposed to his media image. It highlights circumstances that have influenced E. Macron as a personality and politician, his communication skills, as well as the role in his life played by a number of financial, political, media and intellectual VIPs.*

Keywords: *France, Emmanuel Macron, E. Macron's family, biography, communication skills, media image.*

Lev KLOCHKOVSKY**THE FUTURE OF THE WORLD ECONOMY AND LATIN AMERICA**

Abstract. *Global economy is on the threshold of fundamental changes. The driving factors of economic development are undergoing transformation and their effects are becoming increasingly ambivalent. The changing configuration of power centers produces a growing impact on global economic processes. It is in this context that Latin America faces a number of crisis and that compels the region to make difficult decisions.*

Keywords: *world economy, globalization, scientific and technological progress, innovative development, external economic factors, aggravation of economic contradictions.*

Petr YAKOVLEV**THE ASIA-PACIFIC REGION AND THE FUTURE OF GLOBAL ECONOMY**

Abstract. *The development of the world economy and international commerce more and more depends on the state of affairs in the Asia-Pacific region, where economic shifts of a planetary magnitude have occurred in recent years. Major changes are expected to take place in this part of the world in connection with the advent to power in Washington of the Donald Trump administration, whose policies have been significantly transforming the U.S. foreign economic strategy.*

Keywords: *Asia Pacific, world economy, world trade, regionalism, China, APEC, US-China relations, US foreign trade, EU foreign trade.*

Aleksandr REPNIKOV**RUSSIAN CONSERVATISM: KONSTANTIN POBEDONOSTSEV (IN COMMEMORATION OF THE 190TH BIRTHDAY ANNIVERSARY)**

Abstract. *The article is devoted to K.P. Pobedonostsev (1827–1907) – a prominent representative of Russian conservatism, who became the symbol of an era – the reign of Alexander III. Reviewed are major facts of his career as well as his socio-political views, his place in the history of Russian thought and the way he was described by contemporaries and scholars of the subsequent period.*

Keywords: *Pobedonostsev, Konstantin Pobedonostsev, Alexander III, Russian thought, Russian conservatism.*

Tatyana KUTARENKOVA**SCHOOLING IN FOREIGN LANDS**

Abstract. *A review of the monograph by V.A. Shevchenko, Ph.D. in history, discussing the subject of Russian primary and secondary education in expatriate communities. The book gives a broad overview of the development of the Russian school in the 1920s–1930s in Bulgaria, Serbia, Greece, Czechoslovakia, France, Germany, Poland, Finland, Lithuania, Latvia, Estonia and China. The research is based on documents of Russian emigrant organizations, memoirs and diaries, periodicals, unpublished archival sources (documents from the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Historical Archive), curricula and textbooks, works by Russian emigrant authors and contemporary scholars.*

Keywords: *Russian emigration, Russian language, education, identity, Pavel Ignatiev, Valery Shevchenko.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2017

№ 3 (11)

(июль–сентябрь)

E-journal «Perspectives and prospects»

2017

№ 3 (11)

(July – September)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, ул. Долгоруковская, д. 33, стр. 2

тел./факс: +7(495)789 80 87